

Кирилл Бенедиктов

Милиардер³

Книга третья
КОНЕЦ ИГРЫ

Автор идеи
Константин Рыков

ЭТНОГЕНЕЗ

Издательско-торговый дом
«Этногенез»
Москва, 2011

ПОПУЛЯРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

Издательство
«Популярная литература»
Москва, 2011

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б46

Книга издана при поддержке Newmedia Stars

Бенедиков, К.
Б46 Миллиардер 3. Книга третья: Конец игры / Кирилл Бенедиков — М.: Издательско-торговый дом «Этногенез», 2011. — 288 с.

В конце 2011 года власть над миром должна перейти в руки правителей Четвертого Рейха.

Мария фон Белов пытается воскресить спящего в ледяном саркофаге фютера. Ближний Восток пылает в огне революций, финансируемых международными корпорациями. Террористы из Братства Небесного Огня готовятся захватить Большой театр в Москве, Линкольн-центр в Нью-Йорке и завладеть мощнейшим климатическим оружием НААРП на Аляске.

Противостоять планам нацистов может только один человек — миллиардер Андрей Гумилев. Но его дочь Марусю и возлюбленную Марго Сафину держат в заложниках на спрятанной в арктических льдах базе «Ultima Thule». Сумеет ли Андрей, используя лишь свой ум и интуицию, одержать верх над сильным и коварным врагом?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б46

ISBN 978-5-904454-50-0

© Рыков К., 2011
© Бенедиков К., 2011
© Издательско-торговый дом «Этногенез», 2011

ПРОЛОГ

*Арктика, 85-й градус северной широты
Борт ледокола «Россия»*

— Они погибли.

Лицо профессора Ремизова скрывал густой мех капюшона, но Чилингарову показалось, что его собеседник с трудом сдерживается, чтобы не закричать. Три дня они ждут, пока «Земля-2» выйдет на связь. Три дня, украденных у мировой знаменитости, крупнейшего специалиста по искусственным интеллектуальным системам. А тераформирующая станция по-прежнему молчит, и белое безмолвие вокруг словно насмехается над надеждами людей.

Полярник похлопал Ремизова по плечу.

— Не хороните их раньше времени, Аркадий Петрович. У Гумилева — сверхсовременная техника, фантастическая, прямо скажем. «Земля-2» обладает потрясающим запасом прочности. Да что я вам рассказываю! Взять хотя бы этот ваш искусственный интеллект... «Фрам».

Ремизов вздрогнул.

— Вы не знаете, о чем говорите, Артур Николаевич. Искин... это самое слабое звено «Земли-2». Помните катастрофы самолетов в прошлом году? Французский лайнер, пропавший в Атлантике?

— При чем здесь самолеты? — недоуменно спросил Чилингаров.

— Все они были оснащены искусственными интеллектами, разработанными в корпорации Гумилева.

Двое мужчин, стоявших у борта верхней палубы ледокола «Россия» и вглядывавшихся в белую пустыню, замерли в напряженном молчании. Чилингаров не знал, как реагировать на неожиданное признание Ремизова, а тот явно не собирался развивать тему.

Аркадий Ремизов был гордостью российской науки, самым молодым членом-корреспондентом РАН, одним из лучших специалистов по проблемам искусственного интеллекта в мире.

Когда на «Земле-2» стали происходить бессмысленные и страшные убийства, а «Фрам» начал вести себя странно, Чилингаров покинул борт станции, чтобы вернуться на ледокол. В его распоряжении была маленькая спасательная капсула, рассчитанная на двоих. Но Артур Николаевич отправился в путь один и втайне от остальных участников экспедиции — на этом настоял Гумилев, опасавшийся, что, если о миссии Чилингарова станет известно, это вызовет панику на борту и люди начнут драться за место в капсуле, как дрались пассажиры за спасательные шлюпки на «Титанике». Гумилев, подозревавший, что кто-то запустил в компьютерную систему «Земли-2» вирус, попросил полярника найти лучших специалистов в области искусственного интеллекта. Но все, что успел сделать Чилингаров, — это выдернуть с какой-то международной конференции профессора Ремизова и доставить его на борт «России». Сразу после этого связь с «Землей-2» оборвалась, и потянулись долгие дни ожидания.

В глубоком кармане дохи Чилингарова пронзительно звонил спутниковый телефон.

— Чилингаров, — отрывисто бросил в трубку начальник экспедиции.

Ремизов обернулся, с надеждой глядя на полярника. Но по тому, как напряглось лицо Чилингарова, понял, что хороших вестей ждать не стоит.

— Да, Владимир Владимирович, — по-военному четко ответил тот невидимому собеседнику. — Нет, пока не нашли. Ищем.

Собеседник его что-то сказал.

— Разумеется, Владимир Владимирович. Как только что-нибудь станет известно. Сразу же сообщу. Да. Делаем все возможное.

— Путин, — коротко объяснил он, убирая телефон обратно в карман.

Ремизов кивнул и что-то сказал, но его слова заглушил шум винтов — высоко в темно-синем небе над ледоколом прошел ярко-желтый, похожий на пузатую стрекозу вертолет. Всего на «России» было четыре вертолета, и все они уже третью сутки прочесывали ледяную пустыню, в которой бесследно пропала терраформирующая станция «Земля-2» вместе с экипажем. Пока — безрезультатно.

Пилот борта К-17 Никита Громов отчаянно хотел спать.

Поиски «Земли-2» продолжались уже пятьдесят шесть часов, и за все это время он спал не больше четырех часов, да и то в два приема. Но пилотов на «России» было столько же, сколько и вертолетов, то есть четверо. Время, потраченное на сон, автоматически уменьшало шансы обнаружить людей, пропавших в арктической пустыне, — во всяком

случае, живыми. А царивший на восемьдесят пятой широте полярный день делал бессмысленным само понятие «ночь». Поэтому Никита, как и трое остальных пилотов, накачивался крепчайшим кофе и энергетиками и глотал бемитил. Когда Громов увидел темное пятно в углу кабины, то понял, что со стимуляторами он переборщил.

Пятно имело форму овала и ритмично пульсировало.

— Ну, нет, — сказал Громов. — Тебя здесь нет, ясно?

— Семнадцатый, — немедленно раздалось в наушниках, — ты с кем там разговариваешь?

Сегодня поиски координировал полковник Бортников, страшный зануда и невероятно мнительный тип.

— Ни с кем, — буркнул Громов, отчаянно моргая. Пятно расплылось и исчезло.

— Точно? — подозрительно переспросили его. — Ну-ка, доложи обстановку, майор.

— Докладываю. Веду поиск в квадрате С-6. Видимость нормальная. Никаких признаков станции не наблюдаю.

— Ладно, — смилиостивился полковник. — Продолжай поиск, семнадцатый. И чтобы больше мне посторонних реплик в эфире не было.

Никита Громов ответил ему мысленно, но очень выразительно. Бортников, в отличие от него, прекрасно высыпался — его-то регулярно подменяли. За пультом сидеть и отдавать распоряжения в микрофон каждый может. Не то что управлять сложнейшей машиной, такой как К-17...

В этот момент Громов увидел.

Впереди, почти точно по курсу вертолета, темнел на белом снегу какой-то предмет. Приличных размеров — метров десять в диаметре. Но все же недостаточно большой, чтобы быть станцией «Земля-2».

Он был овальной формы и слегка пульсировал.

— Черт, — прошептал Громов (чтобы не услышал зануда Бортников). — Опять двадцать пять, за рыбу деньги...

Что означала эта присказка, он понятия не имел, но это было любимое выражение его деда, тоже летчика, прошедшего Великую войну и сбившего двадцать семь немецких самолетов.

Он потер глаза тыльной стороной ладони. Темный овал никуда не делся и даже не перестал пульсировать. Теперь майор четко видел, что это палатка, трепещущая на арктическом ветру.

Рядом с палаткой стоял человек и изо всех сил махал руками.

«Надеюсь, это не глюк», — подумал Громов, снижаясь. К-17 был маленьким юрким разведчиком, не предназначенным для спасательных операций, но, судя по показаниям приборов, до ледокола было восемь-надцать морских миль — «Россия» преодолеет это расстояние за два часа. Громов надеялся, что те, кого он нашел, продержатся это время. Сейчас он скинет на лед контейнер с аварийным запасом продуктов, лекарствами и радиомаячком и передаст координаты палатки Бортникову. А потом можно будет наконец высаться...

Человек у палатки нетерпеливо подпрыгивал, как будто хотел дотянуться до снижавшегося вертолета. «Странно, — подумал Громов, — почему он один?»

Но тут полог палатки откинули в сторону, и Никита увидел еще двух — в странной черной форме и шлемах, какие он видел в старых фильмах про войну, — в таком шлеме, наверное, летал на своем «Яке» дед.

— «Россия», — сказал Громов в микрофон, — я семнадцатый, наблюдаю внизу что-то странное.

«Сейчас Бортников разорется, — подумал он. — А как по-другому? Вижу трех мужиков в не нашей форме? И какую-то железную хрень, похожую на полевую кухню, с длинной трубой? Елки зеленые, да это ведь не мужики!»

И точно — внизу, у палатки, стояли девки. Три девки в черной с серебром форме. Две направляли на вертолет железную трубу, третья — та, что подпрыгивала, — держала в руке что-то похожее на короткий толстый автомат.

— «Россия», — позвал Никита, — у меня чрезвычайная ситуация...

Но Бортников молчал. В наушниках стоял жуткий треск, и Громов понял, что «Россия» его не слышит.

— Вот, значит, как, — сказал майор и потянул на себя штурвал, уводя вертолет вверх. — Засада, значит.

Автомат в руке белокурой девушки дернулся с резким квакающим звуком, и по дну К-17 застучали чьи-то злые железные пальцы.

— Марта, Хельга, возьмите летчика и перенесите в палатку, — распорядилась оберлейтенант Шарлотта Фриз.

Русский летчик был без сознания. Выстрел из портативного «металлического луча» пробил дно его машины, но крошечные металлические пульки прошли в полуметре от кресла — Шарлотта специально стреляла так, чтобы не задеть пилота. Вертолет, раскрашенный в веселый ярко-желтый цвет, неловко зарывшись носом в снег, торчал

в двадцати метрах от палатки. Электроимпульсная пушка вывела из строя радиосвязь, но оберлейтенант Фриз отдавала себе отчет в том, что еще час-два — и пропавшую машину начнут искать. Времени у нее оставалось немного, а задача, которую поставила перед ней Мария фон Белов, была сложной.

Когда русского перенесли в палатку, Шарлотта знаком велела Марте и Хельге выйти. То, что должно было здесь произойти, не предназначалось для глаз и ушей непосвященных.

Убедившись, что ее подчиненные отошли на достаточное расстояние, Шарлотта Фриз расстегнула ворот теплой меховой куртки и вытащила висевшую на прочной стальной цепочке фигурку Орла, сделанную из серебристого металла.

«Это величайшая ценность Рейха, — сказала ей Мария фон Белов, вручая Орла. — Она принадлежит не мне, а фюреру. Вы понимаете, оберлейтенант, какое доверие я вам оказываю?»

У Шарлотты перехватило дыхание. Она кончиками пальцев дотронулась до фигурки — та показалась ей очень холодной.

«Я не заслуживаю такой чести, — проговорила Фриз упавшим голосом. — Я не могу...»

«Бросьте, оберлейтенант, — рассердилась Мария фон Белов. — Это не честь, а обязанность! Вы должны выполнить задание чрезвычайной важности и вернуть мне предмет в целости и сохранности. Вам ясно?»

«Так точно, рейхсфюрер! — Шарлотта вытянулась в струну и крепко зажала Орла в кулаке. — Разрешите уточнить детали задания?»

Прежде всего оберлейтенант убедилась, что запястья русского надежно скованы стальными наручниками. Затем поднесла к лицу пилота ватку, пропитанную нашатырным спиртом. Когда пленник открыл глаза, Шарлотта Фриз вытянула вперед руку с Орлом и, с трудом выговаривая русские слова, принялась повторять текст, который велела ей выучить Мария фон Белов.

Телефон зазвонил в ту самую минуту, когда Артур Чилингаров наконец провалился в глубокий и черный, как омут, сон.

— Артур Николаевич, мы их нашли! — Голос Бортникова доносился откуда-то издалека, будто майор находился не в рубке двумя палубами ниже, а на другом конце света. — Сигнал радиомаячка в квадрате В-25!

— Кто сейчас в том районе? — Чилингаров мгновенно вынырнул из омута, собрался, надел лежащие на прикроватной тумбочке очки и взглянул на светящийся над дверью циферблат часов — было пятнадцать минут четвертого.

— Лейтенант Кривошеев. Докладывает, что видит большую полынью или трещину, длиной до километра, сигнал идет оттуда. Какие будут указания?

Чилингаров с трудом сдержался, чтобы не выругаться. Вроде бы всем хорош майор, честный и добросовестный служака, но инициативы ни на копейку.

— Кривошеев пусть ведет визуальный поиск. А вы собираете спасателей и готовьте «корову». Отправляемся в квадрат В-25 немедленно. Я лечу со спасательной группой.

— Есть, товарищ руководитель экспедиции, — отрапортовал Бортников. Ему, кажется, полегчало. — Еще одно... Пропал вертолет майора Громова в квадрате С-6. Около двух часов назад перестал выходить на связь.

«Что за чертовщина, — устало подумал Чилингаров. — Не 85-я параллель, а Бермудский треугольник какой-то...»

— Вышлите на поиски свободные машины, — распорядился он. — Тем более что Гумилева мы, кажется, отыскали...

Не заметить ярко-оранжевые жилеты на поверхности темно-синцовых вод было невозможно.

Их было всего пять — лейтенант Кривошеев успел несколько раз пересчитать оранжевые пятна, пока закладывал вираж над длинной и узкой, как шрам от гигантской сабли, полыней. И никаких следов «Земли-2». Радиомаячок, по сигналу которого он отыскал полынью, судя по всему, находился не на борту станции, а в вещмешке одного из ее пассажиров. Да и живы ли те, внизу? Кривошеев видел лишь, как невысокая волна колыхала яркие оранжевые мешки, — ничего похожего на осмысленные движения не было видно. Мертвые? Без сознания? Опуститься на лед Кривошеев не мог — края полыни были подтаявшими и ненадежными, а ближайшая площадка, пригодная для посадки, находилась за торосами. Оставалось только ждать — спасательный борт с «России» вылетел уже двадцать минут назад.

«Ми-26», зовущийся на жаргоне летчиков «летающей коровой», перевалил через острый гребень полукилометровой ледяной стены, нависающей над полыней с юга.

Один из лучших вертолетов на планете, «Ми-26» был разработан еще во времена Советского Союза в легендарном КБ Миля. Надежный, мощный, настоящий великан среди геликоптеров, «Ми-26» способен нести в своем железном чреве целую десантную роту — или шестьдесят носилок с ранеными.

Десять лет назад Артур Чилингаров уже летал на «Ми-26» над Северным Ледовитым океаном, но то была сверх дальняя экспедиция, призванная показать всему миру невероятные возможности крупнейшего в мире транспортного вертолета. Нынешний бросок «коровы» по сравнению с тем давним перелетом был крошечным — всего сорок километров, но сегодня старый полярник волновался куда сильнее.

Дело было не только в том, что за проектом Андрея Гумилева внимательно следили в Кремле.

Чилингаров, как никто другой, понимал, что от того, чем закончится амбициозная миссия «Земли-2», зависит будущее освоения Арктики. А Арктика была для Артура Николаевича всем — жизнью, судьбой, страстью. Почти полвека он отдал этому суровому, удивительному краю, который — в это Чилингаров свято верил — самой природой был предназначен для того, чтобы стать неисчерпаемой кладовой России. Последние годы невидимая битва за Арктику обострилась до предела: на сказочные богатства шельфа Северного Ледовитого океана точили зубы и США, и Норвегия, и Канада. В этом противостоянии появление такой мощной машины, как «Земля-2», могло стать неубиваемым козырем, меняющим всю расстановку сил на игровом поле.

Когда «Земля-2» не вышла на связь, Чилингаров почувствовал себя обманутым. Он верил в Гумилева и его корпорацию, в которой работали молодые светлые головы, создавшие новое чудо света — терраформирующую станцию. Ничего подобного не было ни в Америке, ни в Европе. «Земля-2» просто обязана была справиться со своей задачей, она не имела права так бесславно пропасть...

Потом, немного успокоившись, Чилингаров сказал себе — исчезновение станции не может быть простым несчастным случаем, для этого «Земля-2» чересчур сложно устроена и снабжена хитрыми системами защиты. Где-то там, на дне Северного Ледовитого океана, Гумилев и его люди столкнулись с чем-то враждебным, и это что-то погубило экспедицию.

Артур Николаевич хорошо помнил трагедию подлодки «Курск», затонувшей в Баренцевом море девять лет назад. Чилингаров был одним из немногих людей в стране, посвященных в мрачную тайну

«Курска», и знал, что причиной гибели подлодки была атака другой субмарины, американской. Американцы сразу же принесли извинения, сославшись на неисправность приборов, и на самом высоком уровне было принято решение не идти на конфликт, который мог обернуться Третьей мировой войной. Но у Чилингарова до сих пор не было уверенности в том, что тогда американцы говорили правду. Нападение на «Курск» могло быть осознанным, спланированным заранее, и точно так же неизвестные враги могли погубить «Землю-2». Особенно если они знали о целях экспедиции...

Тогда он начал планировать действия по поиску и спасению станции совсем по-другому: не как полярный исследователь, а как полководец и стратег, противостоящий невидимому, но мощному врагу. И сейчас, приближаясь к квадрату В-25, Чилингаров словно бы проводил военную операцию. Помимо десяти спасателей — лучших людей из ведомства Шойгу — на борту «летающей коровы» было двадцать бойцов спецназа ВМФ, вооруженных бесшумными автоматами «Вал» и подводными пистолетами СПП-1.

Тридцать человек — больше трети того числа, которое могла поднять «летающая корова». На борту «Земли-2» было пятьдесят членов экипажа и пассажиров. Если случится чудо и все они выживут, их просто некуда будет грузить.

Но это, сказал себе Чилингаров, меньшая из всех проблем. Можно будет оставить на льдине спецназовцев: «Ми-26» обернется туда-обратно за полтора часа, за это время ничего с тренированными парнями не случится. Да он и сам с радостью уступит свое место на борту вертолета, лишь бы только с людьми Гумилева все было в порядке...

Через десять минут он понял, что высаживать на лед никого не придется.

Спасшихся было пятеро, и все они были без сознания.

«Летающая корова» зависла в десяти метрах над черным зеркалом полыни, и из ее стального брюха выпали похожие на белую паутину тросы. По ним скользнули к воде спасатели в красных надувных жилетах. На минуту красные и оранжевые цвета перемешались — спасатели вылавливали из ледяных волн плававшие на поверхности тела и надевали на них кожаные ремни, пристегнутые к тросам. Потом тросы начали медленно втягиваться в чрево огромного вертолета — вместе со спасателями и спасенными. Первым на борт подняли старика с изможденным, белым, как молоко, лицом — Чилингаров с трудом

узнал в нем бравого генерала Свиридова. Рука генерала, когда Артур Николаевич дотронулся до нее, была холодной и твердой, как у трупа.

— Он жив, — заверил Чилингарова один из спасателей. — Сейчас вколем ему «антишок», и он очнется.

— А остальные? — спросил Артур Николаевич.

Спасатель пожал плечами.

— Все живы. Им повезло, что Кривошеев сразу засек их маячок. В такой воде больше двух часов даже в спецкомбинезонах не продержаться.

«Ошибкаешься», — подумал Чилингаров. Разработанные в корпорации Гумилева комбинезоны были фактически автономными системами жизнеобеспечения — они не пропускали тепло, экранировали жесткое излучение и были снабжены запасом витаминизированной воды, достаточным для того, чтобы поддерживать силы в течение нескольких суток. Впрочем, это были секретные разработки, и ничего удивительного, что ребята из МЧС о них еще не слышали.

Вторым спасенным оказался Михаил Беленин. Олигарх выглядел гораздо лучше генерала; его лицо заросло жесткой черной щетиной, но осталось таким же мясистым и упитанным. Чилингаров не имел причин хорошо относиться к Беленину и все же при виде живого олигарха испытал некоторое облегчение: он отдавал себе отчет в том, сколько проблем могло бы возникнуть у организаторов экспедиции, если бы выяснилось, что человек, занимающий восьмую позицию в российском списке «Форбс», бесследно сгинул в арктических льдах.

Третьей была девушка, в которой полярник не без труда узнал няню маленькой дочки Андрея Гумилева. Когда-то смуглая, а теперь просто желтая кожа туго обтягивала скулы Марго Сафиной, делая ее похожей на страшноватую мумию. Но девушка пришла в себя первой, еще до того, как врач с эмблемой МЧС на рукаве сделал ей в вену антишоковую инъекцию.

— Где Андрей? — еле шевеля потрескавшимися губами, проговорила она.

Чилингаров понятия не имел, где Гумилев, но успокаивающе погладил девушку по тонкой руке.

— Все хорошо, милая, — сказал он. — Теперь все будет хорошо.

Марго хотела что-то сказать, но силы оставили ее, и она только глубоко вздохнула, прикрыв глаза.

Четвертым в вертолет подняли Кирсана Илюмжинова. Калмык выглядел так, словно только что прилег отдохнуть — на его

непроницаемом восточном лице застыло выражение Будды, ушедшего в нирвану.

Последним на борт «Ми-26» доставили высокого худого мужчину со светлой бородой.

— Господи, — вырвалось у Чилингарова, который всю жизнь считал себя атеистом. — Андрюша... живой!

Врач сделал Гумилеву укол, но, в отличие от других спасенных, Андрей так и не пришел в себя.

— Срочно готовьте реанимационную установку! — распорядился врач. — Подключайте дефибриллятор!

— Что с ним? — спросил Чилингаров.

— Общее переохлаждение. Остановка сердца. Еще пятнадцать минут — и было бы поздно.

Андрей Гумилев открыл глаза вечером следующего дня. Он находился в помещении, совсем не похожем на оборудованные по последнему слову техники каюты «Земли-2». Узкая жесткая койка, никелированная стойка капельницы унылый казенного вида шкаф с какими-то пузырьками. Через иллюминатор проникал ослепительно белый свет — значит, он уже не на дне океана, а на поверхности.

Гумилеву казалось, что он вынырнул из глубин какого-то чудовищно реалистичного кошмара — и требовалось огромное усилие, чтобы разобраться в хитросплетении настоящих и пригрезившихся ему ужасов.

Над ним склонилось чье-то озабоченное лицо.

— Пришли в себя, Андрей Львович? Ну вот и славно! Сейчас сделаем укольчик, и вы сразу почувствуете себя бодрее...

«Кто это? — подумал Гумилев. — Врач? Наш или...»

Его передернуло. В кошмаре, который ему снился, тоже были врачи — во всяком случае, халаты на них были белые. Но то, что они делали, было слишком страшно, чтобы быть правдой. Это сон, сказал он себе, всего лишь сон.

— Все хорошо, Андрей Львович, — успокаивающе мурлыкал между тем доктор, набирая в шприц жидкость из стеклянной ампулы. — Дайте-ка сюда вашу ручку... не бойтесь, больно не будет, я введу прямо в капельницу...

Гумилев скосил глаза и увидел присосавшегося к правой руке зеленого «паука», от которого тянулся к капельнице тонкий прозрачный катетер. Человек в белом халате наклонился, в руке у него блеснула игла...

...Te, внизу, тоже кололи его, вспомнил Андрей. В их шприцах была красная жидкость, после этих уколов ужасно болели вены и, что хуже всего, в голове словно поселялся кто-то чужой. Этот чужой нашептывал ему какие-то слова, неправильные, нехорошие, от них Андрея мучило, рвало горькой желчью, а в позвоночник словно ввинчивалось острое зазубренное сверло...

— Нет!!! — крикнул Гумилев, рванувшись. Руку пронзила боль, зеленый «паук» повис на своей прозрачной паутине, из жала его вытекла рубиновая капля крови.

Доктор изумленно уставился на Андрея.

— Что с вами, Андрей Львович? Вы не узнаете меня?

Гумилев помотал головой. Зря он это сделал — комната закружилась, потеряла четкие очертания.

— Я корабельный доктор, — донеслось до него из зыбких, расплывающихся далей. — Юрий Сергеевич Белоусов. Я лечил вашу дочку, когда она упала и разбила себе бровь, — помните?

И тут Андрей окончательно пришел в себя.

— Маруся, — прошептал он побелевшими губами. — Доктор... моя дочь... Маруся... где она?

— Всему свое время. — Голос доктора звучал все так же благодушно, но Андрея это благодушие обмануть не могло. — Для начала вам нужно поправиться. Экий вы, батенька, вспыльчивый. Вырвали с мясом иголку... Придется вас теперь, извините, колоть еще раз, в другую руку. А что ж вы хотели? В *musculus gluteus* такое лекарство, знаете ли, не колют...

Он потянулся за свисающим катетером, но Гумилев перехватил его запястье.

— Доктор, — сказал он свистящим шепотом, — я не больной и не сумасшедший, чтобы так со мной разговаривать. Скажите мне правду: что с моей дочерью?

Доктор Белоусов вздохнул. Аккуратно высвободил руку.

— Мне очень неприятно об этом говорить, Андрей Львович... Спасательная операция продолжалась три дня. Наши летчики... они не щадили себя.

— Что с моей дочерью? — повторил Гумилев.

— Ее не нашли, Андрей Львович. Поверьте, мне очень жаль.

ГЛАВА 1

ТЕРРОРИСТ НОМЕР ОДИН

Остров Паланг, весна 2010

С террасы на вершине известнякового утеса был виден сверкающий в лучах утреннего солнца темно-синий океан и казавшаяся игрушечной белая яхта, стоявшая на якоре в двух милях от острова. Яхта, носившая имя «Нефритовый Лис», принадлежала господину Мао, главе могущественного финансового консорциума со штаб-квартирой в Сингапуре. Остров тоже был собственностью господина Мао, хотя официально считался территорией Малайзии. Доля истины, впрочем, в этом присутствовала: если бы гипотетические злоумышленники решились покуситься на собственность господина Мао, их остановили бы катера малайзийской береговой охраны. Командующий ВМФ Малайзии состоял на содержании у консорциума господина Мао — это было гораздо выгоднее, чем оплачивать многочисленную армию частных охранников. Господин Мао входил в десятку самых богатых людей мира, но это не значило, что он не умеет считать деньги. Скорее наоборот.

— Наш друг задерживается, — заметил господин Мао, сделав крошечный глоток зеленого чая. — Надеюсь, у него есть веские основания для того, чтобы заставлять нас ждать.

— Пунктуальный араб — это нонсенс, — весело отозвался Чен. Он пил кокосовое молоко с колотым льдом, великолепно утолившее жажду в такую жару. — Если он появится здесь до вечера, я очень удивлюсь.

Сам он прибыл на остров на рыбакской лодке, заплатив ее хозяину пятьдесят долларов. Братство Небесного Огня могло позволить себе любые расходы, но Чен любил такие экспромты, напоминавшие ему дни бурной юности. К тому же ему хотелось немного подразнить господина Мао.

Третий участник беседы, высокий сухопарый немец Лотар Эйзентрегер, воспользовался маленькой субмариной — излюбленным транспортным средством Четвертого Рейха. В последние дни войны гросс-адмирал Карл Дениц приложил огромные усилия, чтобы спасти хотя бы часть подводного флота Германии. В результате почти

полсотни подводных лодок бесследно растворились в туманах мирового океана — они-то и стали тем фундаментом, на котором вырос впоследствии Четвертый Рейх.

Сейчас Эйзентрегер, облаченный в легкий белый костюм, крутил в руках высокий бокал с холодной минеральной водой. Кислое выражение лица немца красноречиво свидетельствовало о том, что он предпочел бы что-нибудь покрепче, но час был ранний, и организовавший встречу господин Мао не предложил гостям даже пива — только безалкогольные напитки.

— Скажу без обиняков, — проворчал немец, — я не вижу причин обращаться к кому-то за помощью. Особенно к такому человеку.

— Наши организации достаточно влиятельны, спору нет, — улыбнулся Чен. — Однако задача, которую мы перед собой ставим, чрезвычайно сложна. Арабский мир — муравейник, который очень легко развернуть, но нам нужен кто-то, кто разбирается в тонкостях восточной политики. Кто подходит на эту роль лучше нашего друга? В конце концов, он родственник королевской семьи, глава могущественного клана...

— Не глава, — поправил господин Мао. — С тех пор как наш друг вынужден скрываться, делами клана заправляет его дядя, Салех. Мы могли бы обратиться к нему...

— И Салех отправил бы нас к Усаме, — возразил Чен. — Потому что подобными делами в семье бен Ладенов занимается именно он.

Чен откинулся на спинку плетеного кресла и с наслаждением отхлебнул кокосового молока. Над террасой был натянут тент, защищавший гостей от тропического солнца. На золотистом от солнечных лучей полотне, как на экране, вырисовывались резные контуры пальмовых листьев, колыхавшихся в ритме легкого океанского бриза. Чен залюбовался этой картиной, напоминавшей ему театр теней. Отец Чена был хозяином такого театра — маленького павильона, где на ширме оживали герои далекого прошлого, чудовища и волшебники, фениксы и драконы. Никто, кроме китайцев, не способен оценить завораживающую красоту теневого мира. Только китаец понимает, что тень, которую отбрасывает человек, может быть не менее опасна, чем он сам.

Тень, которую отбрасывал Усама бен Ладен, была чернее нефти и холоднее льда.

Братство Небесного Огня уже вело с ним общие дела. В 2001 году, когда боевики Братства, выполняя заказ группы международных финансистов, уничтожили башни-близнецы на Манхэттене, Усама

согласился взять на себя ответственность за эту акцию. Согласился, разумеется, не просто так, а в обмен на несколько номерных счетов в банках Люксембурга и Ливана. Благодаря этому авторитет бен Ладена в арабском мире вырос до небес, но американцы, поверившие в подброшенную им дезинформацию, принялись выслеживать Усаму с утроенной энергией. Им почти удалось настичь его в пещерном городе Тора-Бора, но бен Ладен неожиданно вывернулся прямо у них из рук — причем хваленный американский спецназ понес большие потери, о которых в прессе, разумеется, не сообщалось. После событий в Тора-Бора Усама окончательно превратился в легендарную личность — даже люди Братства Небесного Огня не знали, где он скрывается.

Однако год назад Усама сам дал знать о себе. То ли ему наскучило прятаться и вести жизнь мирного обывателя, то ли до него дошли слухи о тайных приготовлениях, которые вели Братство и Четвертый Рейх. Так или иначе, однажды к Чену пришел человек и произнес слова, служившие паролем для связи с бен Ладеном.

— Шейх знает о Миннеаполисе, — сказал человек. — Ему известно и о том, что вы собираетесь сделать в Москве. Шейх просил передать вам, что он уважает вас и ваши дела и готов помочь, если вам понадобится его помощь.

Визит посланника бен Ладена скорее насторожил, чем обрадовал Чена. Операции в Штатах и России готовились в обстановке строжайшей секретности, и Усама никак не мог узнать о них — никак, если только не предположить, что кто-то из людей Братства, посвященных в тайну, работает еще и на «Аль-Каиду».

Чен ничего не имел против «Аль-Каиды», так же как и против «Хезболлах», Ирландской республиканской армии и десятка других террористических организаций. Братство Небесного Огня одинаково успешно работало с суннитами, шиитами, католиками, протестантами и индуистами — религиозные различия никогда не волновали лидеров Братства. Но иметь в своих рядах двойных агентов было недопустимо. Со временем своего возникновения Братство свято соблюдало принцип чистоты рядов. Предателя необходимо было вычислить и уничтожить.

Чен настоял на проведении тотальной проверки всех посвященных — благо, их было совсем мало. Сам он, естественно, тоже прошел проверку, включая допрос на полиграфе и крайне неприятную процедуру под названием «мозголомка» — беседу с двумя мастерами нейролингвистического программирования, совмещенную с инъекцией

пентотала натрия. Обмануть мозголовов было невозможно, и когда выяснилось, что все, кто знал о готовящихся акциях, чисты, Чен испытал облегчение, смешанное с досадой. Значит, подвели партнёры — консорциум господина Мао или Четвертый Рейх. Проводить там внутреннее расследование Чену никто бы не позволил, поэтому он предпочел принять предложение бен Ладена и договорился о том, чтобы лидер «Аль-Каиды» принял участие в совещании, на котором должна была обсуждаться операция «Рагнарёк».

Неслышно появившийся на террасе малаец наклонился к господину Мао и прошептал что-то ему на ухо. Господин Мао отставил пустую чашечку и сложил ладони в подобии молитвенного жеста.

— Наш друг вот-вот прибудет, господа, — сказал он. — Его вертолет приближается к острову.

— Давно пора, — буркнул Эйзентрегер.

Человек, которого называли террористом номер один, был не слишком похож на свои фотографии и портреты. Знаменитую бородку он сбривал, а европейский костюм и узкие темные очки придавали ему вид немолодого спортсмена-экстремала. Двигался он энергично и уверенно, говорил на хорошем английском почти без акцента.

— Прошу простить мое невольное опоздание, джентльмены, — сказал он, слегка поклонившись. — Кто-то сообщил американцам, что я собираюсь посетить эти края, и мне пришлось несколько изменить маршрут. Надеюсь, вы не счтете это проявлением неуважения.

— Не стоит и говорить о таких пустяках, — махнул рукой господин Мао. — Мы счастливы видеть в своем обществе столь достойного и прославленного борца с англосаксонской тиранией, как вы, брат.

— О да, — подхватил Чен, — для нас большая честь принимать человека, чье имя наводит ужас на весь западный мир.

Эйзентрегер пробурчал что-то невразумительное.

— В наши дни одна личность, какой бы выдающейся она ни была, к сожалению, ничего не решает. — Усама бен Ладен уселся в пододвинутое слугой-малайцем кресло и вытянул длинные ноги. — Только объединив усилия наших организаций, мы можем нанести мировой иудео-христианской диктатуре удар, от которого она уже не оправится.

Чен мысленно усмехнулся. Опять эти трескучие фразы, лишенные всякого смысла. Когда смертники направляли захваченные самолеты на небоскребы Манхэттена, они тоже думали, что борются с игом иудео-христиан. Как бы удивились они, если бы узнали, что среди заказчиков этой акции было три еврея, включая главу Федеральной

резервной системы США, четыре протестанта и один католик. После падения башен-близнецов мир изменился, и изменился так, как это было выгодно людям, сосредоточившим в своих руках глобальные финансовые потоки. Чен не знал, какие дивиденды получили настоящие организаторы 11 сентября, но предполагал, что они измеряются десятками миллиардов. Но были вещи и поважнее денег. Удар по Манхэттену вызвал невидимые глазу сейсмические процессы, стершие с лица земли режим Саддама Хусейна и вернувшие контроль над афганским наркотрафиком в руки американцев. Ослабил Россию, вынужденную смириться с американскими военными базами у своих южных границ, сделал выгодными инвестиции в среднеазиатскую нефть, заставил Иран вкладывать огромные средства не в разработку новых месторождений нефти и газа, а в создание ядерного оружия. Последствия 11 сентября расходились, как круги от брошенного в воду камня, и эффективность этой точечной акции поражала Чена даже сейчас, спустя девять лет. Саму акцию подготовили профессионалы из Братства Небесного Огня, провели используемые втемную фанатики-моджахеды, но придумали и просчитали ее последствия совсем другие люди, никогда не бравшие в руки оружия, хозяева роскошных офисов на Уолл-стрит и в лондонском Сити. Чен искренне восхищался этими людьми, хотя, если бы кто-то, обладающий необходимыми средствами, сделал Братству заказ на их ликвидацию, он, не колеблясь, выполнил бы такое задание. Впрочем, один из истинных виновников 11 сентября счастливо избежал земного возмездия, мирно скончавшись в своей постели в почтенном возрасте 86 лет. Интересно, встретят ли его на том свете погибшие в Манхэттенской катастрофе?

— Мы как раз об этом и хотели поговорить, — сказал он вслух человеку, который присвоил себе славу разрушителя башен-близнецов, не имея на то никакого права. — Приближается 2012 год, дата, которая, как обещают нам жрецы майя, означает конец света. Я лично не верю ни в какие пророчества, но человечество в целом гораздо более легковерно. Грех было бы не использовать эту слабость для того, чтобы, образно говоря, пнуть западный мир по яйцам.

Бен Ладен улыбнулся.

— Прекрасная метафора, господин Чен.

— Спасибо. Вопрос лишь в том, как лучше это сделать. После долгих обсуждений мы пришли к выводу, что одна, даже самая громкая акция не принесет требуемого результата. Нам нужна целая цепь событий, которые приведут к желательному для нас финалу.

— И что же это за финал? — поинтересовался араб.

— Об этом, с вашего позволения, чуть позже.

Правду Чен, разумеется, говорить не собирался. Вряд ли бен Ладен придет в восторг, узнав, что весь сложнейший и дорогостоящий план «Рагнарёк» имеет целью возрождение Тысячелетнего Рейха — и не в рамках резервации на Северном полюсе или в Антарктиде, а в масштабах всей планеты. Для лидера «Аль-Каиды» немцы — такие же неверные, как и англосаксы, а значит, враги. Поэтому правды «террорист номер один» здесь не дождется.

— Мы хотим вызвать хаос, — объяснил господин Мао. — Глобальный хаос, который изменит соотношение сил на планете. Для этого потребуется приложить усилия в разных частях света. И прежде всего в арабском мире.

— Какого рода усилия? — Бен Ладен принял из рук слуги-малайца чашечку с дымящимся крепким кофе и сделал осторожный глоток.

— Революции, — голос господина Мао был мягок и сладок, как мед. — Целая серия революций, которая сметет прогнившие режимы, опирающиеся на поддержку Америки. Египет, Тунис, Сирия, возможно, даже ваша родина.

— Король дряхл, — согласился Усама. — Он чересчур осторожен и боится поссориться с американскими сионистами. Если бы его заменил принц Омар...

— Именно поэтому мы и решили обратиться к вам за советом. Никто лучше вас не разбирается в хитросплетениях арабской политики.

Бен Ладен благосклонно кивнул.

— Вы сделали правильный выбор, друзья мои. Но прежде чем помочь вам советом или делом, я должен знать, чего вы собираетесь добиться с помощью этих революций. Вы хотите уменьшить влияние США на Ближнем Востоке — это прекрасно. Но, как сказал один из западных мудрецов, природа не терпит пустоты. На место Америки тут же придут другие сильные игроки. Европа, Россия, а скорее всего — Китай. Вы расчищаете место для Китая, джентльмены?

Лотар Эйзентрегер издал странный кашляющий звук. Бен Ладен повернулся к нему.

— Простите?

— Ничего. — По багровому лицу немца Чен догадался, что тот колоссальным усилием воли сдерживает смех. В планах Четвертого Рейха Китаю отводилась весьма незначительная роль. — Вода попала в дыхательное горло.

— Двое из нас китайцы, это верно, — сказал Чен. — Но мы не работаем на правительство КНР и не разделяем коммунистических взглядов. Господин Мао регулярно терпит большие убытки в результате политики Пекина в Гонконге и не имеет причин любить нынешний Китай. Что же касается меня, то я уже давно порвал связи с исторической родиной, и вся моя жизнь принадлежит исключительно Братству Небесного Огня.

— Тогда каковы же ваши истинные цели?

— Мы хотим расшатать мировой порядок. От пожара на Ближнем Востоке пострадают не только США. Мы обрушим финансовые рынки планеты и изменим глобальный энергетический баланс. Страны Персидского залива перестанут продавать нефть Западу. Тридцать лет назад ОПЕК обрушило цены на нефть — это погубило Советский Союз и спасло Афганистан. Сейчас пришла пора разделаться с другим Белым Дьяволом. Последний экономический кризис поставил Америку на грань катастрофы, и лишь чудо удержало ее на краю пропасти. Но если арабский мир ограничит добычу нефти... тогда США будут вынуждены распечатать свои стратегические запасы, и падение их экономики станет неотвратимым. В 2012 году США перестанут существовать. Неужели это недостаточно амбициозная задача?

— Само по себе нефтяное эмбарго может оказаться недостаточно эффективным, — подумав, ответил бен Ладен. — США слишком сильны и обладают самыми развитыми технологиями на планете. Я слышал, что их ученые уже стоят на пороге использования дешевой термоядерной энергии...

— Мы и это принимаем в расчет, — промурлыкал господин Мао. — Две-три катастрофы на крупных атомных электростанциях — и об альтернативных источниках энергии забудут надолго. А возможности для этого у нас есть.

— Технологии не помогут американцам, — заверил гостя Чен. — В конце концов, башни-близнецы обрушили люди, вооруженные ножами для разрезания картонных коробок.

Бен Ладен понял намек и примирительно поднял перед собой ладони.

— Не подумайте только, что я сомневаюсь в целесообразности вашего плана, — сказал он. — Я лишь хочу как следует разобраться в его тонкостях.

«А вот это тебе как раз ни к чему, — подумал Чен. — Твое дело — разжечь пожар на Ближнем Востоке. Остальное тебе знать совсем не обязательно».

План, разработанный яйцеголовыми умниками из корпорации господина Мао, стратегами Четвертого Рейха и аналитиками Братства Небесного Огня, действительно предусматривал резкое снижение объемов нефтедобычи в странах Персидского залива и Северной Африки. Но не только для того, чтобы обрушить экономику США.

Человечеству нужна нефть, и с каждым годом ее требуется все больше и больше. Сокращение добычи нефти на Ближнем Востоке неизбежно приведет к тому, что главным источником углеводородов на планете станут месторождения на шельфе Северного Ледовитого океана. Пока шельф контролируют Россия, Норвегия и те же Штаты, но так будет продолжаться недолго. Скоро, совсем скоро серия точных и эффективных ударов покончит с монополией этих государств на нефтяные богатства Арктики. Нефть Севера будет принадлежать единственной силе, имеющей на это право, — наследникам фюрера, властителям Тысячелетнего Рейха.

Однако «террориста номер один» посвящать в эти планы никто не собирался.

— Могу ли я узнать, как предполагают действовать уважаемые партнеры? — вежливо осведомился бен Ладен.

На этот раз ему ответил Лотар Эйзентрегер:

— Мы проведем целый ряд операций прикрытия. В США, России, Европе. Мы дестабилизуем политическую ситуацию в Вашингтоне и Москве, поставим Россию и Америку на грань ядерной войны. В этой заварившейся каше будет несложно привести к власти в арабском мире нужных нам людей. Если «Аль-Каиде» нужны новые базы, она получит их в избытке. Помогите нам, и вы будете распоряжаться целыми странами. Ливия, Йемен, Марокко — неужели этого мало?

Бен Ладен дотронулся пальцами до хрящеватого носа.

— Нет, этого вполне достаточно... и все же меня кое-что смущает.

— Так говорите, не стесняйтесь, — подбодрил его господин Мао. — Вы среди друзей.

— Вы так и не ответили, к какому финалу должна привести задуманная вами операция.

Заговорщики переглянулись.

— Создание нового мира, — ответил наконец Чен. — Мира без надменных сверхдержав и «золотого миллиарда». Мира, в котором принимать решения будут совсем другие люди... люди вроде нас с вами.

Это была почти правда — или, во всяком случае, максимум правды, который они могли скормить их арабскому союзнику.

— Мне потребуются гораздо более точные данные. — Усама вытащил из кармана айпад и положил его на столик перед собой. — Все, вплоть до конкретных дат акций в Штатах и России. Только в этом случае я смогу гарантировать эффективную поддержку вашего плана.

Напряжение, возникшее на террасе после этих слов, казалось, можно было потрогать рукой.

— Уважаемый Усама, видимо, не понимает, что эта информация не может выйти за пределы крайне узкого круга лиц, которые принимают решения, — медленно проговорил господин Мао. — Мы, безусловно, доверяем господину бен Ладену, но то, о чем он просит, ставит под угрозу всю операцию.

Араб пожал плечами.

— Я не смогу работать вслепую. Организация революций в странах Востока требует больших средств, но для того, чтобы эти средства не были потрачены зря, я должен знать детали общего плана. Какой смысл будет смещать, скажем, египетского президента, если США не будут достаточно ослаблены к этому моменту? Батальона американских морских пехотинцев будет достаточно, чтобы рассеять любую революционную толпу.

— Значит, действовать следует хитрее, — твердо сказал Чен. — Нужно сделать так, чтобы американцы поверили, будто революция совершается в интересах демократии, — тогда они первыми окажут повстанцам помощь. А когда выяснится, что в результате восстания выиграла «Аль-Каида», будет уже поздно.

Бен Ладен снял темные очки и обвел присутствующих змеиным взглядом.

— Что ж, ваше право не говорить мне того, что вы считаете лишним. Однако если что-то пойдет не так, помните, что я вас предупреждал. — Он пружинисто поднялся и спрятал в карман так и не пригодившийся айпад. — Через пару недель я свяжусь с вами и предоставлю приблизительный план действий на Ближнем Востоке. И смету, разумеется, тоже.

— Смету? — удивился Эйзентрегер.

— Вы полагаете, что подобные акции проводятся бесплатно? — ходячно улыбнулся бен Ладен. — «Аль-Каида» никогда не была благотворительным фондом. Нам потребуется некоторое количество денег... на первых порах, полагаю, речь может идти о ста — ста пятидесяти миллионах евро.

— Большие деньги, — заметил господин Мао.

— Но не для вас, — рассмеялся бен Ладен. — Из того хаоса, о котором вы изволили упомянуть, можно будет без труда извлечь сотни миллиардов... если, конечно, деньги к тому моменту еще будут что-то значить. Так что, полагаю, торговаться мы не станем.

— Как нам связаться с вами в случае экстренной необходимости? — озабоченно спросил Чен.

Террорист номер один покачал головой.

— В этом нет нужды. Я сам вас найду, если потребуется. Всего хорошего, господа.

Когда вертолет бен Ладена, стрекоча, поднялся над кронами пальм и взял курс на север, господин Мао нарушил молчание, царившее на террасе.

— Он знает о нас больше, чем мы о нем. Мне это не нравится.

— Мне тоже, — поддержал его Эйзентрегер. — И сам он — скользкий и неприятный тип.

— Я никогда не осмелился бы тревожить уважаемых партнеров беспочвенными подозрениями, — сказал Чен, — но вы сами все слышали. Усама совершенно открыто пытался выведать у нас сроки и места готовящихся акций. Конечно, вполне возможно, что это нужно ему для каких-то безобидных целей... например, для игры на бирже... но в нашем ремесле разумнее предполагать худшее.

— Мне приходилось слышать, что «Аль-Каида» пользуется покровительством ЦРУ, — задумчиво проговорил Эйзентрегер, — но я никогда не верил в эти сказки. Возможно, раньше, когда Советы оккупировали Афганистан... но не теперь.

— Это не американцы, — согласился господин Мао. — Но за бен Ладеном несомненно кто-то стоит.

— Необходимо узнать, кто именно, — рубанул немец.

— Такая информация дорого стоит, — заметил Чен. — К тому же мы не знаем даже, где искать нашего арабского друга.

— Кое-кто из моих людей знаком с некоторыми руководителями «Аль-Каиды», — неохотно признался господин Мао. — Я мог бы попробовать...

«Ага, — подумал Чен, — вот и ниточка, которая может привести к предателю».

— Это новость, уважаемый Мао, — сказал он вслух. — Почему же вы не рассказали нам об этом раньше?

По лицу Эйзентрегера было видно, что он тоже раздосадован скрытностью хозяина острова.

— Потому что мой бизнес с «Аль-Каидой» не касался наших общих интересов, — огрызнулся господин Мао. — Вы же не интересуетесь содержимым моего ночного горшка?

— Прошу простить мою невежливость, но ваш ночной горшок вряд ли мог рассказать кому бы то ни было об акциях, готовившихся в Миннеаполисе и Нью-Йорке. А наш арабский друг каким-то образом о них узнал.

И Чен поведал партнерам о расследовании, которое он провел, пытаясь отыскать предателя в рядах Братства.

— Могу поручиться, что в Братстве Небесного Огня предателей нет. Однако информация все-таки просочилась за пределы нашего узкого круга. Хорошо еще, что события в Арктике пошли не так, как предполагалось, и план «Страховка» было решено заморозить.

— Что же в этом хорошего? — проворчал Эйзентрегер. — Мы могли бы нанести удар еще год назад и сейчас были бы властителями мира.

— Год назад мы не были готовы, — возразил Чен. — Если уж на то пошло, мы и сейчас не готовы. Надо отдать должное мудрости рейхсфюрера фон Белов, удержавшей нас всех от поспешных действий. А хорошо то, что если предатель все-таки сообщил о плане «Страховка», то теперь веры ему будет гораздо меньше. Ведь ни в Миннеаполисе, ни в Нью-Йорке никаких акций проведено не было.

— И что же вы предлагаете? — нахмурился немец.

— Прежде всего, отыскать предателя.

— И показательно покарать его, — добавил господин Мао.

— Ни в коем случае. Предатель не должен догадываться, что мы знаем о его двойной игре. Установив за ним наблюдение, мы узнаем, где прячется бен Ладен.

— И выясним, кто за ним стоит, — подхватил Эйзентрегер. — Хорошая мысль, Чен.

— Это еще не все. Если Усаму прикрывает ЦРУ, нам остается лишь использовать его как канал дезинформации. Тоже неплохо, но у меня есть идея получше.

— Какая же? — Пухлые пальцы господина Мао нетерпеливо барабанили по плетеному столику. — Не томите нас, друг мой.

Чен улыбнулся и похлопал себя по животу.

— Признаться, я несколько проголодался. Разговор с мистером Одиннадцатое Сентября оказался чересчур напряженным. Не распорядиться ли подать обед?

— Неплохо было бы также перейти к нормальным напиткам. — Эйзентрегер брезгливо отодвинул почти нетронутый бокал

с минеральной водой. — Однако прерывать столь интересный разговор не годится. Изложите ваши соображения относительно бен Ладена.

— Воля ваша, — отозвался Чен. — Я, как и вы, полагаю, что наш арабский друг пользуется покровительством некоей влиятельной организации. В противном случае трудно объяснить, как он на протяжении девяти лет скрывается от американских ищек. А в том, что янки действительно его ищут, я не сомневаюсь.

Он замолчал, потому что в этот момент безмолвный слуга-малаец внес на террасу поднос с коктейлями.

— Лично я полагаю, что наш друг тесно сотрудничает с пакистанской разведкой, — продолжил Чен, когда все взяли себе по бокалу и малаец исчез так же бесшумно, как и появился. — И хотя пакистанцы нам не враги, я не прихожу в восторг от мысли, что о наших планах станет известно господину Зардари. Зато я вижу здесь прекрасную возможность для комбинации, которая в шахматах носит название «гамбит».

— И кем вы собираетесь пожертвовать? — спросил Эйзентрегер.

— Я собираюсь отдать нашего друга американцам, — невозмутимо ответил Чен. — Полагаю, что в предвыборный год президент Обама и мечтать не может о лучшем подарке.

— С чего бы это нам делать американцам такие подарки? — нахмурился господин Мао. — К тому же Усама, даже если он и вправду сотрудничает с пакистанцами, может оказаться полезным...

— Мы используем его, не сомневайтесь. — В глазах Чена плясали веселые искорки. — А потом сдадим его ЦРУ. Но не просто так, разумеется. Как там заметил наш друг? «Аль-Каида» никогда не была благотворительным обществом. Мы, смею надеяться, тоже не похожи на филантропов.

— Вы предлагаете заключить с американцами сделку? — догадался Эйзентрегер. — И что же вы хотите получить от них взамен?

На этот раз Чен ответил не сразу.

— Прекрасный «Лонг-Айленд», — сказал он, с явной неохотой оторвавшись от соломинки. — Я еще в прошлый раз заметил, что ваш малаец делает изумительные коктейли. Подарите мне этого парня, господин Мао, — не сейчас, а после нашей окончательной победы.

— После нашей окончательной победы, — усмехнулся Мао, — вы можете взять к себе барменом самого Обаму. А пока, друг мой, сделайте нам одолжение, расскажите, что вы хотите потребовать у американцев в обмен на голову бен Ладена?

— Молнии, — серьезно ответил Чен. — Тот самый небесный огонь, которому служит мое Братство.

ГЛАВА 2

ТЕНИ ИЗ ПРОШЛОГО

Москва, лето 2011

Тяжелый бронированный «Мерседес» черным снарядом мчался по залитому яркими электрическими огнями Кутузовскому проспекту.

В машинах такого класса шум дороги не слышен вовсе — даже шелковистое шуршание шин по асфальту скорее домысливается, чем улавливается ухом. За тонированными стеклами «Мерседеса» мелькали кадры немого фильма из жизни июльской Москвы — вот летит куда-то навстречу ночным приключениям ярко-синий кабриолет, за рулем — черноволосый мачо, то ли испанец, то ли цыган, на заднем сиденье одетый в цветастую рубаху-поло лысый очкарик обнимает за глянцевые плечи двух одинаковых блондинок. Вот голосует на обочине девчонка в опасно коротких шортиках и розовом топике — а два ее кавалера пасутся подальше, чтобы не отпугивать водителей своей кавказской щетиной. Вот компания молодых людей, приехавшая на трех навороченных внедорожниках, пытается запустить в небо над Поклонной горой новомодный шар-монгольфьер — если у них это получится, над столицей на несколько минут загорится новая звезда. А чуть дальше идет по тротуару высокий и прямой старик с выпрямкой гвардейского офицера — в руке у него длинный поводок, он выгуливает большую и очень пушистую собаку, похожую на увеличенного до размеров сенбернера шпиона.

Кого-то этот старик напоминал Андрею, вот только память упорно отказывалась подсказать имя.

— О, — сказала спутница Гумилева, с живым интересом смотревшая в окно, — о, это же шпицвольф! Откуда он здесь?

— Из питомника, вероятно, — сухо ответил Андрей. У него не было настроения поддерживать этот разговор. Ни этот, ни какой-либо другой. Иногда он вообще не понимал, как можно с ней о чем-то разговаривать.

И, однако, разговаривал.

Это входило в условия игры. Если только ту отвратительную, мерзкую, тошнотворную жизнь, которую он вел последние два года, можно было назвать игрой.

— Я люблю шпицвольфов, — продолжала между тем его спутница. — Они похожи на песцов и на медведей одновременно. А на вольфов совсем не похожи.

— На волков, — автоматически поправил Андрей.

Она рассмеялась.

— Ну да, я и говорю — на волков. Волк, вольф, вульф — корень один. Санскритский.

— Ты знаешь санскрит? — вежливо удивился Гумилев.

— Конечно. Учила в школе. А разве...

Гумилев покачал головой. Хотел приложить палец к губам — это тоже соответствовало бы договоренностям, они ведь были не одни в машине, — но потом вспомнил, кто сидит за рулем, и решил не переигрывать.

— В наших школах не изучают санскрит. И вообще, это мертвый язык.

— Это язык ариев, — нахмурилась она. — Наше культурное наследие. Образованные люди ведь знают латынь.

— Не все.

— Жаль. Но санскрит важнее латыни. Римляне тоже были арийцами, конечно, но их портил тлетворный дух Средиземноморья.

«Заткнись ты уже, ради бога!» — подумал Андрей. Вслух он сказал:

— Марго, ты выходишь из образа.

Она поджалла губки.

— Я знаю. Но здесь же можно.

Андрей решил позлить ее. Дурацкое желание, детское, но сопротивляться ему не было сил.

— Ты уверена? А если меня слушают?

— В машине?

Тон был снисходительно-насмешливым, но в разноцветных глазах промелькнуло беспокойство.

— Я ведь теперь важная птица, — усмехнулся Гумилев. — Не удивлюсь, если ФСБ держит меня под колпаком.

Несколько секунд Марго раздумывала.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Это не проблема. Можно проверить.

Достала из сумочки мобильный телефон, не «Нокию», которой обычно пользовалась, а плоский широкий коммуникатор, и набрала комбинацию цифр. Подождала, прикусив губу — Андрей знал, что так она делает, когда не на шутку чем-то взволнована.

— Все чисто, — она взглянула на Гумилева с подозрением, — ты ведь разыгрывал меня, верно?

Что ж, сделаем вид, что это не так.

— Нет, конечно. Я действительно не знаю, чего от них, — он ткнул пальцем в потолок машины, — можно ожидать.

Марго вроде бы поверила. А может быть, и нет. Вообще у нее была довольно выразительная мимика, но Гумилев подозревал, что она проходила специальный курс тренировок лицевых мышц. Наподобие того, что проходят разведчики, готовясь обмануть детектор лжи.

Проверку на полиграфе Марго, кстати, прошла без сучка и задоринки.

Как и все они, впрочем.

Зазвонил айфон Андрея. Точнее, завибрировал в кармане пиджака. Верный Санич много раз говорил шефу, что носить мобильники в карманах вредно — излучение плохо действует на мозг и сердечную мышцу, — и даже подарил специальный чехольчик, это излучение экранирующий, но Гумилев продолжал таскать айфон в кармане. Тем более что чехольчик Санича экранировал не только излучение, но и сигнал.

— Возьми трубку, — сказала Марго.

Слух у нее был исключительно острый.

Андрей вытащил айфон, взглянул на экран. И сразу вспомнил, на кого был похож старик, выгуливавший шпицволльфа.

— Гумилев слушает, — сказал он.

— Здравствуй, Андрей Львович. Не отрываю тебя от важных забот?

— Не отрываете, генерал, — сухо ответил Гумилев. Он бросил взгляд на Марго — девушка, отвернувшись, рассматривала что-то в окне. Конечно, слушает каждое слово. Благо, у айфона очень громкий динамик.

— Поговорить бы нам надо, Андрей Львович, — сказал генерал Свиридов.

Гумилев выдержал крохотную, но выразительную паузу.

— Подъезжайте ко мне в офис, генерал. Завтра в три. Пообедаем вместе.

На этот раз помолчал Свиридов.

— Я бы лучше в неформальной обстановке. Я домой к тебе подъеду, Андрей Львович. Ты ведь все там же живешь?

Перед глазами Гумилева белым огнем вспыхнули картины недавнего прошлого. Исчезновение Евы. Первое знакомство со Свиридовым. Тогда генерал приезжал в его — нет, их с Евой! — загородный

дом, не спрашивая разрешения. Гонял прислугу, по-хозяйски располагался в любимом кресле Андрея, пил свой любимый «Гленфиддик». От Свиридова исходило ощущение уверенной мощи, он мог решить все вопросы, по одному его слову начинали вращаться могучие колеса государственной машины. Казалось, нет такой силы, которая могла бы остановить напор генерала.

Оказалось, есть.

То, с чем экспедиция Гумилева столкнулась два года назад в Арктике, сломало генерала. Сразу по возвращении домой он подал в отставку и утомительную процедуру проверок и завуалированных допросов, политкорректно называвшихся «беседами», проходил уже как частное лицо, а не офицер спецслужб. Там, на Лубянке, Андрей в последний раз видел Свиридова — и поразился, как быстро и безжалостно догнала генерала старость.

С тех пор они больше не встречались и не перезванивались. Не было нужды.

Теперь, видимо, нужда появилась.

— Не надо ко мне, — резче, чем хотелось бы, ответил Гумилев.

Марго повернулась и одарила его холодной улыбкой.

— Не надо так не надо, — Андрею показалось, что его собеседник разочарованно пожал плечами. — Не смею настаивать.

Да что с ним такое, раздраженно подумал Гумилев. «Не смею настаивать!» Когда это всесильный глава ГУАП позволял себе эти интеллигентские сопли?

— Вот что, — сказал он, игнорируя насмешливый взгляд Марго. — Давайте лучше я к вам подъеду. Завтра вечером, после семи. Вы где живете?

— Архангельский переулок, дом восемь. Приезжайте, Андрей Львович, буду рад вас видеть.

Генерал отключился.

— Поедешь? — спросила Марго.

Андрей пожал плечами.

— Поеду. А куда деваться? Судя по голосу, старик совсем сдал.

— Ты знаешь, сколько ему лет?

— За шестьдесят, думаю. Никогда не спрашивал.

— Семьдесят один. Всем бы так выглядеть в его годы.

Гумилев криво усмехнулся. Ему тридцать восемь, а чувствует он себя глубоким стариком. Да и выглядит, несмотря на все старания визажистов и имиджмейкеров, на все пятьдесят.

— Завтра я вернусь поздно, — сказал он, сворачивая с неприятной темы. — Попроси Риту приготовить что-нибудь легкое. Рыбу в белом вине, например.

— Думаешь, генерал тебя не накормит?

Андрей предпочел промолчать. Он не знал, имеет ли Свиридов привычку угощать своих гостей ужином. Но объяснять это девушке ему не хотелось.

— Хорошо. — Она приняла его молчание за недовольство. — Рыбу так рыбу. А насчет салата пожелания будут?

Генерал стоял в коридоре, высокий и костлявый — раньше он не был таким худым, машинально отметил Гумилев, — и бритый череп его поблескивал в красноватом свете настенных ламп. Лампы — два бронзовых сфинкса, держащие в лапах факелы из рубинового стекла, — висели над большими зеркалами, расположенными друг напротив друга по обоим сторонам коридора.

— Хорошо, что пришел, Андрей Львович. — Свиридов протянул гостю руку. Рука, к облегчению Гумилева, была все такой же большой и сильной — хоть это еще осталось от прежнего генерала.

— Вот тапочки, — сказал бывший глава ГУАП извиняющимся тоном. — Туфли можно сюда поставить.

Гумилев поставил, усмехнувшись про себя: когда генерал приходил к нему домой, он не утруждал себя такими мелкими хлопотами.

— Я живу один, Андрей Львович. — Свиридов махнул рукой в глубь коридора. — Пойдем в гостиную, там разговаривать удобнее.

Видимо, к генералу приходила домработница, потому что чистота в квартире царила идеальная — ни единой пылинки на полированной мебели красного дерева, ни пятнышка на дубовом паркете. У каждой вещи — свое место, все выверено, расчислено чуть ли не с математической точностью. Может быть, именно из-за этого квартира производила тяжелое впечатление музея.

В гостиной стояли большой круглый стол и четыре массивных дубовых стула, расположенных строго симметрично. В углу выселись большие напольные часы со стеклянной, расписанной цветами и павлинами дверцей. У стены — антикварного вида горка с синим мейсенским фарфором и двумя китайскими вазами, производившими впечатление очень древних.

Больше никакой мебели в гостиной не было, не увидел Гумилев ни телевизора, ни какой-либо иной техники. Аскетизм и симметрия — таков, судя по всему, был девиз генерала.

— Присаживайся, Андрей Львович, — Свиридов кивнул на один из стульев. — Коньячку?

Гумилев молча кивнул. Генерал вышел в коридор, позвонил там чем-то и вскоре вернулся с бутылкой «Ахтамара» и двумя пузатыми бокалами.

— Коньячок хороший, — сказал он, наливая гостю на два пальца. — У меня запас еще с начала восьмидесятых. Его в спеще делали, для членов ЦК.

Андрей взял бокал, понюхал. Коньяк пах шоколадом и ванилью.

— Закуски не предлагаю, — продолжал Свиридов. — Такой нектар закуской портить — грех. Впрочем, если хочешь, есть у меня лимон.

Гумилев чуть мотнул головой, как бы говоря — не стоит напрягаться.

— А ты молчалив стал, Андрей Львович, — заметил генерал. — Полосуиднел, что ли? Пора, пора.

Он пригубил коньяк, пожевал бледными губами. Острый кадык дернулся вверх-вниз — несоразмерно маленькому глотку. Кожа на шее Свиридова была складчатой, в старческих желтых пятнах.

— Да, умели раньше армяне коньяк-то делать. Не то что сейчас. Я вот на прошлой неделе зашел в магазин, смотрю, стоит бутылка «Араката» — семь звездочек, все как полагается, ну и цена, конечно же... Купил. И что ты думаешь, Андрей Львович? Горлодер, натуральный горлодер. Ни букета, ни аромата. Залез в Интернет — надо же, думаю, выяснить, в чем дело. Так можешь себе представить, они теперь спирт под давлением через дубовые щепки прогоняют, вот и вся выдержка. Да разве ж можно такое коньяком называть?

«Закон сохранения энергии, — подумал Гумилев. — Я и вправду стал молчуном, а вот генерал, выйдя в отставку, превратился в обычного болтливого пенсионера... Печально».

Вслух он сказал:

— О коньяках будем разговаривать, генерал?

Свиридов укоризненно покачал головой.

— Два года не виделись, Андрей Львович. Что ж, сразу о делах? На Востоке, между прочим, если кто за столом сразу о деле заговорит — считай, дом и хозяина обидел.

— Мы не на Востоке. — Гумилев понимал, что ведет себя невежливо, но ему было все равно. Он уже жалел, что пришел сюда. От генерала исходила сильная, как запах офицерского одеколона, аура старости. Пусть это была опрятная, благородная старость, но Андрей не желал видеть Свиридова таким. Может быть, потому что понимал: то, что

произошло с генералом, происходит и с ним. Каким видит его Свиридов? Потускневшим, сдавшимся? Тенью себя самого? — И я предположил бы не терять времени.

Генерал вдруг усмехнулся — блеснули по-молодому белые и крепкие зубы. Впрочем, это наверняка имплантаты, тут же поправил себя Андрей.

— Что, думаешь, старик выжил из ума? Сидит с такими же хрыча-ми на лавочке, забивает козла? А поговорить по душам ему не с кем?

Андрей покрутил в руках бокал.

— Я ведь ничего о вас не знаю, генерал. Может, у вас полно друзей. Может, у вас есть женщина, с которой вам легко и спокойно. Может, вас дети навещают. Так что...

— Друзей у меня нет, — перебил его Свиридов. — Точнее, было два друга, но они умерли. Женщина... что ж, женщина есть. Хорошая, добрая. Но вот скажи мне, Андрей Львович, ты со своей Марго... часто по душам разговариваешь?

И снова Андрей предпочел промолчать. Лишь посмотрел на генерала так, что никаких слов уже не понадобилось.

— Ну вот видишь. Дети... Сын у меня в Новой Зеландии, изучает дельфинов. Оттуда особенно не налетаешься, считай, другая планета. А дочь... — Он сделал паузу, и у Андрея в то же мгновение спазмом сдавило горло. — Дочь... в общем, мы не видимся с ней.

Видимо, что-то в лице Гумилева выдало его состояние, потому что Свиридов осекся и потянулся за бутылкой.

— Прости, Андрей Львович, не хотел тебе раны бередить... У тебя же Маруська единственная была?

— Да, — коротко ответил Гумилев. Он глотнул коньяка и не почувствовал вкуса.

— Проклятая Арктика, — буркнул генерал. — Всех перекалечила. Только Чилингарыч один нормальный и остался, в новую экспедицию вроде бы собирается.

— Ему просто повезло, — сказал Андрей. — Он покинул «Землю-2» до того, как на нас напали.

— Напали... — повторил Свиридов с горечью. — Вот ты, Андрей Львович, теперь у нас государственный человек, президент с премьером к тебе прислушиваются. Скажи мне, собираются они с американцев спросить за то, что их подлодка нашу станцию уничтожила? А за майора Громова, который теперь до конца жизни на протезах ковылять будет? Или мы в очередной раз так им все и простим, как «Курск» простили?

— Никто им ничего не прощал, — хмуро ответил Гумилев. — Только они своей вины не признают. А доказательств у нас, кроме наших с вами слов, никаких.

— А этого мало? — взъярился Свиридов. — Пусть устраивают слушания в Конгрессе, пусть вызывают для дачи показаний! А то как жизни учить, тут они первые, а как за преступления отвечать, так они ни при чем!

Гумилев не ответил. Он знал, что вопрос о нападении на «Землю-2» неоднократно поднимался в приватных беседах Медведева и Обамы. Знал, что американская администрация упорно отрицала даже факт нахождения своих подводных лодок в тех водах, где произошла катастрофа. И уж тем более — уничтожение российской терраформирующей станции и атаку на поисковый вертолет майора Громова.

Но, с другой стороны, майор Громов под присягой свидетельствовал о том, что его К-17 стал жертвой американских «морских котиков», монтировавших во льдах какую-то сложную аппаратуру. Что именно собирали среди торосов американцы, так и осталось для него загадкой: когда он пришел в себя у обломков сбитого ими вертолета, живой, но с обмороженными ступнями, спецназовцы уже скрылись вместе со своей аппаратурой.

— Я ведь прекрасно помню, — продолжал между тем генерал, — как они прикинулись канадской субмариной «Да Винчи» и заманили нас в это чертово ущелье! Помню, как начали рваться мины... Никакие это были не канадцы, американская атомная подлодка типа «Огайо». Своими глазами видел этих уродов! Я, пусть и в отставке, всю спецификацию ВМС США помню, как «Отче наш! Среди ночи меня разбуди — расскажу, чем «Вирджиния» отличается от «Бенджамина Франклина». Или ты, Андрей Львович, тоже думаешь, что это галлюцинации были?

Гумилев вздрогнул.

— Что значит «тоже»? Кто еще так думает?

Свиридов неопределенно мотнул головой.

— Да есть тут всякие... поборники общечеловеческих ценностей.

Вся разговорчивость генерала куда-то исчезла. Он сидел, мрачно глядя в свой бокал, и явно не собирался развивать свою мысль.

— К вам кто-то приходил? — спросил Андрей напрямую.

— Приходил? С чего ты взял? Кому нужен старый пень в отставке?

— Тогда к чему весь этот разговор... про галлюцинации?

— Просто хочу разобраться. Может, мне уже скоро в домовину, как мой дед говорил, а я до сих пор не могу понять, что ж там с нами произошло.

«Если ты рассчитываешь, что я все объясню тебе, генерал, — подумал Гумилев, — то тебя ждет разочарование».

— Что непонятного? — сказал он сухо. — «Земля-2» погибла в результате атаки американской подводной лодки. Нам пятерым каким-то чудом удалось спастись.

— Вот и хотел бы я узнать каким. Почему все остальные погибли, а мы выжили.

— Этот вопрос два года назад очень интересовал следственную комиссию, — напомнил Андрей. — И она пришла к выводу, что мы в момент гибели станции находились в автономной катапультируемой ракете.

Свиридов тяжело посмотрел на него.

— Про следователей ты мне, Андрей Львович, не рассказывай. Я про них тебе сам могу всего порассказать. А вот объясни-ка ты мне лучше, куда ты дочку дел? Она же ни на шаг от своей няньки не отходила. То у нее на руках, то у тебя. А когда нас катапультировали, где ж она была?

Гумилев стиснул челюсти. Ему нестерпимо захотелось встать и уйти, оставив старика, бывшего некогда генералом Свиридовым, в его огромной, неживой, похожей на никому не нужный музей квартире.

— Генерал, — сказал он, — вы можете себе вообразить, что мне не хочется говорить на эту тему?

— Могу, — охотно согласился Свиридов. — То, что со мной не хочется, — могу, и очень даже легко. А вот в то, что ты с Марго своей ни разу на эту тему не разговаривал, — извини, не поверю. Наверняка ведь выясняли, кто ее последний за руку держал, куда она побежала, когда все началось, даже ругались, должно быть, кто виноват, кто недосмотрел?

— Оставьте в покое Марго, — оборвал его Андрей. — Вы уже и без того ей чуть жизнь не сломали.

— Это ты про Кролика? — невесело усмехнулся бывший глава ГУАП. — Откуда ты знаешь, сломал я ей жизнь или подарил счастье, за которое любая женщина все на свете отдала бы? Ты, олигарх, вообще знаешь, что такое — быть любимым?

«Знал, — мысленно ответил ему Гумилев. — Или... думал, что знаю».

— Зато вы, генерал, очевидно, большой специалист в этой области. Не хотите устроиться консультантом в службу знакомств? Неплохая прибавка к пенсии.

— Разозлился, — добродушно констатировал Свиридов. — Молодец, значит, еще не все потеряно. Кстати, рана потом не гноилась?

— Какая рана? — не сразу понял Андрей.

— Ну, откуда Марго Кролика вырезала.

— Нет, — нехотя ответил Гумилев. — Зажила быстро.

— Вот видишь. Мы ж не знали, какое воздействие оказывают предметы на организм. Кое-кто боялся даже, что может начаться некроз тканей.

— Это почему еще?

— Ну, когда предмет и хозяин долгое время вместе, между ними возникает связь. А если они расстаются, хозяину становится худо. Фильм смотрел такой, «Властелин колец»? Вот то-то. Думаешь, с чего вдруг я такой развалиной стал?

— Не преувеличивайте, генерал, — проговорил Андрей сквозь зубы. — Вы нормально выглядите... для своего возраста.

— Именно что для своего. А раньше молодым себя чувствовал — а почему, знаешь? Орел, вот кто мне силу давал. С предметами ведь знаешь как: если предмет не твой, он у тебя жизненные силы отбирает. А если твой — поддерживает. Орел мой был...

Он замолчал и налил себе еще коньяку.

— А теперь лежит он на дне моря, вместе с Кроликом, Единорогом и Морским Коньком. Их-то мне не жалко, а вот Орла...

Гумилев молчал.

— Впрочем, может, оно и к лучшему, что он на дне морском. Никто его там не найдет, верно ведь, Андрей Львович? А предмет это опасный. Ладно я, человек мирный, без особенных амбиций, и то время от времени так и подмывало им воспользоваться себе на благо. А если бы он попал к какому-нибудь маньяку? Вон Гитлер сколько дел натворил с его помощью...

Было время, когда Гумилев мог только мечтать о том, чтобы разговарившийся глава ГУАП раскрыл бы ему секреты своего ведомства и хранившихся там предметов. Но тогда Свиридов умело хранил свои профессиональные тайны. А теперь Гумилеву было не до волшебных предметов. У него хватало других забот.

— Знаешь, я ведь себя первое время половиной человека чувствовал, — пожаловался генерал. — Орел этот треклятый у меня будто всю жизнь отнял. Шутка ли — я с ним с шестьдесят третьего года, почти полвека. Нет, не понять тебе. Тебе предметы ни к чему, ты сам по себе предмет.

— Это как понять? — сухо спросил Андрей.

— А вот так. Есть на свете люди, которые и без предметов кое-что могут. Всегда были.

— Фокусники, — не удержался Гумилев.

— Что с тобой говорить, — досадливо скривился Свиридов.

Андрей отставил бокал и поднялся. Довольно, подумал он. Слишком много времени потеряно зря.

— Сиди, — неожиданно властно прикрикнул генерал. — То, что предмет тебе не нужен, — твое счастье. Таких, как ты, мало. Смотри, Андрей Львович, нас, выживших, пятеро. У четверых были предметы: у Кирсана — Единорог, у Марго — Кролик, у меня — Орел, у Беленина — Морской Конек. И все мы своих предметов лишились. Только ты один ничего не потерял.

— Генерал, — сказал Гумилев медленно, — если бы вы не были старым и не очень здоровым человеком, я дал бы вам пощечину.

На миг он потерял дар речи — ему показалось, что Свиридов подмигнул ему.

— Если бы я не был старым и больным, — хмыкнул генерал, — я бы сам решил эту задачку.

Андрей сделал шаг к двери, но потом смысл сказанного дошел до него, и он обернулся.

— Какую задачку, генерал?

— Ту, которую нам загадали на восемьдесят пятой параллели.

ГЛАВА 3

ВОСЕМЬДЕСЯТ ПЯТАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ

База «Ultima Thule», Арктика. Июль 2009

— Возьмите ребенка, — приказала старуха.

Две белокурые девушки, похожие друг на друга, как сестры, подошли к креслу, на котором сидела, поджав ноги и обхватив коленки, Маруся, взяли девочку за руки и, синхронно потянув, выдернули из кресла.

Андрей рванулся — попытался рвануться. Мышцы после инъекции, сделанной ему полчаса назад, были мягче ваты. Он вряд ли сумел бы донести до рта ложку, не то что добежать до противоположного конца комнаты.

Ноги отказали ему, и он тяжело рухнул на стальные плиты пола.

— Поднимите его, — проскрипел старческий голос.

Андрей почувствовал, что его с обеих сторон подхватили под мышки, но не стал поворачивать головы. И так понятно, что за ним приглядывают такие же блондинки в зеленой форме, как те, что держали Марусю. Блондинки здесь были на каждом шагу.

— Приготовьте шприц.

— Если вы посмеете к ней прикоснуться... — пробормотал Гумилев, с трудом ворочая языком.

— Что же будет? — поинтересовалась старуха. — Вы как-то помешаете нам? Расшвыряете охрану? Может быть, убьете кого-нибудь?

Мерзкая тварь, подумал Андрей. Я до тебя доберусь, будь уверена.

— Вы даже стоять не можете без посторонней помощи. Так что не болтайте чепухи и смотрите внимательно.

Эта мумия в эсэсовской форме когда-то, возможно, была даже красивой. У нее были правильные черты лица, большие голубые глаза, наверняка сводившие с ума мужчин лет шестьдесят назад. Однако длинный и тонкий шрам, пересекавший лицо от левой брови до правой щеки и лишь чудом не задевавший нос, должен был портить впечатление даже тогда, в пору расцвета ее красоты.

Откуда-то из-за спины старухи, сидевшей в кресле на колесиках, появилась очередная блондинка — на этот раз не в зеленой форме, а в белом медицинском халате. В руках у нее был шприц, наполненный беловатой жидкостью.

— В шприце — диметилfosфаламид, — продолжала старуха. — Соединение довольно безвредное, но причиняющее дикую, ни с чем не сравнимую боль при внутривенном введении. Сейчас доктор Зоммер введет полкубика этого вещества вашей дочери, и вы увидите, какова будет ее реакция.

— Папа! — крикнула Маруся. В глазах ее был страх. Она пыталась вырваться, но белокурые девки держали ее крепко. — Папа, я не хочу, чтобы мне делали укол!

— Нет, — прохрипел Андрей. — Не нужно. Стойте! Чего вы добываетесь?

— Послушания, — равнодушно ответила старуха. — Доктор Зоммер, вводите.

— Нет! — одновременно крикнули Андрей и Маруся.

Одна из блондинок резким движением задрала рукав свитера Маруси. Рука девочки была совсем тонкой и хрупкой.

Игла, блеснув в ярком свете лампы, вошла в вену.

— Люди — как орехи, — проскрипела страшная старуха. — Одни можно расколоть простым усилием пальцев, для других требуются щипцы. Самые крепкие нужно колоть молотком. Но в конечном итоге от любого ореха остается только скорлупа и ядро.

— Лучше меня, — каркнул Андрей. — Колите меня, чертобы ублюдки!

— Вас мы уже кололи. Это бессмысленно. Вы слишком невосприимчивы к химическим препаратам.

Она была права. Его мучили несколько часов подряд. Вены жгло, сознание туманилось и плыло, и когда он выныривал из багровой тьмы, чей-то неприятный, но удивительно знакомый голос задавал ему одни и те же вопросы:

— Кто вы?

— Что произошло с «Землей-2»?

— Вы приняли сигнал с американской подводной лодки?

— Вы видели, кто на вас напал?

— Это были американцы?

И еще множество таких же тупых вопросов. Нет, хрипел Гумилев, это была ловушка, мы шли по пеленгу канадской субмарины, но попали на какую-то подводную базу, битком набитую девицами в нацистской форме. Тогда его били по лицу и снова кололи какую-то дрянь, и голос, который он слышал давным-давно в прошлой жизни, шептал:

— «Земля-2» была атакована американской атомной подводной лодкой типа «Огайо». Вас заманили в ловушку и уничтожили

американцы. Никаких подводных баз в районе Северного полюса нет. Это была ловушка американцев. Вы не видели никаких нацистов.

И что-то тяжелое опускалось из-под потолка и давило на мозг — мягко, но очень сильно.

В глаза бил яркий свет, а когда Андрей зажмуривался, то с внутренней стороны век пропадала фигура раскинувшего крылья орла.

Орел парил в кровавом небе, могучий и грозный, как свергнутый Люцифер. Он вызывал у Андрея смутную тревогу, хотя понятно было, что это всего лишь галлюцинация. Что-то такое он читал когда-то, кажется, у модного в пору его юности Кастанеды — Орел, пожирающий души, то ли бог, то ли некое метафизическое начало в космогонии мексиканских индейцев... От Орла шла волна энергии — густой, плотной, жаркой, как лава. Сопротивляясь ей было почти невозможно, это вызывало острую, почти нестерпимую боль, выжигавшую мозг. Но не сопротивляясь Андрей не мог.

Это было странное ощущение: словно бы в его теле поселился кто-то еще, перехвативший все рычаги управления. Гумилев бы уже давно сдался и позволил Орлу проглотить себя — он надеялся, что на этом пытка, терзавшая его мозг, закончится, — но что-то ему мешало. И он боролся, боролся до тех пор, пока вырвавшаяся откуда-то из-под черепа вспышка белого пламени не сожгла страшную крылатую тень...

...И не бросила Андрея в бездну забвения.

В себя он пришел уже в этом общитом стальными плитами зале.

— У вас очень высокий порог сопротивляемости, — сказала старуха. — И в этом ваша трагедия.

Андрей остановившимися глазами смотрел, как грязно-белое, мерзкое даже на вид существо входит в вену Маруси.

Маруся закричала.

Гумилеву показалось, что он сейчас снова потеряет сознание. Слышать крик дочери было невыносимо, и обморок мог бы сойти за избавление. Трусливое, эгоистичное избавление — ведь боль, которую испытывала Маруся, не уменьшилась бы от того, что ее отец свалился без чувств. Но даже в этом ему было отказано.

— Не надейтесь, — скрежетнула зловещая старуха, кривя бескровные губы. — Вы досмотрите все до конца. Это станет гарантией вашего послушания.

— Что вам от меня нужно? — проговорил Андрей сквозь стиснутые челюсти.

— Вы все узнаете. Со временем.

— Папа! — кричала Маруся. — Папочка! Мне больно!

— Прекратите! — Гумилев безуспешно пытался напрячь мышцы, чтобы вырваться из рук своих конвоиров. — Я сделаю все, что вы хотите! Только перестаньте мучить ребенка!

— В каждом русском сидит маленький Достоевский, — усмехнулась старуха. — Я не ошиблась в вас, господин Гумилев.

Она произносила эти слова нарочито медленно, наслаждаясь страданиями Маруси и еще больше — муками Андрея.

— Хватит! — Он лихорадочно соображал, каким образом можно заставить эту жуткую старуху прекратить пытку. — Если вы не прекратите немедленно, то ничего от меня не получите! Я же нужен вам живой, не так ли?

— Что же вы сделаете, господин Гумилев? Каждое ваше движение контролируется.

— Слышали о японских якудза? — В отчаянии он был готов ухватиться за любую соломинку. — Знаете, что они делают, когда попадают в руки врагов?

Усмешка сошла с лица его мучительницы.

— Вы собираетесь откусить себе язык? Вряд ли у вас это получится...

— Если не прекратите пытать мою дочь, — твердо сказал Андрей, — увидите сами.

Что-то в его голосе убедило старую ведьму. Она махнула рукой, и блондинка в халате выдернула иглу из вены Маруси.

— Ребенку еще какое-то время будет больно, — предупредила старуха. — Сколько вы ввели, доктор Зоммер?

— О, сущую ерунду, рейхсфюрер, — с улыбкой ответила блондинка. — Меньше четверти кубика.

— Значит, боль будет ощущаться еще примерно полчаса. Полагаю, вы уже поняли, что в моих силах причинить вашему ребенку какую угодно боль. Это было предупреждение.

Маруся рыдала, щеки ее блестели от слез. Державшие ее нацисты не обращали на ее плач никакого внимания, они даже не смотрели на девочку, и это равнодушие было страшнее всех угроз рейхсфюрера.

— Уведите дитя, — распорядилась старуха. — В ближайшие полчаса ничего нового от нее ожидать не стоит: сплошные вопли и сопли. А с вами, господин Гумилев, мы поговорим.

У нее была странная манера вести переговоры, но Андрей был не в том положении, чтобы диктовать свои условия. Уже то, что ему удалось заставить ее прекратить издеваться над Марусей, было чудом.

— Кто вы? — спросил он, когда плачущую и упирающуюся Марусю вывели из комнаты. — Откуда вам известно мое имя?

— Я — рейхсфюрер СС Мария фон Белов, — в голосе старухи лязгнул металл, — правитель Четвертого Рейха. Господин Гумилев, мне известно не только ваше имя, но и имя вашей пропавшей жены, вашей нынешней любовницы, человека, отвечающего за вашу безопасность, и многих, многих других окружающих вас людей. Не стану скрывать: я уже давно присматриваюсь к вам и вашей корпорации.

Она обвела рукой металлические стены комнаты.

— Мы с вами в самом сердце Четвертого Рейха. Отсюда я могу управлять людьми и могущественными организациями на всех континентах. Большинство этих людей служат Четвертому Рейху из идейных соображений или за деньги. Вам, насколько я понимаю, деньги не нужны, а идеи национал-социализма вряд ли вам близки.

— Вы удивительно догадливы.

— Благодарю. С другой стороны, вы представляете для Четвертого Рейха значительный интерес. Вы — один из богатейших людей России. Ваша корпорация инвестирует огромные средства в развитие новейших технологий. И наконец, вы пользуетесь доверием политического руководства вашей страны.

— Хотите использовать меня как посредника на переговорах? — хмыкнул Андрей.

Мария фон Белов удивилась.

— Посредника? Нет... это было бы чересчур рискованно. Ни ваше руководство, ни Администрация США, ни правительство какой-либо другой страны, за исключением, может быть, Северной Кореи, не станет вести переговоры с Четвертым Рейхом, несмотря на несомненные выгоды взаимного сотрудничества. Тут не поможет даже ваш авторитет. Вы слышали, возможно, о падении летающей тарелки в ЮАР в середине восьмидесятых годов?

— Какая-то газетная утка.

— Не совсем. То, что журналисты назвали «летающей тарелкой», было на самом деле торсионным винтолетом Четвертого Рейха. Он был сбит ПВО ЮАР после того, как переговоры одного из моих эмиссаров с Питером Ботой закончились неудачей. Не по вине Бота. На него слишком давили израильтяне — их разведка почти установила наше местонахождение, пришлось прикончить их премьер-министра, это несколько охладило их пыл.

— Насколько я помню, Рабина убил еврей-ортодокс.

— Разумеется. Еще не хватало, чтобы его убил голубоглазый блондин — это спровоцировало бы холокост наоборот. Но подсказали, что делать, убийце мы, и оружие ему в руку вложили тоже мы. Месть свершилась, но южноафриканцев мы уже упустили — вскоре после гибели нашего эмиссара режим апартеида поднял лапки перед чернокожими, и теперь белые в Южной Африке вынуждены прятаться за стенами хорошо охраняемых усадеб, больше похожих на крепости. Я рассказала вам эту маленькую историю для того, чтобы вы поняли: никто с нами договариваться не будет. Никакие дипломатические отношения между Четвертым Рейхом и современными государствами Запада и Востока невозможны. Да нам это и не нужно, собственно. Наша империя рассеяна по всему свету, у нас нет городов и военных баз, потому что мы в них не нуждаемся. Все, что нам нужно, — это верные люди, люди, готовые исполнять наши приказы. Мои приказы.

— И вы хотите, чтобы я стал таким человеком? Агентом вашего Четвертого Рейха?

Старуха улыбнулась, обнажив белые — Андрей готов был поклясться, что искусственные, — зубы.

— Вы не менее догадливы, чем я, господин Гумилев.

Мозг Андрея заработал, как двигатель на форсаже. «Пообещать можно все что угодно, особенно когда речь идет о жизни твоего ребенка... и эта сущеная мумия прекрасно понимает, что я откажусь от своих слов при первой же возможности... Значит, она потребует гарантий. Каких?»

— Допустим, я соглашусь...

Мария фон Белов подняла руку. Жест этот вышел у нее таким повелительным, что Андрей оборвал фразу.

— Не допустим, а согласитесь. У вас нет другого выхода, вы же видели. И не думайте, что сумеете обмануть меня: ваш ребенок останется здесь.

— Вы сошли с ума, — рявкнул Гумилев.

— Ничуть. Эта девочка... как ее, кстати, зовут? Маруся? Так вот, она будет жить на базе «Туле» под чутким присмотром воспитателей и врачей. Пока вы будете вести себя хорошо и выполнять все мои указания, у вашей дочери не будет никаких проблем. Она будет получать необходимое образование, полезную пищу, будет заниматься спортом. Вы сами видите, какие красивые и сильные девушки вас окружают. Однако если вы вздумаете обмануть меня... или не выполните мой приказ... а хуже того, попытаетесь выдать тайну Четвертого

Рейха вашим властям... кара будет немедленной и жестокой. Вы видели, какие страдания способен причинить ребенку даже безобидный диметилфосфаламид. Но в наших лабораториях разработаны куда более эффективные средства. Вам приходилось слышать имя доктора Йозефа Менгеле? А доктора Хирта? Тогда вы можете себе представить, в какие бездны боли и мучений я могу бросить вашу дочь.

«Держи себя в руках, — приказал себе Андрей, борясь с желанием придушить сидевшую напротив него в инвалидном кресле тварь, — от твоей выдержки зависит жизнь Маруси...»

Вслух он сказал:

— При каких условиях вы вернете мне мою дочь назад в целости и сохранности?

Мария фон Белов склонила голову набок и стала похожа на старую белую птицу, настороженно вглядывающуюся в приближающегося к ней человека.

— Вы должны будете кое-что сделать для Четвертого Рейха. Для верности мы подпишем контракт... скажем, на три года. По истечении этого срока, если вы исполните все наши задания вовремя и без нареканий, вы получите своего ребенка — живого и невредимого. Если же нет... получите все равно, но, скажем, без языка. Или, возможно, без ног — это уж как наши врачи решат.

— Тварь, — сказал Гумилев, — мерзкая старая тварь...

Мария фон Белов рассмеялась мелким, рассыпающимся, как крупа, смехом.

— Как звали вашу бабушку, господин Гумилев? — неожиданно спросила она.

Андрей не ответил — просто стоял, покачиваясь от слабости, между двумя своими охранницами и с ненавистью смотрел на рейхсфютера.

— Не трудитесь вспоминать, я знаю, — любезно сказала фон Белов. — Ее звали Екатерина Владимировна, а девичья фамилия ее была Серебрякова, не так ли?

— Откуда... — хрипло проговорил Гумилев. — Откуда ты знаешь?

— Но-но, — старуха погрозила ему желтым пальцем. — Я почти в три раза старше вас, господин Гумилев, извольте обращаться ко мне на «вы». Мы с вашей бабушкой были в некотором роде знакомы...

Она рассеянно потерла тонкий белый шрам, пересекавший ее лицо.

— Обстоятельства нашего знакомства были таковы, что за вашей бабушкой остался некий долгок. Но, насколько мне известно,

Екатерина Владимировна давно умерла, а я, как видите, еще жива и собираюсь жить еще долго. И долг этот мне придется требовать с вас.

— Не понимаю, о чем идет речь, — сквозь зубы сказал Андрей.

— Может быть, когда-нибудь, позже, я расскажу вам. Сейчас же просто примите к сведению: если мне придется причинить вашей дочери какое-либо... зло, то я сделаю это в память о ее прабабушке.

У Андрея вдруг страшно закружилась голова. «Это галлюцинация, — подумал он, глядя на вращающиеся вокруг него серые стальные стены. — Я на «Земле-2», в рубке, у нас совсем мало кислорода, и я брежу... Нет никаких нацистов, нет страшной старухи-рейхсфюрера, и Марусе никто не колол в вену вызывающий мучения яд...»

— Бригитта, — распорядилась Мария фон Белов коротко.

Одна из охранниц Андрея внезапно очень сильно ударила его по лицу. У Гумилева клацнули челюсти. Стены тут же перестали кружиться.

— Нечего симулировать, — прикрикнула старуха. — Не изображайте из себя гимназистку. Вы — жесткий бизнесмен со стальными нервами, вы должны понимать, что мы заключаем с вами обычную сделку. Я не спрашиваю, принимаете ли вы мои условия, потому что у вас просто нет другого выхода. Но если вам что-то непонятно, можете спрашивать.

— Что будет с другими участниками экспедиции? — спросил Андрей. — Они живы?

Мария фон Белов пожала плечами.

— Большой частью живы. Нет, мы никого не убивали — пока. В основном они останутся заложниками здесь, на базе «Туле». Нам нужна свежая кровь, нужен материал для экспериментов. Но нескольких ваших товарищей мы отпустим вместе с вами.

— Кого же?

— Этого вашего калмыка... Илюмжинова. Олигарха... как его?

— Беленина?

— Именно. Генерала спецслужб — он глава могущественного ведомства, его исчезновение может вызвать слишком много вопросов. Ну и, разумеется, девушку.

— Марго?

Мария фон Белов загадочно усмехнулась.

— Впредь вы будете называть ее именно так.

Девушка была немного выше Марго, чуть более худощавая и спортивная. Волосы у нее, как и у большинства обитателей базы «Туле», были очень светлыми, глаза — голубыми.

— Здравствуй, Андрей, — сказала она по-русски. Голос у нее был немного хрипловатый, и говорила она без акцента. — Нам нужно познакомиться поближе.

Гумилев молчал. Он сидел на узкой, застеленной солдатским одеялом койке, сложив руки на коленях, как арестант. Действие инъекции потихоньку проходило, но мышцы были еще ватными.

— Я понимаю, ты шокирован, — продолжала девушка, — но это быстро пройдет. Поверь мне — тебе повезло. Рейхсфюрер не стала стирать тебе память... как твоим друзьям. Это знак большого доверия.

— Им стерли память?

— Да. Не могли же мы допустить, чтобы тайна базы «Туле» стала известна в большом мире. Твои друзья верят, что ваш корабль... как вы его называли?

— «Земля-2». И это не корабль...

— Да, знаю, терраформирующая станция. Так вот, ее атаковала американская подводная лодка. Та, что выдавала себя за канадскую субмарину «Да Винчи».

— Вы внушили весь этот бред моим товарищам?

— Это не бред. Американцы действительно имеют свои интересы в Арктике и не собираются пускать сюда русских. Андрей, ты единственный, кто знает, как все было на самом деле. И ты должен поддерживать в своих друзьях уверенность в том, что история с американской подлодкой — правда.

Она улыбнулась, подошла к нему и слегка дотронулась до плеча.

— Это будет твое первое задание. От того, насколько хорошо ты его выполнишь, зависит судьба твоей дочери.

Гумилев поднял голову.

— Послушай, не знаю, как там тебя зовут...

— Катарина. — Она перестала улыбаться, смущенная его яростным взглядом. — Но ты должен звать меня Марго.

— Так вот, Катарина...

— Марго.

— Заткнись! Если ты еще раз посмеешь грозить мне тем, что с моей дочерью что-то случится...

— Это моя обязанность, — спокойно ответила девушка. — Я должна напоминать тебе о договоре, который ты заключил. И я хотела бы, чтобы ты понял: здесь нет никакого злого умысла. Ты же деловой человек, не так ли? Неужели ты считаешь, что пункт в договоре, который предусматривает санкции за неисполнение, тебе угрожает?

Ее спокойствие взбесило Андрея.

— Я не нуждаюсь в напоминаниях! Можешь убираться к чертовой бабушке, которая у вас зовется рейхсфюрером! И передай ей, что я способен работать и без надсмотрщика!

Девушка пожала плечами. В отличие от других обитательниц «Туле», она была одета не в зеленую форму, а в брючки и белый шерстяной свитер.

— Мне жаль, Андрей, но это входит в условия договора. Твоя девушка останется здесь, на базе. Мы позволим ей общаться с Марусей — они же, кажется, привязаны друг к другу? Вместо нее на поверхность поднимусь я.

— Ты не похожа на Марго, — он понимал, что этот аргумент для нее ничего не значит.

— Это не твоя забота. Уверена, что мы с тобой сработаемся, — снова улыбнулась Катарина. — Поначалу будет трудно... но я помогу тебе. Я всегда буду рядом с тобой.

По крайней мере, в этом она не солгала.

ГЛАВА 4

ОБЪЕКТ НААРР¹

Аляска, лето 2011

— Ты когда-нибудь бывал на Аляске, Буч? — спросил Ковальски, сидевший около иллюминатора.

Специальный агент ФБР Маккорник, которого еще в Академии в Куантико прозвали Буч, то есть Здоровяк, — маленький быстрый человечек с рыжими волосами и холодными голубыми глазами — покачал головой, не отрываясь от экрана айпада.

— Нет, Пол, я никогда не забирался выше сорок второй параллели. Но зато я читал книгу об Аляске, «Северные рассказы» Джека Лондона.

Ковальски хмыкнул.

— Для парня, выросшего в ирландском квартале Детройта, ты слишком много читаешь, Буч. Я вот смотрел фильм, там один коп прилетел на Аляску, чтобы расследовать убийство. И знаешь, что мне запомнилось? На этой гребаной Аляске вообще нет ночи, прикинь? Круглые сутки светло, как днем. Этот коп от бессонницы чуть с ума не сошел.

— Это называется полярный день, приятель. За Полярным кругом он длится полгода. И еще полгода — полярная ночь.

— А сейчас там что?

— Нам повезло, — бесстрастно ответил Маккорник. — Сейчас как раз день. Советую запастись сноторвным и позаимствовать у компании «Дельта» повязку на глаза.

Пол Ковальски пробурчал что-то нечленораздельное и отвернулся к иллюминатору. Агенты сидели в середине салона, и в иллюминаторе было видно главным образом отсвечивающее в лучах северного солнца крыло «Боинга». Под крылом, в разрывах бугристых облаков ярко зеленели леса и сверкали ослепительно-голубые пятна озер.

— Где снег? — пробормотал себе под нос Ковальски. — Где чертов снег?

— Зачем тебе? — поинтересовался Буч. — Сейчас лето. Радуйся, что нас не послали сюда на Рождество.

¹ High Frequency Active Auroral Research Program — программа высокочастотных активных авроральных исследований.

— Ну это же север! На севере должен быть снег. К тому же я слышал, что мы купили Аляску у русских, а значит, здесь просто обязаны лежать сугробы и бегать медведи.

— Медведи здесь есть, — успокоил его Маккорник. — Вот, взгляни.

Он сунул напарнику свой айпад. С экрана скалился огромный бурый зверюга с крохотными злыми глазками.

— Урсус маритимус, самый страшный хищник Америки. В холке, говорят, достигает шести футов. Если нам повезет и мы быстро разберемся с этим заданием, Дядюшка Боб устроит нам сафари на Медвежьем острове.

Ковальски подозрительно покосился на него.

— У тебя на Аляске живет дядя?

— Дядюшка Боб — это прозвище. Мы вместе служили в армии, только я был обычным солдатом, а Дядюшка заведовал складом. Он всегда умел непыльно устроиться. Сейчас он важная шишка в береговой охране — главный интендант или что-то в этом роде. Никакого риска, и деньги сами так и липнут к рукам.

— Ага, — сказал Ковальски. — И что, он устроит нам охоту?

— И охоту, и рыбалку, и барбекю на дикой природе. Дядюшка Боб в этих краях почти всемогущ. К сожалению, его всемогущество не распространяется на Объект.

Двадцать четыре часа назад Маккорника и Ковальски вызвал к себе их начальник, специальный агент Догерти. Филу Догерти было за пятьдесят, но он держал себя в хорошей форме — бегал десятимильные кроссы и регулярно потел в спортзале. За спиной у него шептались, что должность регионального координатора для него только ступенька на пути к креслу одного из заместителей директора Бюро — Догерти был дьявольски амбициозным сукинным сыном. Иметь такого наполеона в начальниках было и хорошо, и плохо. Хорошо потому, что Фил все время старался подчеркнуть достижения своего подразделения, и имена Маккорника и Ковальски часто звучали на совещаниях на самом верху. Оборотной стороной медали было то, что Догерти постоянно требовал от своих подчиненных блестящих результатов, и непременно в самые сжатые сроки. К тому же он — что удивительно для человека, зацикленного на своей карьере, — был выдающимся сквернословом, и если подчиненные неправлялись с заданием вовремя, их словарный запас обогащался новыми словами и выражениями.

— Вот что, парни, — сказал он, когда Ковальски и Маккорник вошли в его кабинет, — у нас ситуация зеро. Вы в курсе, что это означает?

— Угроза государственной безопасности, — тут же ответил Ковальски.

Догерти хмуро кивнул.

— Вы слыхали про объект HAARP, парни?

На этот раз Ковальски промолчал, зато в разговор вступил Буч.

— Это гидрометеорологическая лаборатория на Аляске, сэр. Там проводятся какие-то секретные эксперименты с магнитосферой Земли.

Догерти скрчил презрительную гримасу.

— HAARP такая же лаборатория, как Академия в Куантико — воскресная школа. Это секретный объект армии США, а гидрометеорология — только прикрытие.

Он нажал клавишу на своем ноутбуке, и плоский белый принтер выплюнул цветную фотографию чернокожего мужчины в очках в золотой оправе. Эти старомодные очки и изогнутая курительная трубка, которую он держал во рту, делали мужчину похожим на университетского профессора.

— Доктор Джозеф Р. Харрис-младший, — сказал Догерти, протягивая фотографию Маккорнику. — Один из лучших специалистов в области компьютерной безопасности в стране. Чертов, мать его, гений. Он работал в проекте HAARP, обеспечивал безопасность информационных систем объекта. И так хорошо обеспечивал, что ни один гребаный хакер не мог даже на милю подобраться к компьютерным сетям HAARP.

— Вы употребили прошедшее время, сэр, — вежливо сказал Маккорник. — С ним что-то случилось?

— Он умер, — ответил Догерти. — При очень странных обстоятельствах.

— Вы полагаете, речь идет об убийстве?

— Возможно. Самое паршивое, парни, что этот Джозеф Р. Харрис-младший был не просто компьютерным гением. Он был *нашим* компьютерным гением.

— Нашим, сэр? — переспросил Ковальски.

— Он был специальным агентом ФБР, работавшим под прикрытием. Бюро потратило хренову тучу баксов, чтобы ни один сукин сын

не догадался, что блестящий математик Джозеф Р. Харрис-младший имеет какое-то отношение к нашей лавочке. И люди, которые брали его на работу в HAARP, тоже, между прочим, ничего об этом не знали.

Догерти замолчал. Видимо, ждал вопросов от подчиненных.

— Простите, сэр, — начал Маккорник, — а зачем вообще понадобилось внедрять секретного агента на объект армии США? Это же прерогатива военной контрразведки.

— Вояки, Маккорник, понимают в компьютерных сетях столько же, сколько ты в балете, — сердито ответил Догерти. — Когда румынские хакеры влезли в компьютеры Пентагона, мы чуть Третью мировую войну не начали, а ведь это были румыны. Кто вообще слышал об этой страной Румынии?

— Это страна в Восточной Европе, сэр, — блеснул своими познаниями Ковальски.

Догерти не обратил на него никакого внимания.

— Вообще-то это не ваше дело, парни, но раз уж вы займитесь расследованием гибели Харриса, то, пожалуй, не будет беды, если я вам скажу. Бюро внедрило в проект HAARP своего человека по личной просьбе президента страны. Произошло это четыре года назад. И все это время Джозеф Р. Харрис-младший отличноправлялся со своими обязанностями, пока на прошлый уик-энд не отправился на рыбалку.

— На рыбалку? — глупо переспросил Ковальски.

На этот раз Догерти снизошел до того, чтобы взглянуть на агента. Взгляд, который он послал Ковальски, мог заморозить кипящую воду.

— У меня что, плохо с дикцией? Да, Харрис отправился ловить лосося. На Аляске полно лососей, а с другими развлечениями туговато. Обычно на рыбалку ездят компаниями, но Харрис был социопатом, как и многие математики, и предпочитал отдыхать в одиночестве. Он уехал в пятницу вечером, но в воскресенье не вернулся. Когда он в понедельник не явился на работу, тамошний начальник службы безопасности, Дон Эшбоу, всполошился и послал людей на поиски. Долго искать не пришлось — Харрис был там, куда и уехал, на некоем озере Сильвер-Лейк. На берегу стояла его палатка, а на середине озера болталась его надувная лодка. Вот только сам Харрис тоже плавал в озере лицом вниз, и лицо его уже изрядно пообглодали рыбы.

— Проводилось ли вскрытие, сэр?

— Разумеется. Врачи не обнаружили ничего подозрительного — сердечный приступ, только и всего. Харрис потерял сознание, свалился в воду, захлебнулся...

— Простите, сэр, — перебил начальника Маккорник, — вы сказали, что он плавал лицом вниз. Но если его нашли быстро, он должен был лежать на дне. Утопленники всплывают далеко не сразу, сэр.

— Спасибо, что просветили меня, кэп, — хмыкнул Догерти. — Я тоже обучался в Академии и помню, сколько времени нужно утопленнику, чтобы раздуться, как воздушный шарик, и всплыть на поверхность. Но Харрис был чертовски предусмотрительным парнем. Прежде чем отправиться рыбачить, он надел спасательный жилет.

— Он не умел плавать, сэр? — спросил Ковальски.

— Откуда я знаю! — разозлился Догерти. — Я его при жизни в глаза не видел. Это ваша задача — узнать все о покойнике и установить, от чего он на самом деле помер. Харрис отвечал за компьютерную безопасность самого секретного объекта в Америке, и он был нашим агентом. Так что если он ни с того ни с сего утонул, то, что бы ни говорили врачи, мы просто обязаны провести собственное расследование.

— Все ясно, сэр. — Маккорник, как всегда, сумел найти именно те слова, которых ожидало от него начальство. — Когда мы вылетаем на Аляску?

— Завтра, — отрезал Догерти. — У вас есть двадцать часов, чтобы изучить досье Харриса и все материалы по HAARP, которые есть в наших базах данных. С этого момента вы оба получаете допуск первой категории. И помните: расследование должно быть завершено быстро. В среду директор встречается с Железной Задницей, так что все материалы должны быть на моем столе не позже вторника.

Железной Задницей за глаза именовали Майкла Сэнди, советника президента по национальной безопасности. Ни Ковальски, ни Маккорник не знали, чему Сэнди обязан этой непочтительной кличкой, но понимали, что если уж Догерти решил посвятить их в тайны высокой политики, дело и впрямь серьезное.

— Будет сделано, сэр, — заверил босса Ковальски.

В аэропорту Анкориджа их встречали. Невысокий худосочный блондин в темных очках представился Барри Стюартом, заместителем начальника службы безопасности HAARP Эшбоу. Пожатие его вялой влажной ладони не понравилось Ковальски, и он украдкой вытер ладонь о полу пиджака.

— Добро пожаловать на Последний Фронтир, джентльмены¹, — сказал Стюарт, улыбаясь. Зубы у него были очень белыми, и улыбка

¹The Last Frontier — неофициальное название штата Аляска.

казалась искренней, но в глазах явственно читалась подозрительность. «Что вам здесь надо, чужаки? — говорил этот взгляд. — Все равно вы ничего не понимаете в наших делах, так что лучше вам поскорее убраться туда, откуда вы явились». — Нам предстоит проделать двести пятьдесят миль на машине, это неблизкий путь. Что поделать, расстояния у нас велики.

— Не проще было бы нанять частный самолет? — скривился Ковальски. — Бюро оплатило бы расходы...

Стюарт улыбнулся еще ослепительнее.

— Летчики избегают летать в окрестностях НААРР. Излучение сводит приборы с ума. После того как в прошлом году старый Сэм Рипли воткнулся на своей «Сессне» прямо в склон горы в двадцати милях от Гаконы¹, наш аэродром стал чертовски непопулярным местом.

— Излучение? — переспросил Маккорник.

— Вас что, не предупреждали? — Стюарт покачал головой, словно бы говоря: «Ну как можно быть такими безмозглыми?» — Работать на НААРР — все равно что сидеть в гигантской микроволновке. Это, конечно, не радиация, но здоровья уж точно не прибавляет.

— Как давно вы здесь служите, Барри? — поинтересовался Ковальски.

— Третий год. И скажу вам честно — если бы не зарплата, втрое превосходящая ту, что я получал в Лос-Анжелесе, я бы сюда ни за что не сунулся.

— А как же Харрис? Он-то отпахал здесь целых пять лет.

Стюарт пожал плечами.

— Харрис был фанатиком. К тому же, как вы уже знаете, он умер. А у меня нет ни малейшего желания завершать свою карьеру так рано.

Следуя за Стюартом, агенты прошли через просторный холл аэропорта и вышли под ярко-синее небо Аляски. На парковке перед белым зданием Южного терминала стоял огромный черный «Шевроле Таксо».

— Прошу, джентльмены. — Стюарт распахнул заднюю дверцу внедорожника. — Приготовьтесь к долгому путешествию.

Дорога, по которой они ехали, была совершенно пустынна — за три часа агенты насчитали едва ли дюжину машин, попавшихся им навстречу. Зато пейзажи радовали глаз — невысокие холмы, поросшие елями и стройными сосновами, бирюзовая гладь озер, каменные

¹ Гакона — маленький поселок на Аляске, в окрестностях которого расположены излучатели НААРР.

останцы, покрытые живописными пятнами лишайников. Высоко в прозрачном небе лениво дрейфовали похожие на огромных белых птиц плоские облака.

— Да, у нас красиво, — сказал Стюарт, будто прочитав мысли своих гостей. — Летом здесь почти курорт, в Анкоридже девчонки ходят в шортиках и топиках, а загорают не хуже, чем в Калифорнии. Вот только лето у нас короткое.

Он охотно повествовал об особенностях жизни на Аляске, но на вопросы о погибшем Харрисе предпочитал отмалчиваться или давал обтекаемые ответы.

— У меня есть начальник, мистер Эшбоу, вот он вам обо всем и расскажет.

— Но вы-то сами знали покойного? — не отставал Ковальски.

Стюарт, не отрывая глаз от стремительно убегающей под колеса джипа ленты дороги, пожал плечами.

— Ну что значит «знал»? В друзья я к нему не набивался, если вы это имеете в виду. И не получилось бы. Он ведь нелюдим был, Харрис. Только своей математикой и занимался. Так что ничего, что могло бы вас заинтересовать, джентльмены, я не знаю.

«Ладно, — подумал Ковальски, — посмотрим, как ты запоешь, когда мы не разговаривать с тобой будем, а допрашивать».

В кармане у него лежали ордера на задержание, подписанные федеральным окружным судьей. Судья не смог отказать директору Бюро, хотя то, что он сделал, было противозаконно: в ордерах не были прописаны имена и фамилии.

— Впишете сами, парни, — сказал им Догерти, вручая пачку подписанных ордеров. — Главное, чтобы вы поймали гада, который пришел нашего компьютерного гения.

Знай худосочный Стюарт об этих ордерах, он, может, стал бы по-разговорчивее. Ну ничего, всему свое время.

Дорога нырнула в ложбину между двух холмов, поросших густыми елями.

— Ну, вот здесь и начинаются наши владения, — Стюарт показал куда-то вбок, где между деревьями была натянута ячеистая проволочная сеть. — Когда-то, в пятидесятых годах прошлого века, здесь построили полигон для защиты от проклятых русских. Они же тут недалеко, через пролив. А двадцать лет назад часть полигона отдали под комплекс НААРР. Теперь мы самая засекреченная военная часть на Аляске.

— А что местные жители? Не докучают вам? — спросил Маккорник.

— Местные-то? Нет, они боятся наших антенн, как чумы. И правильно делают, между прочим. В Гаконе и двухсот жителей не наберется и с каждым годом становится все меньше. Кому в здравом уме придет в голову приехать сюда поселиться? Чтобы рожать мутантов?

Агенты переглянулись.

— Вы же говорили, что здесь нет радиации.

— А что, думаете, мутанты рождаются только в Чернобыле или на Фукусиме? Высокочастотные волны ничуть не хуже. Серьезно, джентльмены, я бы на вашем месте постарался провести здесь как можно меньше времени.

Холмы понижались, переходя в волнистую равнину, покрытую чахлым кустарником. По левую сторону от дороги на горизонте темнели невысокие горы, по правую тянулись бесконечные ряды металлических столбов, между которыми была натянута серебристая сеть.

— Это антенные поля, — пояснил Стюарт. — Территория, которую они занимают, больше Кони-Айленда, а электричества жрут — как весь Нью-Йорк.

Маккорник едва заметно улыбнулся. Перед поездкой он успел просмотреть кое-какие данные по НААРП и знал, что энергии тот потребляет действительно много, но все же несравненно меньше, чем Большое Яблоко. Весь комплекс обеспечивали электричеством одна теплоэлектростанция и шесть резервных дизель-генераторов. Стюарт явно питал склонность к преувеличениям.

— А кто у вас тут главный? — поинтересовался Ковальски. — Ну, самый главный босс?

Стюарт хмыкнул.

— У нас военный объект, поэтому никакой демократии вы тут не найдете. Но боссов тем не менее у нас хватает. От военных главный — полковник Батчер. Гражданскую администрацию представляет Сол Фишер, лучший друг больших парней на Капитолийском холме. Ну а мой босс, мистер Эшбоу, он вроде шерифа. Следит, чтобы никто никого не обижал.

— Вот с ним-то вы нас в первую очередь и познакомьте, — сказал Маккорник.

— Джозеф Р. Харрис-младший никогда не жаловался на здоровье. — Невысокий, лысеющий Дон Эшбоу выдвинул ящик своего стола

и достал оттуда пластиковую папку в синем переплете. — Вот его досье, джентльмены. Понимаю, выглядит старомодно, но я предпочитал держать информацию о Харрисе при себе, не доверяя ее компьютеру.

Маккорник сухо улыбнулся.

— Наверное, потому что Харрис был компьютерным гением?

Эшбоу кивнул.

— Круче него в области защиты компьютерной информации не было никого. А кто сторожит зерно, тот всегда может зайти в амбар и посмотреть, что там да как, если вы понимаете, о чем я. Для такого парня, как Харрис, отыскать свое досье и скопировать его было делом пустяшным. А это строго запрещено правилами. Поэтому я завел на Харриса два досье — одно, формальное, в компьютере, там нет ничего интересного, и второе — вот это. Существует в единственном экземпляре.

Ковальски взял со стола папку и взвесил ее на руке.

— Неплохо вы потрудились. Должно быть, увлекательное чтение.

Эшбоу скривился.

— На самом деле ничего особенно интересного. В основном отзывы коллег да копии статей в научных журналах — я и половины того, о чем там толкуют, не понимаю. Так вот, что касается здоровья — Харрис был здоров. Поддерживал себя в хорошей физической форме, плавал в бассейне каждый день, в спортзал ходил. И врач наш, мистер Редклифф, говорит, что проблем со здоровьем у дока не было. Во всяком случае, таких, из-за которых можно взять и отбросить коньки на рыбалке.

— С доктором мы тоже побеседуем, — заверил его Шон. — Пока что нас интересует ваше мнение. Значит, вам смерть доктора Харриса показалась странной?

Эшбоу посмотрел на него как на идиота.

— Мне все в этой истории кажется странным, мистер Маккорник. У меня такая работа — всех подозревать и видеть шпионов там, где другие видят добродорядочных граждан. Но формально подкопаться не к чему: Харрис поехал на рыбалку, как ездил до этого уже раз сорок. У него было два излюбленных места, и озеро Сильвер-Лейк — одно из них. Никаких следов на теле коронер не обнаружил...

— Постойте, — прервал его Ковальски, — а что у Харриса было с лицом?

— С лицом? — На мгновение Эшбоу замялся. — Лицо действительно пострадало. Но откуда...

— На фотографиях, сделанных коронером, видно, что мистера Харриса изрядно обгладали рыбы. Пострадало только лицо?

— Еще пальцы, — неохотно признался Эшбоу.

— Вот видите, Дон, — перехватил инициативу Маккормик. — А вы говорите — никаких следов. Что, если Харрису сделали инъекцию в палец?

— Или в нос, — добавил Ковальски.

— Как вы себе это представляете? — ощетинился Эшбоу.

— Духовое ружье, например, — пожал плечами Маккормик. — В него могли выстрелить отравленной стрелкой. Погодите возражать, я сейчас просто пытаюсь показать вам, что даже самые безумные предположения нельзя отметать с порога, когда речь идет о национальной безопасности. Вы напрасно боитесь показаться параноиком — в такой ситуации это лучше, чем быть равнодушным формалистом.

Эшбоу тяжело поднялся из-за стола. На лысине его блестели капельки пота.

— Вам виднее, джентльмены. У вас такая работа. Если Харриса действительно убили, найдите тех, кто это сделал, и арестуйте. Но пока у вас не будет доказательств... мне бы очень не хотелось, чтобы смерть доктора Харриса стала темой для сплетен.

И Маккормик, и Ковальски прекрасно поняли, что хотел сказать начальник службы безопасности HAARP. Территория проекта охраняется так, что даже полярной лисе не проскочить мимо электронных датчиков незамеченной. Значит, Харриса убил кто-то из своих. А это означает, что Эшбоу плохо выполняет свою работу. Руководство проекта вполне могло сложить два и два, после чего одышливый лысоватый начальник службы безопасности наверняка лишился бы своего места.

— Не волнуйтесь, Дон, — успокоил его Маккормик. — Лишняя шумиха вокруг этого дела нам тоже ни к чему. Но мы на вас рассчитываем.

— Обещаю оказывать вам всяческое содействие, — с облегчением откликнулся Эшбоу.

— Тебя ничего не насторожило? — спросил напарника Буч, когда они вышли из административного корпуса.

— Мне он просто не понравился, — буркнул Ковальски. — Старый пердун, дрожащий за свое кресло.

— Это не преступление, — возразил Маккорник. — А вот то, что он сказал «найдите тех, кто это сделал», меня заинтересовало. Почему он так уверен, что убийца действовал не в одиночку?

Ковальски подумал.

— Ну, положим, он вообще не уверен, что это было убийство...

— Но допускает, что если Харриса убили, то это сделал не один человек. И это чертовски странно. Похоже, наш лысый друг знает больше, чем говорит.

Некоторое время напарники шли молча. Потом Ковальски сказал:

— Хорошо бы поговорить с кем-то, кто не так боится потерять работу.

— Дельная мысль. Если бы у Харриса тут были друзья, надо было бы расспросить их. Беда только в том, что нашего клиента все считали социопатом и с друзьями у него было негусто.

— Зато наверняка были враги, — брякнул Ковальски.

Буч с интересом посмотрел на напарника.

— Слушай, Пол, порой ты меня приятно удивляешь. С виду ты просто здоровенный тупой поляк, но иногда...

Ковальски легонько стукнул его кулаком в плечо, и Маккорник зашипел от боли.

— Серьезно, это отличная идея. Надо узнать, кто из здешних старожилов имел зуб на Харриса. За пять лет, что он тут проторчал, у него просто обязаны были появиться недоброжелатели — так всегда бывает в небольших замкнутых коллективах.

В досье, собранном Эшбоу на Джозефа Харриса, сведений о его друзьях, а тем более врагах не оказалось. «С коллегами по работе дружеских отношений не поддерживает», — вот и все, что счел нужным отметить начальник службы безопасности. То ли покойный доктор действительно был редкостным мизантропом, то ли Эшбоу считал такие детали несущественными.

Однако приступчивый Маккорник обнаружил в синей папке кое-что интересное.

— Смотри, Пол, тут есть целый раздел «Привычки и пристрастия». Цитирую: «Предположительно, Джозеф Р. Харрис-младший является скрытым алкоголиком. Каждый вечер после работы он выпивает пол-бутылки виски (примечание: предпочитает шотландские сорта). Иногда превышает норму и выпивает целую бутылку. В таких случаях наутро чувствует себя плохо и принимает две таблетки «Алка-Зельцер».

Спрашивается — откуда нашему лысому другу известны такие подробности?

— Чувак наверняка покупал свой виски в местном магазинчике, — предположил Ковальски. — Достаточно было поговорить с продавцом...

— Чтобы узнать, сколько он выпивает перед сном? — перебил его Буч. — И как он борется с похмельем поутру? Да уж, продавец — это именно тот парень, который знает о Харрисе все.

Ковальски нахмурился. Это означало, что он тяжело и напряженно соображает.

— У Харриса был близкий приятель, — предположил он. — Они вместе выпивали. И этот приятель стучал Эшбоу.

— Уже лучше, — улыбнулся Маккорник. — Только вряд ли речь идет о собутыльнике — из досье явно следует, что Харрис пил в одиночку. К тому же этот приятель еще и просыпался в одной кровати с Харрисом. И видел, как тот разводит в стакане две таблетки «Алка-Зельцер».

— Девка? У Харриса была подружка?

— Молодец! Какой бы ты ни был мизантроп, а от физиологии не убежишь. Харрис явно кого-то трахал, и этого кого-то мы должны найти.

— Давай потрясем Эшбоу, — предложил Ковальски. — Уж он-то должен знать имя своей осведомительницы.

Маккорник пожевал тонкими губами.

— Единственное возражение: если Эшбоу есть что скрывать, он может предупредить мисс Стукачку, чтобы не болтала лишнего. А пока мы опережаем его на пару шагов. Так что давай искать девочку сами.

Он озабоченно взглянул на часы.

— Время ужина. Предлагаю отправиться в столовую — наверняка это центр местной социальной жизни. Заодно и приглядимся к здешним обитателям.

ГЛАВА 5

ЛЕДЯНАЯ ТЮРЬМА

Арктика, база «Ultima Thule», июль 2009

В карцере было холодно.

Степан Бунин не выносил холода. Если бы не надежда найти сокровищницу у самого полюса, он ни за что бы не решился отправиться в арктическую экспедицию — просто потому, что панически боялся морозов. Но шанс стать крупнейшим в мире владельцем предметов выпадает нечасто... да и проклятый Чен обещал, что там, на далеком севере, он получит ключ к загадке исчезновения Евы.

И вот он в Арктике, заперт в провонявшем рыбой металлическом чулане, и жестокий холод пронизывает его до костей. А где, спрашивается, предметы? Где, черт возьми, Чен? Где, наконец, Ева?

Он ошибся. Ошибся, поверив хитрому китайцу. Нельзя было идти к генералу Свиридову. Нельзя было раскрывать свою тайну, нельзя было рассказывать о том, что он собирает предметы и изучает их свойства. Теперь, если он не вернется, генерал наложит на его коллекцию жадную лапу, и все с таким трудом собранные профессором сокровища навсегда исчезнут в сейфах ГУАП. А если он каким-то чудом все же уцелеет, Свиридов найдет способ отобрать у него предметы.

Как уже отобрал Спрута и Кота.

Спрут позволял видеть, где находятся предметы, и даже отслеживать их перемещения. Если верить Спруту, то где-то на 85-й параллели находилось огромное скопление предметов, которыми кто-то пользовался — пассивные, спрятанные от людских глаз предметы Спрут не показывал. До недавнего времени профессор сомневался, что правильно понимает природу этой аномалии — откуда в арктических льдах столько владельцев предметов? — но теперь убедился, что это вполне может быть правдой. Обнаружили же они спрятанную подо льдом базу недобитых фашистов... хотя, конечно, еще большой вопрос, кто кого обнаружил.

Когда выяснилось, что из-за аварии на станции «Земля-2» все находившиеся на борту могут погибнуть от недостатка кислорода, профессор Бунин был одним из немногих, кто не ударился в панику. Он, в отличие от большинства членов экспедиции, понимал, кому они

обязаны этой аварией. И то, что все системы связи на высокотехнологичной «Земле-2» оказались выведены из строя, его тоже не слишком удивило. Скорее, он удивился, узнав, что один из резервных передатчиков все-таки работает, пусть только на прием, и что радиостанции удалось засечь сигнал с находящейся неподалеку канадской подводной лодки «Да Винчи».

Единственным выходом для оказавшейся на океанском дне «Земли-2» было следовать к месту, где находилась канадская субмарина. Впрочем, взявший руководство экспедицией на себя Андрей Гумилев никого особо и не спрашивал — он велел всем, находившимся на борту, принять сноторвное, чтобы растянуть оставшиеся резервы кислорода, а сам повел станцию по пеленгу канадцев. Бунину пришлось подчиниться, и он, как и все остальные члены экспедиции, уснул беспрекословным тяжелым сном... а когда проснулся, на запястьях у него были наручники, а вокруг стояли наглые белокурые девки в черной военной форме.

Междуд собой они говорили по-немецки, обращаясь друг к другу по званиям, принятым в Третьем Рейхе, и Бунин, хорошо знавший немецкий язык, быстро понял, что вместо канадской подлодки они напоролись на военную фашистскую базу, каким-то чудом просуществовавшую в арктических снегах больше шестидесяти лет. Поверить в это было почти невозможно, и он уже с облегчением решил, что это просто галлюцинация, но тут одна из девок заметила, что он пришел в себя, и не слишком сильно, но обидно смазала его по щеке рукой своей «браунинга».

Профессор попытался поговорить с ними, но его никто не слушал. Высокая девица с серебряными рунами СС на фуражке приказала отправить его в карцер, «как и остальной балласт». И Степана Бунина, доктора наук и крупнейшего в мире специалиста по аномальным предметам, кинули в насквозь промороженный, воняющий рыбой чулан. Вероятно, когда-то это был отсек трюма рыболовецкого траулера, неизвестно как попавшего в эти широты. Вонь протухшей рыбы въелась в металлические переборки навсегда, и профессор, проведя в карцере несколько дней, сам пропах рыбой так, что уже перестал ощущать этот запах. Никаких удобств в карцере предусмотрено не было — ни постели, ни гальюна. Бунин спал на ледяном металле, свернувшись клубком и подложив под голову ладони в теплых перчатках — их, к счастью, не отобрали, как и медвежью доху. Если бы не доха, он бы замерз насмерть в первую же ночь.

Раз в день ему приносили еду — какие-то безвкусные брикеты, похожие на прессованные водоросли. От этих брикетов у него началось страшное несварение желудка, что, учитывая отсутствие гальюна, не прибавило его обиталищу комфорта.

Спустя неделю Бунин почувствовал, что начинает превращаться в примитивное животное, не обращающее внимания ни на что, кроме холода. Кто-то из знаменитых полярников сказал, что холод — единственное, к чему человек никогда не сможет привыкнуть. Что ж, мудрая мысль, вот только зачем он пошел в полярники, раз был таким умным?

Холод пронизывал его насквозь. Борода звенела сосульками, пальцы, несмотря на теплые перчатки, едва гнулись. Он настолько обес силел, что даже перестал дрожать. Просто лежал и ждал прихода смерти. Смерть от холода, насколько помнил Бунин, была довольно легкой — просто засыпаешь, и все. Но его мучители, видимо, хорошо знали об этом, потому что температура в карцере все же была не такой низкой, чтобы заморозить человека до смерти. Бунин засыпал с надеждой никогда больше не открыть глаз... и просыпался в холодном аду рыбного трюма.

Так прошло много времени. Счет дням он потерял, да и выбраться из карцера тоже уже не надеялся — все его мечты сводились к одному слову: «тепло». Бунин начал надрывно кашлять, каждый новый глоток холодного воздуха словно разрывал легкие изнутри. В какой-то момент ему показалось, что у него идет горлом кровь, но это, к счастью, оказалось не так — просто из-за постоянного напряжения, вызванного кашлем, лопнули сосуды в носу.

На следующий день к нему неожиданно пришел врач — хмурая пожилая тетка в зеленой форме без знаков различия. Она сделала ему какой-то укол, от которого потом долго болело бедро, высыпала в алюминиевую миску горсть желтых таблеток и, показав ему два пальца, ушла. Запить таблетки было нечем, поэтому Бунин просто положил их в рот и разжевал. Горечь была такая, что он на мгновение даже забыл о холоде, но уже через несколько часов он почувствовал себя лучше.

А потом к нему пришел Чен.

Китаец выглядел здоровым и бодрым — его-то небось в рыбном трюме не держали. Он был одет в ту же доху и унты, что и профессор, вот только его одежда, в отличие от бунинской, была чистой.

— Рад вас видеть, Степан Борисович, — радушно поздоровался Чен по-русски.

Бунин никак не мог ответить тем же, поэтому предпочел промолчать. Чен, впрочем, отлично его понял.

— Прошу простить за маленькую накладку, — улыбнулся он. — Наши немецкие друзья оказались чересчур подозрительными, и мне, прежде чем я смог убедить их устроить наше свидание, самому пришлось пройти детальную проверку.

— Вы тоже сидели в карцере? — хмуро осведомился профессор.

— Нет, но до недавнего времени свободы перемещения у меня не было. Впрочем, теперь все уже позади, надеюсь, что и для вас.

— Надеетесь? —sarкастически переспросил Бунин.

— Все зависит от вас, дорогой Степан Борисович. — Чен огляделся по сторонам, видимо, отыскивая какой-нибудь стул, ничего не обнаружил и остался стоять. — Точнее, от вашего желания помочь нашим немецким друзьям.

— Что это еще за условия? В Москве вы обещали мне, что я получу доступ к хранилищу предметов и найду Еву! Почему вы не сдержали своего слова?

Чен дружелюбно поглядел на него.

— Просто не успел. Но сейчас я пришел как раз для того, чтобы выполнить по крайней мере одно свое обещание.

— Да ну? — хмыкнул Бунин. — Вы привели с собой Еву?

— Нет. Скоро вы поймете, почему я не мог этого сделать. А вот что касается хранилища предметов — тут дело другое. Оно совсем рядом, и наши немецкие друзья давно о нем знают. Проблема в том, что они не могут туда зайти.

— Почему же?

— Видимо, потому что оно заперто. Но вы, Степан Борисович, можете попытаться это сделать, и у вас, скорее всего, все получится.

— С чего вы взяли? — подозрительно спросил Бунин.

Улыбка пропала с лица Чена.

— С того, что Ева, которую вы так долго искали, скорее всего, находится именно там. Думаю, она вас туда пустит — по старой-то памяти.

— Куда — туда? — спросил ошарашенный профессор.

— Это место называется Черная башня, — терпеливо объяснил Чен. — Она стоит на дне океана, но к ней ведет сухой туннель, начинающийся прямо на базе... Ах да, вы же ничего не знаете! Мы с вами сейчас находимся на базе «Ultima Thule», расположенной в воздушном пузыре в недрах подводного вулкана. Поэтому под воду вам лезть нет

никакой необходимости. Пройдете по туннелю и поступите в ворота... точнее, не в ворота, их там, собственно, нет, но это не важно. Поступите в стенку. Ева увидит вас и впустит внутрь. Таким образом, вы найдете свою старинную любовь и заодно окажетесь в том самом хранилище предметов, которое показывал вам Спрут.

— И что дальше?

— Дальше поступайте по своему усмотрению. Все предметы окажутся в вашем распоряжении...

— Не смешите меня! Ваши немецкие друзья тут же приберут их к рукам!

— Нашим друзьям нужны не предметы, которых у них и без того достаточно. Им нужна сама башня. Постарайтесь как-то решить эту проблему, если не хотите прожить в ледяном карцере до конца своих дней. А наградой вам будет сокровищница предметов.

Предложение китайца явно содержало в себе какой-то подвох, но Бунину сейчас не хотелось об этом думать. Может быть, всех, приближающихся к Черной башне, уничтожают? Но смерть больше не пугала профессора. Главное — выбраться из этого воняющего рыбой трюма, из этого вечного холода. В Черной башне, какая бы она ни была, наверняка теплее...

— Как будто у меня есть выбор, — буркнул Бунин. — Но мне надо немного восстановить силы...

— Не волнуйтесь. — Чен вздохнул с видимым облегчением. — Сегодня же вас переведут в куда более комфортное местечко.

На этот раз китаец не обманул. Не прошло и часа, как за профессором явились две здоровенные надзирательницы. Они подхватили его под мышки и потащили куда-то по длинному полутемному коридору. Бунину уже было все равно, куда его тащат, — главное, что прочь от рыбного трюма, прочь от въевшегося в кишку холода.

Оказалось — в душевую. Там было влажно и восхитительно тепло, как в раю. Одна из надзирательниц знаками показала ему, чтобы он раздевался, и Бунин, дрожа от слабости, принял ся стягивать с себя доху. Он возился так долго, что женщина потеряла терпение и двумя быстрыми взмахами остро наточенного ножа располосовала толстую доху на части. После этого профессор довольно резво скинул с себя оставшуюся одежду.

Голого Бунина без особых церемоний загнали в угол душевой и принялись поливать из шлангов горячей водой.

Степан Бунин никогда не чувствовал себя таким счастливым.

Холод уходил из его тела, неохотно покидая каждую жилку, каждую косточку. Профессору хотелось бы, чтобы это продолжалось вечно, но у надзирательниц были другие планы. Они затолкали Бунина в маленькую кабинку и плотно закрыли дверцу. Из отверстий под крышей кабинки пополз ядовито-зеленый дым, живо напомнивший профессору о газовых камерах Освенцима. Запахло хлором, и Бунин закашлялся. Он кашлял мучительно долго и в какой-то момент всерьез испугался, что его хотят отравить, но вспомнил, как тщательно его мыли, и понемногу успокоился. Это была просто дезинфекция — грувая, но эффективная.

Потом ему выдали комплект чистого белья и серый комбинезон с теплой подкладкой. Он был очень легким, но грел не хуже медвежьей дохи.

Дальнейшее профессор помнил очень смутно.

Его опять вели по длинным каменным коридорам, но воздух в них был гораздо теплее, чем в рыбном трюме. Бунин и его тюремщицы спускались по лестницам, вырубленным в толще скалы, и чем ниже они спускались, тем жарче становилось вокруг. В какой-то момент перед профессором со скрежетом открылась тяжелая металлическая дверь, и он увидел небольшую комнату без окон. Надзирательница подтолкнула его в спину, он качнулся, переступил порог и как куль упал на пол. Сильные руки подняли его и бросили на кровать — настоящую кровать с матрацем, мягкую и пружинящую.

Тут силы окончательно оставили его, и он провалился в темноту.

Он провел в этой комнате два дня, в основном валяясь на кровати и наслаждаясь теплом и покоем. Три раза в день ему приносили еду — рыбный суп, вареную рыбу и рыбные же котлеты. Бунин думал, что после вони карцера уже никогда не сможет заставить себя есть рыбу, но голод оказался сильнее отвращения, и он съедал все подчистую.

Утром и вечером приходила женщина-врач и делала ему уколы. Бунин все время спрашивал ее по-немецки, что она ему колет, и в конце концов добился краткого ответа:

— Vitaminen!

Силы понемногу возвращались к нему, кашель почти прошел, и Бунин вновь обрел способность думать и анализировать.

Прошло уже много времени с того момента, когда «Земля-2» провалилась под лед (он не мог сказать точно, но явно больше двух недель), а ее до сих пор не нашли спасатели. Вероятнее всего, база

«Ultima Thule» была слишком хорошо спрятана от посторонних глаз. Но не могла же Москва вообще махнуть рукой на пропавшую станцию! В конце концов, на ней находились не самые последние люди страны. Значит, «Землю-2» ищут и, вполне возможно, все-таки найдут.

А стало быть, ему нужно выиграть время. Как можно больше времени.

Но вот времени-то как раз ему не дали.

Он надеялся отлежаться в комнате без окон еще неделю, но на утро третьего дня к нему снова пришел Чен.

На этот раз китаец выглядел очень озабоченным и уже не улыбался.

— Как вы себя чувствуете, Степан Борисович? — деловым тоном осведомился он.

— Лучше, благодарю, — осторожно ответил Бунин, усаживаясь на кровати. — Однако слабость...

Чен не дал ему договорить.

— Вам пора, профессор. Одевайтесь.

— Как, прямо сейчас? — ошеломленно спросил Бунин.

— Немедленно.

Это было сказано таким тоном, что профессор не посмел возразить. Он, кряхтя, поднялся и принялся натягивать серый комбинезон.

Чен терпеливо дождался, пока он закончит одеваться, и протянул ему небольшой хромированный пистолет.

— Это вам. Если будут расспрашивать, скажете, что забрали его у надзирательницы, когда бежали из плена.

— Бежал?

— Да. Ева не должна узнатъ, что мы отпустили вас по собственной инициативе. Иначе она вас просто не впустит.

Бунин с тревогой отметил это «мы».

— Легенда такова: вас держали на втором уровне базы, в боксе медицинского центра. Над вами проводили опыты — не важно какие, в подробности можете не вдаваться. Потом вы воспользовались халатностью надзирательницы, вытащили у нее из кобуры пистолет, стукнули по голове и бежали.

— Каким же образом я нашел вход в эту самую башню?

— Вход в туннель, ведущий к башне, находится недалеко от медицинского центра. Когда вы выбрались из бокса, у вас было два варианта — подниматься наверх или спуститься вниз по лестнице. Наверху

стояла охрана. В то же время лестница на нижний уровень никем не охраняется.

— Почему? Если, как вы сами сказали, хозяева базы держат все подступы к ней под контролем?

Чен на мгновение замялся.

— В туннеле расположены видеокамеры. Поскольку выход из него все равно только один, поста наверху, над медцентром, более чем достаточно. У наших друзей не так много солдат, чтобы ставить часовых на каждом углу.

«Он что-то недоговаривает!» — решил Бунин.

— Но если за тоннелем ведется наблюдение, как же меня пропустят к башне?

На этот раз Чен не стал медлить с ответом.

— За вами будет погоня. Когда Ева увидит, что вам угрожает реальная опасность, она впустит вас внутрь.

— А если нет? Что тогда?

— В этом случае вам снова придется насладиться гостеприимством наших друзей.

Бунину отчетливо представился рыбный трюм, и его передернуло.

— Вы загоняете меня в угол, Чен.

— Что поделаешь, — китаец пожал плечами, — ставки в этой игре слишком высоки. Мы должны любой ценой получить доступ в башню. Поможете нам в этом — получите все, о чем могли только мечтать. В Черной башне хранятся сотни предметов, а может быть, тысячи...

— Откуда такая уверенность? — осведомился Бунин. — Вы же сами сказали, что немцы не могут зайти внутрь.

— Это не значит, что они не знают, что там находится.

Чен посмотрел на часы.

— Нам пора. Через десять минут вы должны бежать из медицинского центра, а путь туда неблизкий.

И Степан Бунин на нетвердых, дрожащих от слабости ногах покорно пошел за ним.

На этот раз он зорко подмечал все детали — лампы в коридорах были очень старые и, судя по всему, химические, стены выглядели так, будто их обрабатывали лишь частично — в некоторых местах это были просто каменные плоскости с глубокими шрамами, оставленными горнопроходческим оборудованием. Бунин приложил руку к стене — камень под ладонью был теплым.

— На какой мы глубине? — спросил он у идущего впереди китайца.

— Примерно двести метров под уровнем моря, — ответил тот, не оборачиваясь. — Это, конечно, не дно — просто склон огромной горы. Пальцы Бунина сомкнулись на рукоятке пистолета. Взять да и шарахнуть проклятого узкоглазого рукояткой по затылку — чего проще? И сбежать, затеряться в этих подземных коридорах...

Нет, не получится. Во-первых, не хватит сил — профессор едва держался на ногах и отдавал себе отчет в том, что Чен обезоружит его быстрее, чем он успеет замахнуться. Во-вторых, даже если он и выбьрит китайца, то в темных туннелях наверняка заблудится и умрет с голоду.

Китаец наверняка давно уже просчитал все варианты — потому и шел впереди, совершенно не опасаясь вооруженного пистолетом Бунина. Профессор заметил, что Чен ориентировался в коридорах базы так, будто прожил на ней всю жизнь.

— Ну, вот мы и пришли, — сказал он, останавливаясь перед временно в толщу камня металлической дверью. — Это вход в туннель. На всякий случай имейте в виду — вы спустились к нему вот оттуда.

Бунин посмотрел в ту сторону и увидел уходящую в темноту лестницу.

— Там медотсек?

— Совершенно верно. По туннелю вам предстоит пройти около километра. Торопитесь — погоню за вами вышлют минут через пятнадцать.

— Что ж, надеюсь, меня все-таки впустят.

— Это в ваших интересах, Степан Борисович. И помните — если вы поможете нашим друзьям войти в башню, в награду можете требовать все что угодно. — Чен помедлил и неожиданно улыбнулся. — А голову вашего старого друга Гумилева вы получите бесплатно. В качестве бонуса.

Сирена включилась, когда считавший шаги Бунин дошел до пятисот пятидесяти двух. Ничего себе пятнадцать минут! Профессор вытащил из кармана пистолет, дослал патрон в патронник и, постоянно оборачиваясь на бегу, заспешил дальше.

Свет в туннеле был тусклым и отливал багровым. Пол уходил вниз под небольшим углом, подошвы скользили по нему, и несколько раз Бунину приходилось хвататься за стену, чтобы не упасть. Сирена за спиной выла все истощнее, но никаких признаков ворот профессор не видел.

Наконец туннель расширился до размеров небольшого зала. Здесь было почти темно — открывшееся пространство освещали всего две тусклые желтые лампы. Перед Бунином была сплошная скальная стена, без каких-либо признаков ворот, дверей или хотя бы лаза.

Бунин, глотая сухой застоявшийся воздух, прислонился спиной к каменной поверхности, держа пистолет стволом вверху. «Интересно, — подумал он, — те, кто идут за мной, в туннеле? И могут ли я стрелять по ним для большей достоверности? И что со мной сделают потом, когда схватят? Убьют сразу или действительно отадут в медотсек на опыты?»

Сирена вдруг смолкла, и в мгновенно наступившей тишине Бунин услышал далекий шорох шагов. Кто-то шел по его следам.

— Помогите! — приглушенно позвал профессор. — Помогите, кто-нибудь!

Ответа не последовало.

«Я один, — холодея от ужаса, подумал Бунин. — Проклятый Чен опять обманул меня! Никакой башни здесь нет, и ворот здесь нет тоже! Но зачем, зачем ему было меня так подставлять? Хотел избавиться от свидетеля — так проще всего было оставить меня гнить в рыбном трюме!»

Он побежал вдоль стены, пытаясь отыскать хоть какую-нибудь лазейку или щель.

— Помогите! — взывал он. — На помощь! Они идут за мной! Они хотят забрать меня к себе! Ева! Впусти меня! Ева!

Тишина. Только звук шагов, доносившийся из туннеля, стал чуть громче.

«Буду стрелять, — неожиданно для себя решил профессор. — Хоть кого-нибудь, да убью, а последнюю пулю оставлю для себя. Больше они меня не получат!»

Он затравленно огляделся в поисках какого-нибудь укрытия. Его внимание привлек выступ скалы, похожей на дорическую колонну, — за ним можно было спрятаться и подождать, пока преследователи подойдут на расстояние прицельного выстрела. Охая и постанывая, Бунин примостился за выступом, став коленями на твердый неровный камень. Сразу же заболели колени.

В падающем из туннеля тусклом свете заколебались чьи-то огромные тени. Одна, две, три — с каждой новой тенью Бунину становилось все страшнее. Он поднял пистолет и оперся локтем о камень, чтобы не дрожала рука.

«Я выстрелю, — подумал он, — обязательно выстрелю. У меня преимущество — я их вижу, а они меня нет...»

Впрочем, он прекрасно понимал, что это преимущество закончится в тот же миг, когда он сделает первый выстрел. Как понимал и то, что его преследователи вряд ли войдут в зал, не приняв мер предосторожности.

Что-то вылетело из жерла туннеля и поскакало по камням, крутясь, как волчок. Из боков волчка с шипением вырвались две струи белого дыма, который мгновенно заполнил собой весь зал. Бунин почувствовал, как у него сначала запершило в горле, потом заслезились глаза. Через несколько секунд его скрутил такой приступ кашля, что он даже забыл о том, что держит в руке пистолет.

Две неуклюжие фигуры с большими головами, украшенными толстыми хоботами, бросились к нему из туннеля.

Бунин зачем-то вскочил на ноги и прижался к стене, дрожа, как заяц. Кашель душил его. Фигуры были уже совсем близко. Он выставил вперед правую руку и несколько раз нажал на спусковой крючок.

Гром выстрелов оглушил его. Преследователи синхронно прыгнули в разные стороны и покатились по камням. «Не попал!» — с отчаянием подумал Бунин, и в этот момент кто-то сильно схватил его за плечо.

Он начал поворачиваться, но человек, подкравшийся сзади, зажал его шею в стальной захват и вывернул руку с пистолетом. Потом профессора рывком бросили на колени и куда-то потащили. За спиной слышались отрывистые крики и команды на немецком.

В следующую секунду что-то сильно ударило его по затылку, и некоторое время Бунин видел перед собой лишь мелькающие золотые искры.

Когда мелькание прекратилось, а гул в голове слегка поутих, он обнаружил, что сидит на полу, прислонившись к стене. По бокам от него стояли две автоматчицы, направив на него свое оружие. А прямо над ним возвышался, скрестив руки на груди, проклятый китаец.

— Что же, Степан Борисович, эксперимент не удался, — сказал он. — Видимо, вы были недостаточно настойчивы.

Подумал и добавил:

— Или Ева Гумилева вас никогда не любила.

ГЛАВА 6

СВЕТСКИЕ ЛЬВЫ

Москва, июль 2011

Они позавтракали в угрюмом молчании.

В большой гостиной, где когда-то собирались за столом многочисленные друзья Андрея и Евы, было гулко и пусто. На белоснежной скатерти холодно поблескивал голубоватый мейсенский фарфор. На тарелках — прозрачные, словно тонкий лед, ломтики осетрины, плачущий крупными слезами свежайший сыр, белый, только что испеченный в домашней печи хлеб. Ледяная минералка сверкала в хрустальных бокалах. Вся гамма слишком напоминала Андрею Арктику, и ел он без всякого аппетита.

Женщина, о которой он приучил себя думать как о Марго, на против, ела много и охотно. Она не придерживалась никакой диеты и не высчитывала калории, как многие знакомые Гумилева. Лже-Марго, или Катарина (Андрей не был уверен, что это ее настоящее имя), серьезно занималась спортом — не просто ходила на фитнес подкачать ягодичные мышцы, а бегала по десять километров каждое утро, работала со штангой, остервенело лупила тяжеленный мешок с песком, упражнялась на гимнастических снарядах. В загородном доме Гумилева имелся большой и хорошо оборудованный спортзал, который сам Андрей посещал крайне нерегулярно. Катарина (или Марго) оттуда не вылезала. Она заставила Гумилева взять ей инструктора по дзюдо и тренировалась четыре раза в неделю. Но настоящей ее страстью были лошади.

Еще до злосчастной арктической экспедиции Андрей затеял строительство конюшни — ему хотелось, чтобы Маруся с ранних лет выучилась ездить верхом. Договорился о покупке породистых лошадей в Туркмении. Он собирался сделать дочери подарок на день рождения после возвращения с Северного полюса. Так и не успел...

Однако конюшня была выстроена, и двух красавцев-ахалтекинцев привезли в огромной грузовой фуре точно в назначенный срок. Вот только скакать на них довелось не Марусе, а Катарине.

Получалось у нее очень неплохо, а для новичка — просто великолепно. Инструктор по дзюдо, пожилой кореец из Ташкента, тоже

удивлялся успехам своей подопечной, но там, по крайней мере, все могло объясняться подготовкой, полученной на базе «Туле», — насколько помнил Андрей, в нацистской Германии было очень популярно джиу-джитсу. А вот каким образом Катарина, никогда не видевшая лошадей, могла научиться верховой езде, оставалось для Андрея загадкой. Сначала он думал, что девушка родилась не в Арктике, а попала на базу «Туле» уже во взрослом возрасте, но эта версия оказалась ошибочной. Из случайно оброненных Катариной фраз, из ее нечастых воспоминаний, из наблюдений самого Андрея складывалась невероятная, даже фантастическая история девушки, всю жизнь прожившей в стране вечного льда.

Она ни разу не ответила на вопрос о том, сколько ей лет — наверняка меньше, чем настоящей Марго, но сколько именно — девятнадцать, двадцать два? — Андрей не знал. Во всяком случае, она приходилась внучкой той самой мерзкой старухе со шрамом, которая откуда-то знала его башку Катю. Родителей своих Катарина, видимо, не слишком любила — о них она почти не упоминала, а когда Гумилев однажды пошутил, уж не из пробирки ли она появилась, девушка вполне серьезно ответила: «Нет, не из пробирки, я одна из немногих детей в моем поколении, зачатых естественным путем». Но ни о матери, ни об отце не сказала ни слова.

Вероятно, с рождаемостью на базе «Туле» были проблемы. Однако Катарина никогда не вдавалась в детали, а от ответов на прямые вопросы Гумилева искусно уклонялась. Андрею удалось только выяснить, что молодежи на базе много, все проходят подготовку в рядах «Гитлерюгенда» — эта организация в точности сохранила свое название — и очень многие служат в военизированных отрядах. Еще одной загадкой было то, что Катарина, говоря о своем поколении, ни разу не назвала ни одного мужского имени. Создавалось впечатление, что ее окружали одни девушки. Про мужчин она упомянула дважды — первый раз это был некий «старик Хоссбах», который, как понял Андрей, служил кем-то вроде военного врача, а второй — «дедушка Ганс», умерший еще до рождения Катарины.

— У вас там что, нет мужчин? — спросил как-то Гумилев.

Катарина удивленно посмотрела на него:

— Почему же? Есть.

И все. Никаких пояснений. Как будто речь шла о вещах, само собой разумеющихся.

Поначалу Гумилева это раззадоривало — тогда он еще надеялся, что сможет перехитрить ведьму фон Белов, приручить

молодую и глупенькую Катарину, вытянуть из нее необходимые сведения, подготовить неожиданную атаку на базу «Туле» и спасти Марсю, Марго и всех участников экспедиции, которых держали там в заложниках. Каким же глупцом он был! Ведь в какой-то момент он даже верил, что сумеет использовать свое мужское обаяние, чтобы влюбить в себя юную нацистку и сделать ее своим союзником...

Тогда он, пересиливая себя, разыгрывал пьесу под пошловатым названием «Внезапная страсть». Взял и увез Катарину в Париж. Для девушки, выросшей среди торосов и айсбергов, Эйфелева башня и «Мулен-Руж» были сказочно красивой легендой, не более. Он рассчитывал, что настоящий Париж ошеломит ее и сделает доступной добычей.

Как бы не так!

Париж действительно ошеломил Катарину, но не красотами Троcadero и Латинского квартала. Больше всего ее поразило количество негров и арабов на улицах города.

— Я знала, что в Европе стало много иммигрантов-унтерменшей, — сказала она ему, когда они ужинали на террасе ресторанчика на Монмартре, — но не предполагала, что их *столько*. Это же катастрофа, Андрей! Скоро белых здесь будет меньше, чем цветных.

— Всего лишь историческая справедливость, — ответил тогда Гумилев. — Белая Европа несколько столетий эксплуатировала колонии в Африке и Азии. Теперь маятник качнулся в противоположную сторону.

Катарина посмотрела на него как на безумца.

— Ты хочешь, чтобы твои дети исповедовали ислам? Или, может быть, будешь спокойно смотреть, как на твою внучку наденут чадру? А если твою дочь изнасилует негр, что ты тогда скажешь?

Зря она это сказала. Гумилеву чудом удалось сохранить самообладание, но ни о какой внезапно разгоревшейся страсти речи уже быть не могло.

— Давай не будем говорить о моей дочери, — сказал он холодно. — Может быть, ты хочешь съездить в Берлин, посмотреть, каким стал твой Фатерлянд? Только предупреждаю сразу: в Германии сейчас живет три миллиона турок.

— Ну и что? — Катарина равнодушно пожала плечами. — Когда-то в Рейхе жило три миллиона евреев.

На следующий день они покинули Париж. Потом были еще Берлин, Рим и Вена, но все эти дни Андрея не покидало ощущение, что девушка, с которой он делил номер в отеле (они останавливались

в огромных президентских съютах, и необходимости делить еще и постель у них не возникало), — не земной человек, а инопланетянка. Представитель чуждой агрессивной цивилизации, осматривающий новые угодья для охоты. Или, может быть, инспектирующий города и страны, которые когда-то входили в империю его предков.

На мысль об инопланетном существе, фантастическом метаморфе, наводило Андрея ее чудесное перевоплощение в Марго. Если в их первую встречу, на базе «Гуле», Катарина была высокой блондинкой с прозрачно-голубыми глазами, то, когда он увидел ее, придя в себя на борту ледокола «Россия», она походила на Марго как сестра-близнец. Ни Чилингаров, ни Кирсан, никто из прислуги, хорошо знавшей Маргариту Сафину, ни разу не заподозрили, что под ее личиной скрывается совсем другой человек.

— Пока ты спал, приезжал курьер, — нарушила молчание Катарина, намазав на хлеб сливочное масло и украсив получившийся бутерброд горкой красной икры. — Снова привез эти приглашения. По-моему, это моветон — присыпать одни и те же приглашения дважды.

— Беленин не обучался правилам хорошего тона, — Андрей потянулся за бокалом с минеральной водой, — он прежде был каким-то комсомольским вожаком, кажется, в Казани. Ему просто очень нужно, чтобы я посетил этот его раут.

— Мы посетили, дорогой, — сладко улыбнулась Катарина.

— Ну, разумеется. Его секретарша звонила мне вчера раз двести.

— И что же?

— Вела войну с моей. Пыталась получить подтверждение, что мы приедем.

— Держу пари, твоя победила.

— Точно. — Андрей сделал глоток минеральной воды. Холодная, слишком холодная, как вода в той проклятой полынье... Он скривился и отставил бокал. — За это я ей и плачу деньги.

— Шутки шутками, — сказала Катарина, вмиг посерезнев, — а это действительно будет очень важный вечер. Тебе предстоит встретиться с влиятельными людьми, дорогой.

За два года он уже привык к тому, что если она начинает говорить таким тоном, то это не просто пожелания, а инструкции. Исходящие, возможно, от самой чертовой бабушки Марии фон Белов. Инструкции, неукоснительное выполнение которых было залогом жизни и здоровья Маруси и Марго — настоящей Марго.

Андрей до сих пор не знал, каким образом Катарина связывается с базой «Туле». Когда их вытащили спасатели Чилингарова, на девушке не было ничего, кроме оранжевого комбинезона. Насколько мог судить сам Андрей, обследовавший ее комнаты в то время, как Катарина бегала кросс или занималась верховой ездой, никакого передатчика у нее не было. С другой стороны, время от времени у нее появлялись различные шпионские девайсы, наподобие коммуникатора, с помощью которого она проверяла «Мерседес» Андрея на предмет жучков ФСБ.

Откуда она их получала, Гумилев так и не сумел выяснить.

И главное — инструкции. Четкие указания — с кем ему следует встретиться, какие бумаги подписать, сколько денег и на какие счета перевести.

Первый раз это случилось через два месяца после их чудесного «спасения». Их — всех пятерых — долго держали в ведомственном госпитале МЧС, куда к ним — точнее, к Гумилеву и Илюмжинову — приезжал лично Шойгу, интересовался историей экспедиции, судьбой «Земли-2» — и куда потом вместо министра стали наведываться следователи из ведомства Бастрыкина. Допросы (из уважения к высокому рангу допрашиваемых их предпочтитали называть беседами) следовали за допросами, а когда их выписали из госпиталя, начались настоящие хождения по мукам. Проверки на полиграфе, вызовы на заседания каких-то строго засекреченных правительственные комиссий, жесткие разговоры в высоких кабинетах. В версию гибели «Земли-2» от торпед американской подводной лодки не то чтобы не верили — боялись поверить: это грозило дипломатическим скандалом, охлаждением отношений, бесславным концом «перезагрузки». Но и не поверить было сложно — помимо пятерых уцелевших участников экспедиции, эту версию подтверждал и майор Громов, чей вертолет подбили во льдах одетые в камуфляж бойцы, в которых он уверенно опознал «морских котиков» — спецназ американского ВМФ. На размышления наводили и повреждения, обнаруженные у подбитого вертолета, — они выглядели так, будто по летающей машине стреляли из неизвестного нашим военным оружия. После нескольких месяцев напряженной работы эксперты заявили, что, возможно, это было нечто вроде электрической пушки, с огромной скоростью стреляющей крошечными металлическими шариками. Очередь, выпущенная из этого оружия, прошла сквозь пол кабины, как раскаленный нож сквозь масло, и рассекла лопасти винта К-17, сделанные из легированной стали.

Гумилев понимал, что Громова обработали так же, как и его спутников — Свиридова, Илюмжинова и Беленина. Как пытались обработать и его самого — подавляя волю с помощью медикаментов, а может быть, и чего-то еще. Не случайно же в его видениях присутствовал Орел. А Бунин незадолго до катастрофы, бросившей «Землю-2» в подледную бездну, рассказал, что Свиридов владеет предметом, помогающим убедить кого угодно в чем угодно. Но следователи, пытавшиеся распутать историю гибели терраформирующей станции, не догадывались о том, что и майор Громов, и все спасшиеся участники экспедиции стали жертвами эксперимента над человеческой психикой. А единственный человек, который мог рассказать им правду, — Андрей Гумилев — был скован по рукам и ногам договором, подписанным с дьяволом в образе сухонькой седой старушки.

В конце концов их оставили в покое, и тогда Катарина (для всех — Марго Сафина) первый раз обратилась к Гумилеву от лица Марии фон Белов.

— Ты хорошо держался, Андрей, — сказала она. — Теперь, когда следователи от тебя отстали, пора приступать к работе. Для начала ты должен вложить восемьдесят миллионов евро в акции компании «TSG Railways Ltd».

— Почему именно эта компания? — спросил он, стараясь ничем не выдать охватившее его бешенство. — Чем она занимается?

— О, я не знаю. Ты легко можешь выяснить это сам, если тебе это интересно. Залезь в этот ваш... Интернет. А на будущее запомни: инструкции не нуждаются в объяснении. Ты просто должен выполнять их, и все.

— Запомни и ты... — Андрей подавил желание схватить наглую девчонку за горло, встряхнуть как следует и выяснить все имена, пароли и явки. Чьи приказы она транслировала? Нет, это как раз было ясно — за ниточки дергала рейхсфюрер СС Мария фон Белов, но через кого передавалась эта информация? Гумилев сдержался, решив, что может выяснить это и без применения силы. — Я не китайский болванчик, который умеет кивать, и только. Я игрок и привык играть в открытую. Вы хотите, чтобы я совершил те или иные транзакции, — ОК, мы заключили договор, и я буду его выполнять. Но мне нужно знать, для чего я это делаю. В крупном бизнесе все следят за всеми. Если я вложу деньги в компанию, которая занимается продажей пластмассовых пупсов, мои конкуренты подумают, что я спятил.

Или — что хуже — решат, что я занялся транспортировкой наркотиков, а пупсы — это контейнеры для их перевозки. Я понятно объясняю?

— Ты не должен... — начала Катарина, но он перебил ее.

— Так вот, Марго, — Андрей специально выделил голосом это имя, — поскольку все обстоит именно так, как я сказал, мне потребуется информация. И не из Сети — туда, как ты понимаешь, можно слить любую дезу, — а из надежных, проверенных источников.

Некоторое время она молча смотрела на него. Потом слегка дернула уголком рта.

— Хорошо, — сказала она наконец, — к вечеру у тебя будут все необходимые данные. Но деньги надо перевести уже завтра.

Так это и началось. Компания «TSG Railways Ltd» оказалась мутной офшорной конторой, вроде бы инвестировавшей в строительство железных дорог в Северной Африке. Тунис, Ливия, Марокко, Египет. Чем они там на самом деле занимались, выяснить было трудно — хотя Гумилев, став одним из основных акционеров компании, отправил через своих юристов соответствующий запрос, вразумительного ответа он так и не получил. Впрочем, вложение оказалось достаточно выгодным, котировки акций TSG росли хотя и медленно, но неуклонно. Заинтересованный, Гумилев попросил Санича послать в Северную Африку одного из своих людей, отставника СВР. Отставник купил туристическую путевку в Тунис и провел там небольшое расследование. Оказалось, что строительство железных дорог — отнюдь не главный бизнес TSG; представители компании, в основном англичане и бельгийцы, с гораздо большим интересом занимались поиском месторождений полезных ископаемых и нефти. Другой бы на этом и успокоился, но старый разведчик выяснил, что резидент TSG в Тунисе проходил когда-то по одной из оперативных разработок Леса¹ как офицер ЦРУ, сотрудничавший с курдской оппозицией в Ираке. Он сообщил Саничу, что собирается заняться выяснением связей компании с американской разведкой и курдским подпольем, после чего пропал. Два дня спустя труп разведчика обнаружили у одного из пляжей Сусса — по официальной версии, он утонул во время купания.

Гумилев велел выплатить семье погибшего разведчика щедрую компенсацию, но избавиться от чувства вины так и не смог. У него было ощущение, что он вступил на кишащее ядовитыми змеями болото — каждый неверный шаг грозил гибелью, пусть не ему лично, а работавшим на него людям. Катарине он, разумеется, не сказал ничего.

¹ «Лес» — штаб-квартира СВР в Ясенево (проф. жаргон).

Еще через две недели от него потребовали надавить на главу компании, производившей вакцины для крупного рогатого скота. На этот раз ему не потребовалось даже заглядывать в Интернет: вакцины эти разрабатывались при участии молодых гениев из корпорации Гумилева, хотя сам Андрей никогда в эту область глубоко не вникал — сельское хозяйство вообще не входило в сферу его интересов.

Глава компании, биохимик, настоящий энтузиаст своего дела, никак не мог взять в толк, почему Андрей Львович Гумилев, человек, которого он почитал если не как Бога, то уж точно как его наместника на земле, вызвал его к себе и в ультимативной форме потребовал прекратить производство целой серии новых препаратов.

— Но как же, Андрей Львович? — растерянно спрашивал биохимик. — Это же уникальные разработки, им аналогов в целом мире нет! Неужели ж все впустую?

— Сожалею, Виктор Геннадиевич. — Гумилев старался не смотреть в глаза собеседнику. — В настоящий момент коммерчески выгоднее приобретать вакцины такого типа за границей.

Он и сам не понимал, чем Марии фон Белов помешали препараты, надежно защищавшие от губчатой энцефалопатии, в просторечии называемой «коровьим бешенством». Чувствовать себя безвольной марионеткой в руках безумной старухи-рейхсфюрера было унизительно. Но не выполнять ее приказы Андрей не мог.

— Извините, — пробормотал Виктор Геннадиевич, — я очень уважаю вас и вашу позицию, но отдавать целую перспективную отрасль зарубежным конкурентам... нет, я не стану.

«И тем самым убьешь мою dochь», — подумал Андрей.

— В таком случае я буду вынужден прекратить наше сотрудничество, — сказал он. — Надеюсь, вы помните, что патенты на разработанные вакцины принадлежат моей корпорации. Да, и тот кредит, о котором вы хлопотали... мы можем вам его предоставить, но только при условии прекращения производства новых препаратов.

— На черта ж он тогда нужен, этот кредит, — в сердцах махнул рукой Виктор Геннадиевич. — Забирайте свои патенты, сами как-нибудь разберемся...

Спустя несколько месяцев его компания разорилась, не выдержав конкуренции с американскими производителями вакцин. Сам Виктор Геннадиевич вскоре после этого умер от инфаркта.

А Гумилев записал на свой счет вторую смерть.

Поместье Михаила Беленина располагалось в удивительно живописном уголке ближнего Подмосковья — казалось невероятным, что в радиусе тридцати километров от столицы еще сохранились такие чудесные места. Андрей где-то читал, что из космоса видно огромное облако смога, висящее над Москвой даже в самые безоблачные летние дни, подобно гигантской медузе. Щупальца этой медузы простирались от Сергиева Посада до Серпухова, и воздух в окрестностях мегаполиса был насыщен ее вредными эманациями — бензиновымиарами, окислами свинца, дымом нефтеперерабатывающих заводов. Но Беленин каким-то образом сумел договориться с чудовищем — на территории его поместья дышалось так же легко, как где-нибудь в полях пасторальной русской глубинки.

Господский дом, как именовал его сам Михаил Борисович, располагался на крутом пригорке, с которого открывался прекрасный вид на петлявшую среди заливных лугов реку. Вдали зеленел лес, с другой стороны, заслоняя неинтересный пейзаж какой-то полузымершей деревеньки, возвышались искусственные крутые холмы, на которых зимой прокладывались трассы для горных лыж. У подножия пригорка были разбросаны «службы» — помещение для охраны, домики прислуги, птичник, оранжерея. Беленин в последнее время стал приверженцем старорусского стиля; поговаривали, что он дружит с Никитой Михалковым и обсуждает с ним проекты восстановления крепостного права в России. Скорее всего, это были сплетни из тех, что заполняют страницы желтой прессы, но стилизация под девятнадцатый век у Беленина действительно вышла отменная.

«Мерседес» Гумилева съехал со специально проложенной от федеральной трассы асфальтовой дороги (Андрей машинально отметил качество покрытия, достойное немецких автобанов) на усыпанную гравием аллею, нырявшую под темную арку могучих лип. Конечно, у Беленина хватило бы денег проложить асфальт до самого крыльца своего дома, но ему — а скорее всего, его дизайнерам — хотелось добиться эффекта полного погружения в эпоху дворянских усадеб.

— Темные аллеи, — пробормотал Гумилев, глядя на мощные стволы лип, несших стражу по обе стороны дороги. Вряд ли Беленин привез эти деревья откуда-то издалека и пересадил на новую почву. Скорее всего, он действительно купил старинную усадьбу с чудом сохранившимся парком и построил на ее территории свой дом.

— Что ты сказал, милый? — обернулась к нему Катарина.

— Темные аллеи — так называется цикл рассказов Бунина.

— Бунина? — удивилась девушка. — Твоего товарища?

Иногда ее невежество просто поражало. То, что поначалу Катарину удивляли самые простые, привычные современному человеку вещи, вроде мобильных телефонов и связи по скайпу, еще можно было понять. В конце концов, для человека, прожившего всю сознательную жизнь в условиях реликтового социального изолята, определенное отставание в технической и бытовой сферах естественно. Удивительно было то, что для нее не существовало огромных областей культуры, истории и искусства. Катарина хорошо знала древнюю историю Греции и Рима; знала латынь и санскрит; прекрасно разбиралась в немецкой классической философии и в военной стратегии, от Клаузевица до Мольтке. В то же время она совершенно ничего не понимала в современном искусстве, считая его безнадежно испорченным еврейским абстракционизмом, — о пагубном влиянии иудео-исламской традиции, запрещающей человеческие изображения, на западную цивилизацию она могла говорить часами. Ни русской, ни американской, ни даже английской литературы (за странным исключением средней руки беллетриста Бульвер-Литтона и автора «Дракулы» Брэма Стокера) для нее не существовало. Познания в поэзии ограничивались Гете и почему-то Дитрихом Эккартом (о котором сам Андрей имел весьма туманное представление). В целом у Гумилева сложилось впечатление, что гуманитарное образование на базе «Туле» было не в почете.

— Нет, — сказал он, скрывая усмешку. — Иван Бунин — великий русский писатель, может быть, последний из великих. А мой товарищ... просто однофамилец.

«Надеюсь, он еще жив, — подумал Андрей с горечью. — Степан слишком эмоционален, он не станет терпеть насилия, может взбунтоваться, и кто знает, чем этот бунт кончится...»

— Ты, кстати, не знаешь, что с ним? — спросил он как можно более равнодушно.

Катарина никогда не отвечала на его вопросы об оставленных на базе «Туле» товарищах, но он все-таки продолжал спрашивать, хотя и знал, что ответа не получит.

— Он пытался убежать, — неожиданно сказала девушка. — Это вина охранников. Они недосмотрели... твой товарищ сумел выбраться за пределы базы и заблудился в каменном лабиринте. Это такая система трещин и каверн в склонах вулкана. Те, кто туда попадает,

могут выбраться только по чистой случайности. К счастью, его нашли, хотя рассудок его помутился от пережитого ужаса.

— И тебе разрешили мне об этом рассказать? — удивленно спросил Андрей.

— Иначе ты мог бы решить, что мы играем нечестно. С остальными заложниками все в порядке. Твоя дочь и ее няня здоровы и чувствуют себя хорошо.

Катарина избегала называть Марго по имени.

— Мне бы хотелось получить какие-нибудь доказательства. — Гумилев старательно смотрел в сторону. — Фотографию, а лучше видеозапись.

Год назад Катарина передала ему письмо, написанное Марусей. На листе, вырванном из тетради в клетку, толпились размашистые печатные буквы. «МИЛЫЙ ПАПОЧКА, — писала Маруся, — КАГДА ТЫ ПРЕЕДЕШ? У НАС ВСЕ ХАРАШО, МЫ СКУЧАЕМ ПА ТЕБЕ. ТВАЯ ДОЧ М.». Конечно, письмо легко можно было подделать, но Андрей каким-то образом сразу почувствовал, что оно настоящее.

— Это зависит от сегодняшней встречи, — ответила Катарина. — Если все пройдет хорошо и ты сделаешь то, ради чего нас сюда позвали, я достану для тебя фотографию дочери.

На площадке перед домом уже стояло с два десятка машин — «Бентли», «Роллс-Ройсов», «Кадиллаков», «Ламборджини» и «Порше». Были, впрочем, автомобили и попроще — «Ауди», «БМВ» и даже японские внедорожники, но с очень крутыми номерами. Чужой на этой ярмарке тщеславия выглядела черная «Волга», зажатая между серебристым «Инфинити» и спортивным «Додж-Вайпер» изумительного небесного цвета.

Как только «Мерседес» Гумилева медленно въехал на площадку, к нему резво подбежал широкоплечий молодец в ярко-красной рубашке а-ля рюс. Светлые волосы молодца были пострижены под горшок, простодушное скулластое лицо с россыпью веснушек намекало на рязанское или вологодское происхождение. Имидж расторопного дворового парня несколько портил аккуратный бейджик «Валентин», прикрепленный к алоей рубахе.

— Господин Гумилев, — промурлыкал молодец, сгибаясь в поясе и распахивая дверцу «Мерседеса», — госпожа Сафина... Пожалуйте в дом, а экипаж ваш я сейчас отгоню на лучшее место, не извольте беспокоиться...

Андрею стало смешно: он представил, как управляющий поместьем Беленина проводит с челядью инструктаж, заставляя выучивать обороты, которые еще Чехов называл «рабской речью».

— Ты так покажи. — Боря, шофер, высунул бычью голову из окошка и с неприязнью глянул на молодца. — Я и сам отгоню.

Боря был одним из людей, навязанных Гумилеву Катариной. Бывший борец-вольник, сто пятьдесят килограммов слегка заплыvших жиром мускулов и совсем немного мозгов. Машину он, впрочем, действительно водил хорошо. Боря наверняка докладывал Катарине обо всех передвижениях Андрея, но избавиться от него Гумилев не мог. То есть, наверное, можно было приказать Саничу устроить Боре автомобильную катастрофу, но это просто означало бы замену одного соглядатая на другого. Боря, по крайней мере, был примитивен — и в случае необходимости его можно было обмануть. Поэтому Андрей терпел.

— Как хотите, — сухо ответил Валентин. — Вон туда, между «Ленд-рровером» и «Майбахом».

К дверям господского дома вела мраморная лестница, по бокам которой скалили зубы каменные львы. Морды львов были покрыты сетью трещин, а на лапах кое-где не хватало когтей. Это придавало им загадочный и немножко обиженный вид.

Между львами несли вахту двойники Валентина в белых косоворотках и с расписными подносами. На одних подносах стояли чарочки с водкой, на других — бокалы с вином и с шампанским. Из гостеприимно распахнутых дверей выплескивался на крыльце теплый янтарный свет и доносились негромкая музыка — клавесины и скрипки.

Андрей и Катарина поднялись по мраморным ступеням и вошли в дом.

К ним тут же подкатился кругленький мажордом, почему-то одетый в белоснежную форму морского офицера. Вид этой формы вновь вызвал у Андрея неприятные воспоминания — о самом первом дне их экспедиции, когда вся команда ледокола «Россия» выстроилась на палубе, приветствуя Чилингарова и его, Гумилева. Человека, который должен был подарить своей стране богатства арктического шельфа, а вместо этого погубил и терраформирующую станцию, и почти всех доверившихся ему людей.

— Прошу вас, Андрей Львович, — мажордом, слашавые манеры которого резко контрастировали с его мундиром, протянул Гумилеву лист плотной бархатистой бумаги с золотым тиснением. — Это

программа вечера и карта поместья. Михаил Борисович сейчас в белой гостиной, она вот здесь, — пухлый палец с наманикюренным ногтем пополз по плану господского дома. — Прикажете проводить?

— Не нужно, — Андрей спрятал программу в карман. — Мы найдем дорогу сами.

Вечер был еще в самом начале. В большой белой гостиной, по углам которой поддерживали потолок бугрящиеся мышцами алебастроевые атланты, собралось человек тридцать — они блуждали между заставленными снедью столами или сидели на мягких диванах, дегустируя благородные напитки. Растропные официанты сновали между группами гостей, разнося бокалы с шампанским и разноцветные аперитивы. В дальнем конце зала играл маленький струнный оркестр.

Михаил Борисович Беленин стоял в центре гостиной, держа в руке квадратный бокал со скотчем. На его обрюзгшем лице, придававшем нефтяному магнату сходство с обиженным бульдогом, застыло выражение вежливой скуки. Компанию олигарху составлял высокий, похожий на испанца мужчина с длинными черными волосами. Под бежевым пиджаком от Кавалли у мужчины была надета черная футболка с надписью «KILL THE WHEEL», что в сочетании с бриллиантовой серьгой в ухе придавало ему вид внезапно разбогатевшего рок-музыканта.

Увидев Гумилева и Катарину, Беленин заметно оживился.

— Марго, — он приложился к ручке Катарины, продемонстрировав неожиданное знакомство с правилами великосветского этикета. — Ты все хорошеешь! Андрюша, дорогой, сколько лет, сколько зим!

Гумилева покоробил его фамильярный тон, но он постарался не выдать своего раздражения.

— Миша, — он пожал вялую холодную ладонь олигарха, — рад тебя видеть.

Это была ложь. Из всех спасшихся с «Земли-2» Беленина он хотел видеть меньше всех. Почему Мария фон Белов отпустила олигарха, он примерно догадывался. Тайной оставался лишь размер отступного, которое Беленин выплатил нацистам за свое освобождение, но такие детали не слишком интересовали Гумилева.

— Мы продолжим наш разговор позже. — Михаил Борисович с приклеенной к лицу улыбкой вполоборота повернулся к длинноволосому.

Тот кивнул, но не спешил уходить, откровенно раздевая взглядом Катарину.

— Так-с, — сказал он, протягивая Гумилеву смуглую руку. Пожатие у него оказалось на удивление энергичным.

- Простите? — недоуменно переспросил Андрей.
- Такс, — повторил «испанец». — Это мой *nom de guerre*¹.
- Вы так любите собак?
- Длинноволосый удивился.
- Собак? Не особенно. А вы, я полагаю, Андрей Гумилев?
- Андрей Львович, — поправил его Беленин.
- Опять это русопятство, — поморщился Такс. — Отчества — досадный пережиток проклятого прошлого. Надо избавляться от этого культурного провинциализма. Вы, я слышал, занимаетесь новыми технологиями?
- В основном, — сухо ответил Гумилев. — А вы?
- Экологический контроль, — со значением ответил длинноволосый. — Мониторинг и противодействие.
- Противодействие чему?
- Загрязнению окружающей среды, естественно. Кстати, как у вас обстоят дела с экологической безопасностью?
- Не беспокойтесь, все в порядке.
- Да? Впрочем, это всегда можно проверить.
- А зачем убивать колесо? — полюбопытствовала Катарина, разглядывая его футбольку.
- Темные глаза «испанца» блеснули.
- Колесо — символ технического прогресса. А прогресс губит природу. Вам ли не знать об этом, господа промышленники?
- Беленин страдальчески вздохнул. Длинноволосый снисходительно взглянул на него.
- Ну, мы с вами еще увидимся. *Enchanté, mademoiselle*.
- Он с достоинством поклонился Катарине и отошел к столу с напитками. Беленин скорчил смешную гримасу.
- Зеленые, — с отвращением произнес он. — Проклятый «Грин-пис». Житья уже от них нет!
- Чем он так тебе досадил? — спросил Андрей.
- Они, эти экологи, хуже рейдеров, честное слово! Как ты думаешь, почему этого типа зовут Такс? Это от английского слова «Tax» — налог. Стоит хоть где-то нарушить экологические нормы, они уже тут как тут — грозят завалить исками. А подвязки у них всюду вплоть до Страсбурга, и юристы как на подбор с дипломами Кембриджа и Гарварда. Так что судиться с ними — себе дороже. Приходится отстегивать...
- Рэкет? — не сдержал улыбки Гумилев. — Как в веселые девяностые?

¹ Псевдоним (фр.).

— Если бы! — вздохнул Беленин. — Тогда, если на тебя наезжали, можно было собрать свою бригаду, решить все по понятиям. А с этими акулами, — он кивнул в сторону Такса, с энтузиазмом накладывавшего себе на тарелку большую порцию осетрины, — только по закону. А это выходит куда дороже...

— Думаю, ты и с ним справишься, — сказал Андрей, беря с подноса бокал с рубиновым кампари. — У тебя, кажется, был ко мне какой-то разговор?

Беленин сразу посерезнел, отчего стал еще больше похож на бульдога.

— Да, Андрюша, я обещал очень серьезным людям тебя с ними познакомить.

Он бросил взгляд на свой платиновый Breguet.

— Через полчаса в библиотеке. Это наверху. Предупреждать заранее ни о чем не буду, сориентируешься по ситуации, ты у нас мужик умный.

Гумилев еле сдержался, чтобы не ответить резкостью. После возвращения из Арктики Беленина как будто подменили. От былой холдной сдержанности не осталось и следа — теперь он обращался к Андрею исключительно на «ты» и так, словно они были добрыми друзьями. Возможно, виной тому были совместно пережитые во льдах приключения, но Гумилева подобное поведение олигарха только раздражало.

— Да, и вот еще, — Беленин кривовато улыбнулся, — наверх будут пускать не всех, а только тех, кто знает заветное слово — «Арктика». А сейчас прошу извинить, надо уделить толику внимания нашим уважаемым экспертам. Кстати, Марго, солнышко, в одиннадцать в синем кабинете играем в бридж. Ты составишь мне компанию?

Катарина улыбнулась.

— Если мой господин и повелитель меня отпустит.

— Там видно будет, — сказал Андрей.

Беленин отсалютовал им бокалом и не спеша, слегка переваливающейся утиной походкой направился к группе интеллигентного вида мужчин, с мрачной решимостью уничтожавших валованы с икрой. Гумилев узнал директора Института социального развития Игоря Пургенса и бывшего министра Евгения Гешефтмакера. Третим был жовиального вида лысоватый толстяк в очках с золотой оправой; лицо его показалось Андрею знакомым, но он так и не смог вспомнить его имени. Увидев приближавшегося к ним Беленина, эксперты радостно заулыбались, однако продолжили пожирать валованы.

«Странно, — подумал Гумилев, — с чего Беленину пришло в голову приглашать этих нахлебников?»

Катарина взяла его под руку.

— Пройдемся, дорогой, — сказала она. — Мне кажется, здесь собралось не совсем обычное общество.

Она была права. Кроме той публики, которую Гумилев привык встречать на такого рода раутах, — бизнесменов, промышленников, крупных чиновников, светских львиц, — то тут, то там мелькали совсем другие лица. Андрей и Катарина прошли мимо седовласой старушки, чем-то неуловимо напоминавшей Надежду Константиновну Крупскую. Старушка была одета в длинное синее платье, зачем-то расшитое серебряными снежинками.

— Нет, нет, — громко втолковывала она своему собеседнику — пухлому молодому человеку с плутоватым выражением лица, — я вовсе не мать лидера российских геев, как ошибочно полагают многие, однако я очень уважаю его самоотверженную деятельность и была бы счастлива иметь такого сына. У нас в стране, к сожалению, ущемляют права геев и лесбиянок, и я, как старейшая правозащитница, выступаю за полное уравнивание их с так называемыми натуралами...

— То есть Коля — просто ваш однофамилец? — несколько разочарованно спросил молодой человек.

— Ну да! — несколько раздраженно ответила старушка. — А почему это вас так расстраивает?

— Да он мне, видите ли, денег должен, — молодой человек на глазах терял интерес к разговору, — я в нашем weekly¹ его статью напечатал, про гомофобов во власти, а он обещал заплатить — и не заплатил...

— Не волнуйтесь, — успокоила его старушка, — такой отважный борец за права сексменьшинств просто не может быть нечестным человеком. Он, разумеется, выплатит вам обещанную сумму...

— Между прочим, три косаря евро, — буркнул молодой человек. — Из них полторы — главреду. Так вы ему точно не мать?

Старушка испуганно замахала на него руками.

В следующем зале вдоль стола, заставленного серебряными блюдами с различными деликатесами, прохаживался импозантный Борис Немцов, известный как несостоявшийся преемник Ельцина. За ним мрачной тенью следовал бывший лидер партии СПС Леонид Гозман. Время от времени Немцов, не оборачиваясь, говорил что-то Гозману — тот слегка подавался вперед, по-гусиному вытягивая шею, видимо,

¹ Еженедельное издание.

чтобы лучше расслышать. До Гумилева донеслись обрывки фраз: «либеральная башня», «те же пять процентов», «кому охота в Краснокаменске варежки шить».

— Добрый вечер, Андрей Львович, — поздоровался, подойдя откуда-то сбоку, черноволосый статный красавец с перстнем Йеля на пальце. — Вы меня не помните? Нас знакомили на приеме в посольстве Великобритании. Юрий Джихадзе, правозащитник.

— Помню, — сказал Гумилев, пожимая влажноватую руку. — Вы, кажется, получили тогда грант на съемки фильма о зверствах российских войск в Южной Осетии?

— Да, — поджал тонкие губы Джихадзе. — К сожалению, его так и не удалось закончить. Маловато фактического материала, все страшно засекречено. Минобороны и Генштаб наотрез отказываются предоставлять информацию... Если бы бюджет был побольше, можно было бы организовать постановочные съемки в Грузии — у меня там хорошие контакты. В связи с этим, Андрей Львович, у меня к вам предложение...

— Нет, — перебил его Гумилев. — Денег не дам. Попросите еще раз англичан, может, расщедрятся.

— Странно, — пробормотал Джихадзе, — а я думал, вы теперь с нами...

— Напрасно ты ему нагрубил, — сказала Катарина, когда правозащитник, бурча что-то себе под нос, удалился. — Он полезный человек, хотя и совершенно беспринципный. Таких лучше прикармливать и делать своими друзьями.

— Послушай, — Гумилев повернулся к спутнице, — откуда ты их всех знаешь? Особенно всякую мелюзгу вроде этих правозащитников?

Катарина сладко улыбнулась.

— Разбираться в людях — моя работа, дорогой. А этого Джихадзе я вижу впервые, просто кое-что смысллю в физиогномике.

— Ну, тогда опиши мне вот этого деятеля. — Андрей украдкой указал ей на седого худощавого старика в очках, за спиной которого маячили широкоплечие молодые люди в черных пиджаках. — Знаешь, кто это?

Катарина мельком взглянула на старика.

— Не имею понятия. Но похоже, что это какой-то литератор. В молодости вел довольно распутный образ жизни — это видно по складкам на его лице. Авантуррист. Сидел в тюрьме. Считает себя вождем, ему нравится вести за собой массы. Любит молоденьких девушек. Исповедует

культ силы, окружает себя молодыми спортсменами, специалистами по боевым искусствам. Скандалист и эпатажник. Что-нибудь еще?

— Достаточно. — Гумилев покачал головой. — Ты и вправду не знаешь этого человека?

Она пожала плечами.

— Зачем мне тебя обманывать?

— В таком случае твои способности к физиognомике меня просто пугают. Попадание стопроцентное. Это Эдвард Лайм, известный писатель и политик. Лет двадцать назад он создал свою партию, куда вступала в основном молодежь. Такой, знаешь, политический экстремизм общества спектакля — они захватывали государственные учреждения, приковывали себя наручниками к дверям Думы, закидывали яйцами министров... Глупость, конечно, но романтически настроенные юноши и девушки шли за ним толпами. Знаешь, как говорят: кто не был в юности леваком, у того нет сердца, кто к старости не стал консерватором, у того нет ума.

— Судя по тому, что дураком он не выглядит, этот твой Лайм превратился в консерватора?

— Отчасти. Он отрекся от своего левачества и подружился с либералами. Теперь, как видишь, его приглашают к себе олигархи, хотя страсти к эпатажу он не утратил. Помнишь черную «Волгу» на парковке? Это его машина, он всюду на ней разъезжает, хотя вполне мог бы купить себе «Бентли».

В этот момент Лайм увидел кого-то и закричал, грозно размахивая надетым на вилку куском хамона:

— Ты и сюда пробрался, подлый наймит Кремля! Ты похоронил «Стратегию 31» своим соглашательством, иуда!

Андрей оглянулся, чтобы посмотреть, на кого обрушился гнев писателя, но увидел лишь поспешно удаляющуюся спину, обтянутую серым пиджаком. В отдалении мелькнуло еще одно знакомое лицо — популярный оппозиционный деятель Алексей Овальный, прославившийся разоблачением хищений в крупных сырьевых компаниях. Присутствие Овального на рауте у нефтяного магната Беленина казалось таким же нелогичным, как приглашение горничной из нью-йоркского отеля на день рождения к бывшему главе МВФ Доминику Стросс-Кану. Но Гумилев уже перестал чему-либо удивляться.

— Тебе пора. — Катарина слегка потянула Андрея за рукав. — Я посмотрела план, в библиотеку можно подняться вот по той лестнице. Когда освободишься, позвони мне на сотовый, я буду где-нибудь внизу.

ГЛАВА 7

SOVET НЕЧЕСТИВЫХ

Подмосковье, июль 2011

Посреди библиотеки (шкафы черного дерева, толстое стекло, золотое тиснение на кожаных корешках) стоял круглый стол и шесть стульев с высокими спинками. Когда Андрей вошел, толкнув створку тяжелой, словно бронированной двери, свободным оставался лишь один стул.

— Позвольте представить вам, господа, — Михаил Беленин сделал приглашающий жест, — Андрей Львович Гумилев, надежда и главный козырь российской модернизации. Андрей Львович, познакомься, это мои дорогие гости...

Он на мгновение замешкался (Андрею показалось, что он хочет показать пальцем) и слегка поклонился полному седовласому джентльмену в элегантной темно-серой паре.

— Советник посольства Соединенных Штатов Америки мистер Браун.

— Это честь для меня, — сказал советник на хорошем русском, пожимая руку Андрею. — Я весьма много слышал о ваших усилиях по развитию новых технологий в России.

— Польщен, — сухо ответил Андрей.

— Господин Барри Кальмаров, чемпион мира по шахматам.

Похожий на скучающего верблюда чемпион не соизволил оторвать свою задницу от стула, протянув руку через стол. Гумилев сделал вид, что не заметил руки.

— Павел Уткин, главный редактор «Московского курьера».

Бородатый Уткин показался Гумилеву то ли не совсем прозревшим после вчерашней пьянки, то ли уже успевшим дорваться до дармового алкоголя, который предлагали официанты в косоворотках.

— Очень приятно познакомиться, — слегка заискивающе произнес он. — Наша газета неоднократно писала о вас, Андрей Львович, и о достижениях вашей корпорации. Не дадите ли эксклюзивный репортаж для «Московского курьера»?

— Может быть, позже. — Андрей помнил, что три года назад «Московский курьер», смакуя пикантные подробности, писал об

исчезновении Евы. Сухо кивнув журналисту, он обернулся к последнему участнику совещания: — А вы-то что здесь делаете?

— То же, что и вы, полагаю, — с достоинством ответил тот. — Решаю судьбы России.

Этот человек в свое время попортил Гумилеву немало крови. Возглавляемый им Центр политического прогнозирования, выполняя чей-то хорошо оплаченный заказ, вел против корпорации Гумилева необъявленную, но жестокую войну: публиковал «компрометирующие» Андрея материалы, устраивал «утечки информации», касавшиеся его бизнес-планов, организовывал круглые столы, на которых проекты корпорации подвергались жестокой критике со стороны целой своры ручных экспертов. Серьезного вреда вся эта мышиная возня причинить Андрею не могла, но раздражала сильно. В конце концов раздосадованный Гумилев поручил Саничу разобраться, кто стоит за кулисами этой кампании. Через несколько дней Санич доложил, что заказ сделан и оплачен высокопоставленным чиновником, которому Гумилев в свое время перешел дорогу, выиграв тендер на строительство наукограда под Нижним Новгородом. Тогда Андрей сделал несколько телефонных звонков и встретился кое с кем из своих друзей, входящих в кабинеты первых людей страны. В результате заказ отменили, а чиновника без особого шума сняли с должности и отправили в далекую латиноамериканскую страну послом, причем ходили слухи, что он еще легко отделался. После этого директор Центра политического прогнозирования как ни в чем не бывало позвонил Андрею и, выразив искреннее восхищение проведенной комбинацией, предложил свои услуги по уничтожению репутации конкурентов. И был очень удивлен, услышав отказ.

— Итак, господа, — торжественно произнес Беленин, когда Гумилев наконец уселся на свой стул, — мы собрались здесь в честь одного весьма важного не только для меня лично, но, надеюсь, и для страны события. Несколько дней назад мне предложили возглавить новую демократическую коалицию, получившую название «Правая сила». Сегодня я принял это предложение, и через неделю съезд утвердит меня в должности лидера партии.

Советник американского посольства несколько раз вежливо хлопнул в ладоши. Уткин, Кальмаров и политтехнолог последовали его примеру.

«Так вот почему он пригласил всех этих клоунов, — подумал Гумилев. — Беленин решил рвануть в большую политику!»

— Либеральный путь для нашей страны — не самый легкий, — продолжал Михаил Борисович. — Исторически сложилось так, что русский народ, так же как и большинство других народов России, не питает склонности к индивидуальной свободе, которая так свойственна, например, англосаксам, — он опять слегка поклонился американскому дипломату. — Но для бизнеса, особенно для большого бизнеса, такого как нефтедобывающая промышленность, либеральная атмосфера необходима как воздух. Мы, крупные промышленники, занимающиеся добычей и продажей углеводородов, не понаслышке знаем, как тяжело бывает договориться с нынешней властью, тяготеющей к авторитарному стилю правления. Поэтому главной политической задачей нашей партии должно стать изменение атмосферы в стране. Вернем нашему народу традиционные ценности частного предпринимательства, уважения к частной собственности и опоры на собственные силы! Самобытный и тороватый народ наш не замедлит ответить на эти реформы всплеском производственной активности...

«И ради этого меня так зазывали сюда? — подумал Гумилев удивленно. — Стоило ли огород городить? Весь этот бред я мог и в Сети прочесть».

— Ну и конечно, отношения с нашим главным стратегическим партнером, США, — олигарх улыбнулся и поклонился советнику. — Сейчас они переживают не лучшие времена... «перезагрузка» то и дело превращается в «перегрузку». Но если мы придем к власти, первое, что мы сделаем, — это освободим наши отношения от той накипи, которая мешает нормально работать!

— Прекрасно, — белозубая улыбка мистера Брауна казалась неестественной, как у пациента, садящегося в стоматологическое кресло и пытающегося убедить и себя, и других, что все происходящее с ним — совершеннейший пустяк. — В этом случае можете считать, что поддержка Соединенных Штатов вам обеспечена.

— Не сомневайтесь, господин советник, — заулыбался и Беленин, — мы сумеем правильно выстроить политику по отношению к вашей великой стране.

Гумилев отметил, что прекрасно владеющий русским Браун специально ввернул оборот «можете считать». Таким образом, он не пообещал Беленину поддержку, а лишь разрешил на нее надеяться.

— Сколько процентов вы намерены получить на выборах? — поинтересовался Кальмаров. — Пять, семь? Возможно, этого хватит, чтобы

пройти в Думу, но парламентское большинство принадлежит «Единой России». Вы ничего не сможете сделать!

Беленин неприязненно посмотрел на чемпиона.

— Мы получили определенные гарантии, — сказал он, ткнув пальцем куда-то в потолок. — Осенью страну ждут социальные волнения, по сравнению с которыми забастовки в Пикалево покажутся пикником на лужайке. В этих условиях...

— В этих условиях русское быдло проголосует за коммунистов, — грубо прервал его Кальмаров. — А демократов начнут вешать на фонарях.

— При всем уважении, — поморщился Уткин, — колумнисту такой уважаемой газеты, как «Уолл-Стрит Джорнал», стоило бы выбирать более политкорректные выражения.

Шахматист метнул на Уткина свирепый взгляд, но тут в разговор вмешался политтехнолог:

— Разработанная нами компьютерная модель показывает, что в случае общественных волнений этой осенью значительная часть молодежи поддержит демократическую партию. При условии, конечно, что во главе этой партии будет стоять харизматичный и популярный лидер.

Коренастый, с бульдожьей физиономией, Беленин вряд ли подходил под это определение, но Гумилев прекрасно знал, что имиджмейкеры и телевизионщики способны сделать харизматическую личность даже из обезьяны.

— Многое, конечно, зависит от вас, господа, — политтехнолог обвел сидевших вокруг стола многозначительным взглядом. Андрею почему-то вспомнился Остап Бендер, собирающий деньги для «гиганта мысли и отца русской демократии» с деятелей старгородского подполья. — От нашей прессы мы ждем вдумчивой и последовательной информационной поддержки.

Уткин важно кивнул.

— Вы, Барри Кимович, как человек, близкий к определенным влиятельным кругам на Западе, могли бы замолвить словечко за новую демократическую партию в Бильдебергском клубе и «Бнай-Брит».

— Я, конечно, мог бы, — надменно проговорил шахматист, — однако что я с этого буду иметь? Возможно, если партия выдвинет мою кандидатуру на президентских выборах 2012 года...

— Вопрос о президентских выборах мы рассмотрим позднее, — уклонился от ответа политтехнолог. — Что же касается вас,

уважаемый Андрей Львович, то ваша помощь могла бы стать поистине неоценимой...

— Когда я слышу слово «неоценимая», то понимаю, что к сумме, которую просят у меня обычно, будет пририсован еще один ноль, — сказал Гумилев.

Политтехнолог поморщился.

— Речь не о деньгах, Андрей Львович, или, во всяком случае, не только о них. Вы занимаетесь новейшими технологиями, в том числе и информационными. Для грядущей революции эти технологии так же необходимы, как, прошу прощения за столь грубую аналогию, типография «Правды» для большевистского переворота.

— Вы сказали — «революции»? — нахмурился Уткин. — Мне казалось, речь идет о мирном парламентском процессе.

— Понятие «революция» сейчас носит совсем иной смысл, нежели раньше, — снисходительно объяснил политтехнолог. — Возьмем хотя бы события на Украине в 2004 году или революцию маков в Киргизии. Кстати, сейчас наши американские друзья, — он слегка поклонился Брауну, — пробуют новую модель революции в переживающей экономический кризис Белоруссии — она называется «революция через социальную сеть». Молодежь организуется через интернет-сообщества, такие как «ВКонтакте», отдельные группы поддерживают между собой мобильную связь и могут очень оперативно сливаться в огромные толпы. Если эта технология оправдывает себя в Минске, мы применим ее и здесь.

— И все-таки, — прервал его Гумилев, — чего вы хотите от меня?

— Помощи в организации социальных сетей и защиты каналов связи от репрессивных мер со стороны государства. Вероятно, в условиях социальных волнений правительство будет отключать оппозиционные сайты и усилит цензуру в Интернете. Специалисты вашей корпорации могли бы создать дублирующие сети и разработать методики борьбы с цензурой. Если оппозиционная молодежь будет вооружена новейшими технологиями, ни милиция, ни ФСБ ничего не смогут этому противопоставить.

— Очень неплохо зарекомендовала себя технология «Блэкбери», — мягко перебил политтехнолога Браун. — Знаете, что это такое?

Гумилев кивнул.

— Сеть элитных смартфонов для бизнесменов, заинтересованных в том, чтобы сохранять свои переговоры в тайне. Но в России эта технология запрещена.

— Полагаю, вам не составит труда создать российский аналог «Блэкбери». Назовите ее, скажем, «Черника». — Советник добродушно рассмеялся.

— Ну и, разумеется, финансовая поддержка тоже будет нeliшней, — поспешил добавить Беленин. — Политика — дело дорогое, один я расходы на выборы не потяну. Надо будет всем ребятам скинуться. С Фрикманом и Пороховым-Куршавельским я уже говорил, они не против. Надо будет еще Кисина потрясти, а то как на первую строчку в списке «Форбс», так он тут как тут, а как на демократию отстегнуть, так его днем с огнем не сыщешь.

— А что же господин Абрамович? — поинтересовался советник.

Беленин замялся.

— Роман, боюсь, в этом деле участвовать не будет. Ему и так хорошо — сидит у себя в Лондоне, что ему о судьбах России думать?

— При необходимости, — серьезно сказал Браун, — мы сумеем убедить господина Абрамовича, что о судьбах России можно думать даже в Лондоне. Теперь я хотел бы кратко обрисовать позицию моей страны относительно ваших будущих выборов.

«Пожалуй, начинается самое интересное», — подумал Гумилев.

— Соединенные Штаты заинтересованы в том, чтобы Россия двигалась дальше по тому пути, который она сама избрала в 1991 году и с которого она, к сожалению, свернула после ухода Бориса Ельцина с поста президента. Поэтому мы хотели бы, чтобы партия, главой которой в скором времени станете вы, Михаил Борисович, не просто приняла бы участие в политической жизни страны, а стала бы базой для демократического кандидата на выборах 2012 года.

— Вот это правильно, — ввернул Кальмаров, преданно глядя на американца.

— Теперь о том, кто может стать таким кандидатом, — продолжал Браун, не обращая на шахматиста внимания. — Сейчас в вашем обществе самый большой вопрос — кто пойдет на выборы: Путин или Медведев, а может быть, и тот и другой сразу. Скажу без обиняков, господа: для Соединенных Штатов оба эти варианта неприемлемы.

— Как, — удивился Уткин, — даже Медведев? Он ведь либерал!

— Весьма умеренный, — отрезал советник. — Разумеется, если сравнивать его с Путиным, бывшим офицером КГБ, то Дмитрий Анатольевич более близок западному человеку. Во всяком случае, он не позволяет себе ностальгировать по временам Советского Союза, тогда как Путин показал свое истинное лицо, назвав распад СССР

«величайшей геополитической катастрофой». Но этого, увы, мало. Медведев слишком уважает Путина, слишком тесно связан с ним... как это сказать правильно? Да, есть такое русское слово — духовность. Так вот, духовная связь между ними слишком сильна. Возможно, это хорошо для отношений между президентом и премьером, но для США — нет.

Он покрутил в руках бокал с виски.

— Да и эта модернизация, о которой постоянно говорит Медведев... Поймите: вам, русским, модернизация не нужна, более того, она может оказаться губительной для вашей страны. Любая попытка догнать и перегнать Запад обернется для России или неконтролируемым воровством, или огромной кровью, как при Сталине или Петре Первом. Ваш козырь — углеводороды, на него и нужно делать ставку. Бог подарил России крупнейшие запасы нефти и газа — зачем вам тратить время и силы на то, чтобы сравняться с Западом в области высоких технологий? Позвольте мне говорить с вами откровенно: у ваших рабочих все равно никогда не будет такого трудолюбия, такой профессиональной культуры, какая на Западе выковывалась столетиями господства протестантской этики, — пусть лучше они обслуживают трубопроводы. Конечно, рано или поздно запасы нефти и газа истощатся, однако у вас есть своего рода неисчерпаемая кладовая. Я имею в виду, господа, месторождения на арктическом шельфе.

При этих словах Гумилев вздрогнул.

— Вы все знаете, какие запасы углеводородов таятся под холодными водами Северного Ледовитого океана. Это нефтяное Эльдорадо, господа. В этом смысле России повезло больше, чем какой-либо иной стране мира. С другой стороны, эти баснословные богатства еще нужно достать со дна океана, а с этим у вас могут возникнуть проблемы. Проще говоря, вы не обладаете сейчас необходимыми технологиями, чтобы извлечь нефть с шельфа и обеспечить ее транспортировку туда, где ее можно будет продать.

— Вы противоречите сами себе, — заметил Андрей. — Если мы будем развивать новые технологии, эта проблема будет решена автоматически.

Браун благосклонно посмотрел на него.

— Да, безусловно. Но сколько времени и сил вам на это потребуется? Возможно, месторождения Сибири иссякнут гораздо раньше, чем вы научитесь добывать нефть со дна Северного Ледовитого океана с выгодой для себя. Я предлагаю другой путь, более легкий и короткий.

Если деловые люди России помогут демократическому кандидату, которого поддержат США, сесть в кресло президента страны, мы отменим поправку Джексона-Вэника и поделимся с вами необходимыми технологиями. Наши инвесторы вложат большие деньги в развитие месторождений на арктическом шельфе... разумеется, под определенные гарантии.

— Что за гарантии? — осторожно поинтересовался Беленин.

— Прежде всего, долевое участие американских нефтедобывающих компаний в этом бизнесе. Хорошо известная вам, Михаил Борисович, компания «Уорвик Петролеум» будет первой в этом списке. Вы получаете технологии добычи арктической нефти, мы — часть прибылей. Это справедливая сделка, господа.

— Более чем справедливая, — кивнул Барри Кальмаров. — Но кто же будет тем кандидатом, которого поддержат Соединенные Штаты?

Американец сочувственно улыбнулся.

— Вы знаете, Барри, я давний поклонник вашего шахматного таланта и не пропускаю ни одной вашей колонки в WSJ. Мне лично бы очень хотелось, чтобы таким кандидатом стали вы. Но, к сожалению, я не уполномочен принимать решения — я только транслирую мнение, выработанное на, если позволите мне так выразиться, нашем совете директоров. Вы знаете, о ком я говорю.

Шахматист заметно поскучнел.

— Так вот, мнение это — впрочем, не окончательное — заключается в том, что идеальным кандидатом в президенты России от демократической оппозиции должен стать человек, не замеченный в тесных контактах со старыми либералами. Хорошо, если коньком его предвыборной программы станет борьба с коррупцией. Слава богу, для этого в вашей стране оснований предостаточно. Пара громких выигранных дел — а наши юристы ему в этом помогут, — и популярность этому парню обеспечена.

— А! — вскричал вдруг Кальмаров обиженно. — Так вы Лешку в президенты толкаете! Он же фашист, он с ДПНИ якшается! Его Израиль никогда не примет!

— Израиль, — холодно заметил политтехнолог, — примет любого политика, которого одобрят Администрация в Вашингтоне. Думаете, в Тель-Авиве не скрипят зубами, когда в Риге проходит парад ветеранов СС? И ничего, как-то терпят.

Браун прервал его, подняв указательный палец.

— Я хотел бы подчеркнуть: это мнение не окончательное. До выборов еще есть время. Многое зависит от того, как будут складываться дела у партии, которую возглавит уважаемый Михаил Борисович.

Беленин откашлялся.

— Со своей стороны, — сказал он официальным тоном, став внезапно очень похожим на комсомольского работника, каким и был двадцать лет назад, — я обязуюсь сделать все для торжества демократической идеи и окончательной победы над тоталитарным прошлым.

— В таком случае, я думаю, наша встреча откроет новую страницу в истории России, — торжественно заявил советник. — Благодарю вас за искреннюю приверженность делу демократии и прав человека, господа.

Совещание закончилось.

Гумилева советник американского посольства догнал уже в коридоре.

— Андрей, — сказал он, доверительно взяв Гумилева за локоть, — вы позволите себя так называть? Так вот, Андрей, я хочу, чтобы вы правильно поняли ситуацию. Вы, должно быть, решили, что мы тут устраиваем какой-то заговор или что-нибудь в этом роде?

Андрей усмехнулся.

— А разве нет?

— Нисколько. Времена, когда дипломаты готовили государственные перевороты, безвозвратно миновали. Я знаю, что у вас хорошие отношения с господином Путиным... — Он выдержал драматическую паузу, внимательно наблюдая за Гумилевым. Не дождавшись никакой реакции, Браун продолжил: — И не стану просить вас держать наш сегодняшний разговор в тайне. Более того, если вы в неформальном порядке доведете до сведения премьер-министра позицию моей страны, это, возможно, поможет нашему общему делу...

— Каким же образом?

Советник перестал улыбаться. Теперь на Гумилева глядел не глянцевый доброжелательный политик, а жесткий бизнесмен, готовый раздавить конкурента.

— Есть вещи, которые невозможно произнести официально. США никогда не позволит России вернуть статус великой державы. Это противоречит нашим экономическим и геополитическим интересам. И господин Путин, и господин Медведев должны это отчетливо понимать. Не менее важно, однако, что в этой позиции нет ничего

личного — только бизнес. Поэтому мы готовы помогать вашей стране выкачивать нефть и газ из ее арктического шельфа... при условии, что Россия не будет монополистом в этой области. Донесите эту мысль до руководства России. Что же касается вашего личного интереса, то, работая с нами, вы, Андрей, можете увеличить свое состояние вдвое или втрое. То же касается и господина Беленина, хотя ваши перспективы я оцениваю выше.

— Почему же?

— Новые технологии. Бизнес господина Беленина — продавать нефть. Ваш бизнес — разрабатывать технологии для добычи нефти. Это гораздо выгоднее.

Гумилев молча смотрел на американца. Тот, приняв его молчание за одобрение, вновь заулыбался.

— Будьте в нашей команде, и вы станете новым Биллом Гейтсом!

— Благодарю, — серьезно ответил Гумилев, — но я предпочитаю оставаться самим собой.

— Что ж, — снисходительно кивнул Браун, — вы можете себе это позволить. Итак, если будете рассказывать господину Путину о нашей встрече, постарайтесь передать вот что: мы готовы помочь России добиться экономического процветания при условии отказа от притязаний на статус великой державы и монопольных прав на разработку месторождений в Арктике. Поэтому мы будем поддерживать на выборах кандидата, который поведет Россию именно этим курсом. — Он поощрительно хлопнул Гумилева по плечу. — Добро пожаловать на борт, Андрей!

ГЛАВА 8

МЕСТО, ГДЕ РОЖДАЮТСЯ МОЛНИИ

Аляска, лето 2011

Сотрудники проекта HAARP столевались в красивом одноэтажном здании под причудливо изогнутой крышей, напоминающей тренажер для роллеров или скейтбордистов. Внутри вкусно пахло жареным на гриле мясом, и у любящего поесть Ковальски рот мгновенно наполнился слюной.

Агенты подошли к длинной стойке, за которой два латиноамериканца, больше похожие на бандитов, чем на поваров, жарили на больших сковородах аппетитно шкворчащие котлеты. Улыбчивые девушки в коротеньких белых халатиках сооружали из этих котлет, помидоров и салата огромные гамбургеры, щедро поливая начинку майонезом и кетчупом.

Ковальски взял себе два гамбургера с перченой говядиной и салатом, более умеренный в еде Маккорник ограничился фишбургером с лососем. На гарнир оба взяли по здоровенной порции картошки фри, красную фасоль и сырные палочки. Нагрузив все это на широкие белые подносы, они прошли в дальний угол зала и сели за столик, расположенный у большого панорамного окна. С этой позиции им было хорошо виден весь зал, в котором, несмотря на урочное время, народу было немного.

Ковальски покрутил головой и обнаружил на противоположной стене зала панель с никелированными кранами. Кранов было восемь: два для минеральной воды, с газом и без газа, для кока-колы, пепси, спрайта и фанты, и два для пива, алкогольного и безалкогольного.

— Схожу на разведку, — заявил Ковальски.

Вскоре он вернулся с двумя бокалами золотистого пива.

— Здесь все бесплатно, — сообщил он напарнику. — Пожалуй, я не буду сильно переживать, если расследование затянется.

— Если босс оторвет тебе голову, — ухмыльнулся Маккорник, — дармовое пиво тебя вряд ли утешит. Тебе просто некуда будет его заливать.

Ковальски нахмурился, обдумывая остроумный ответ, но в этот момент к их столику подошел высокий пожилой мужчина в строгом темном костюме, и победа осталась за Бучем.

— Добрый вечер, джентльмены, — мужчина говорил с заметным немецким акцентом, — могу я составить вам компанию? Мое имя Лотар Эйзентрегер, я советник директора проекта по линии Европейского Союза.

— Разумеется, — приветливо сказал Маккорник. — Присаживайтесь, мистер Эйзентрегер. Я — Шон Маккорник, а этот большой парень — Пол Ковальски. Мы оба из ФБР.

— Я в курсе, — кивнул Эйзентрегер, пододвигая к себе стул. — Можете звать меня просто Лотар. — Усевшись и вытянув свои длинные ноги, он небрежно щелкнул пальцами. Ни Буч, ни Ковальски сначала не поняли, зачем он так сделал, но не прошло и минуты, как к их столику подбежала миловидная девушка в белом халатике и поставила перед советником большой бокал янтарного пива.

Маккорник и Ковальски переглянулись. «Да этот Лотар и впрямь важная птица», — подумали оба.

— Как вам нравится на Аляске? — спросил Лотар, отхлебнув большой глоток. Пенные клочья повисли на его рыжеватых усах.

— В целом неплохо, — откликнулся Маккорник. — А правда, что работать здесь — все равно что сидеть в огромной микроволновке?

Эйзентрегер рассмеялся.

— Это вам Стюарт рассказал? Он любит эти страшилки для новичков. Нет, реальной опасности здесь не существует. Ну, разве что вы решите прогуляться под сетью во время какого-нибудь эксперимента. Но вообще-то люди Эшбоу внимательно следят за тем, чтобы такого не случалось.

— И про мутантов вранье? — спросил Ковальски.

— Конечно. Если бы хоть у кого-то из местных родился ребенок с отклонениями, никто не стал бы здесь работать даже за тройной оклад. С другой стороны, все эти слухи — неплохая защита от докучливых гостей. Туристы сюда не спешат, так что в лесах по-прежнему полно непуганого зверья, а реки переполнены рыбой. В Европе о таком можно только мечтать.

— Вы давно здесь работаете, Лотар?

— Недавно. — Эйзентрегер отпил еще пива. — Всего три месяца. Но мне здесь очень нравится.

— А что Европейскому Союзу нужно от американского военного проекта? — поинтересовался Маккорник.

— Мы финансируем часть работ, связанных с астрофизическими исследованиями, — объяснил немец. — Программа «Дедал», слышали?

— Нет, — честно ответил Буч. — Мы ведь оперативники, в науке разбираемся слабо.

— Это не так уж существенно, — успокоил его Эйзентрегер. — Я и сам не ученый, а администратор. Но если вам интересны технические детали, я могу познакомить вас с доктором Ченом, который отвечает за научную сторону программы.

— Спасибо, мистер Эйзентрегер, это было бы прекрасно.

— Лотар, друзья, зовите меня просто Лотар. — Немец в два глотка справился со своим пивом и отставил опустевший бокал. — Вы, как я понимаю, будете расследовать смерть доктора Харриса?

Маккорник кивнул.

— Вы были с ним знакомы?

— С Джозефом? Конечно, был. Великолепный профессионал! Мы уже были знакомы заочно — еще до того, как Джо пришел в проект HAARP, корпорация, в которой я тогда работал, приглашала его протестировать системы компьютерной безопасности. Харрис выполнил работу блестяще — правда, он наотрез отказался ехать в Европу и сделал все — как правильнее сказать? — дистанционно.

— Что за корпорация? — заинтересовался Буч.

— Не думаю, что вы про нее слышали, — улыбнулся Эйзентрегер. — Это частная компания, занимающаяся информационными технологиями и консалтингом.

— Значит, вы были с доктором Харрисом в приятельских отношениях? — Ковальски, как всегда, пер напролом.

— Ну, я бы так не сказал. Джо вообще мало кого подпускал к себе. Знаете, такой тип слегка чокнутого профессора, живущего в своем мире цифр и формул... Мне кажется, ему просто неинтересно было общаться с теми, кто не разделял его страсти к математике.

— А враги у него были? — продолжал допытываться Ковальски.

— Враги? Нет, не думаю. Для того чтобы завести врагов, нужно хоть как-то общаться с людьми, вести социальную жизнь, а Джо падал в своих заоблачных высотах и на нас, простых смертных, почти не обращал внимания.

— А как насчет девушек? — спросил Маккорник. — Он что, был полным аскетом или же у него все-таки были подруги?

— Подруги? — Эйзентрегер задумался. — Ну, не могу поручиться, но мне кажется, он поддерживал близкие отношения с одной женщиной... хотя это, возможно, всего лишь домыслы.

— И что же это за женщина?

— Лайза Арчер из геофизической лаборатории. Но, повторяю, Джо был весьма скрытным парнем, так что утверждать наверняка я не берусь.

— А как вы сами полагаете, Лотар, — Маккорник доверительно до-тронулся до руки Эйзентрегера, — могли его убить? Или это все же была естественная смерть?

— Любая смерть мужчины в расцвете сил неестественна, — отрезал немец. — Джо был здоровенным негром... простите, как у вас тут принято говорить, афроамериканцем. Я не верю, что у него просто так взяло и отказалось сердце.

— Значит... — аккуратно подтолкнул его Маккорник.

— Значит, версия с убийством выглядит более вероятной. — Эйзентрегер с сожалением посмотрел на пустой бокал и поднялся. — Ищите убийцу, джентльмены. Если понадобится моя помощь — я к вашим услугам.

Он положил на стол две визитные карточки — черные, с серебряным тиснением.

— Приятно было познакомиться, Лотар, — вежливо сказал Ковальски.

Немец по-военному четко кивнул, собравшись уходить, но вдруг словно вспомнил о чем-то.

— Да, кстати, вы уже встречались с Доном Эшбоу?

— Это была довольно короткая встреча, — дипломатично ответил Маккорник.

— Вам не показалось, что он... несколько смущен происшествием с доктором Харрисом?

— Смущен? Но это естественно — он же начальник службы безопасности.

— Комплекса HAARP. А Харрис умер на озере Сильвер-Лейк, в тридцати милях отсюда. По мне, Эшбоу должен лопаться от радости, что Харрис отбросил коньки за пределами его зоны ответственности. Убийство или смерть от сердечного приступа — Эшбоу в любом случае ничего не грозит.

Агенты переглянулись.

— Спасибо, что просветили нас, Лотар, — сказал Буч. — Мы обязательно это учтем.

— HAARP — это огромная метеорологическая лаборатория, — доктор Чен обвел макет зеленым лучом лазерной указки. — Крупнейшая

в мире, хотя некоторые считают, что комплекс «Уран-4» в России не уступает HAARP по величине. Площадь антенного поля — тридцать гектаров. У нас сто восемьдесят антенн разной величины. Совокупная мощность — три с половиной миллиона ватт. Вот здесь находится радар некогерентного излучения с двадцатиметровой тарелкой. Тут — лазерные локаторы, здесь — магнитометры. Вот тут — святая святых, компьютерный центр обработки сигналов и управления антennами. Здесь, кстати говоря, работал покойный доктор Харрис.

— Скажите, док, а зачем вообще все это? — Ковальски махнул лапицей в сторону макета. — Это ведь чертова уйма денег налогоплательщиков! Неужели только ради того, чтобы точно предсказывать погоду?

Китаец вежливо улыбнулся.

— В проекте HAARP есть и гидрометеорологическая служба. Ее штат, если я не ошибаюсь, двенадцать человек.

— А остальные девятьсот восемьдесят восемь?

— В основном военнослужащие армии США. Ну и сотрудники лаборатории «Филипс», разумеется.

— «Филипс» — это ведь европейская фирма, — заметил Маккорник.

— Это не тот «Филипс», сэр. — Чен выключил указку и аккуратно убрал ее в карман. — Это кодовое обозначение секретного научного подразделения Пентагона, расположенного на базе ВВС США в Нью-Мексико. Один из объектов, находящихся в ведении лаборатории «Филипс», — знаменитая «Зона 51».

— Ого, — присвистнул Ковальски. — Это там, где держат инопланетян и их тарелочки?

Чен кивнул. Видно было, что он доволен произведенным эффектом.

— Итак, вы уже догадались, что комплекс HAARP имеет весьма отдаленное отношение к прогнозам погоды. Это прежде всего военный объект.

— Система противоракетной обороны? — предположил Буч.

— И это тоже, но главное его назначение в другом. Вы когда-нибудь слышали о Никола Тесла?

Ковальски нахмурился, припоминая, но так ничего и не вспомнил.

— Это был гениальный физик, серб по национальности. Он приехал в Америку в конце девятнадцатого века и основные свои открытия совершил здесь. К несчастью, гениальность не сделала его хорошим

бизнесменом. В конце концов все патенты на его изобретения были выкуплены другими людьми, и умер он бедняком. Теперь многие открытия Тесла приписывают другим физикам, в том числе Эдисону, но в действительности он один сделал для науки больше, чем все нобелевские лауреаты вместе взятые.

Во время Второй мировой войны Тесла предложил военному ведомству США проект нового сверхмощного оружия, работавшего на принципе беспроводной передачи энергии. Этот принцип был открыт им давно, еще на рубеже веков, но его, в отличие от других своих изобретений, Тесла не торопился запатентовать.

— Почему? — перебил китайца Маккорник.

— Полагаю, из-за страха перед возможными последствиями использования такого оружия. Представьте себе море огня, падающее с небес. Кару, постигшую Содом и Гоморру. Огненные стрелы Индры, поразившие древние города ариев. Атомная бомба, уничтожившая Хиросиму и Нагасаки, — игрушка по сравнению с оружием Тесла.

Чен сделал паузу, давая возможность своим собеседникам нарисовать в воображении картину тотального разрушения.

— Однако события, которые творились в Европе в сороковых годах, заставили его поменять свою точку зрения. Между Тесла и Пентагоном завязалась переписка... и в какой-то момент стороны были близки к соглашению. Напомню, изобретатель тогда очень нуждался в деньгах. А дальше... дальше все было очень странно. Контракт так и не был подписан, в 1943 году Тесла умер в нищете, а его бумаги, в которых описывался принцип энергетического оружия, бесследно исчезли.

— Их выкрали русские? — предположил Ковальски.

— К счастью, нет. Гораздо позже выяснилось, что Тесла завещал уничтожить их, но его душеприказчик предпочел продать записи военным — за гораздо более скромную цену, чем запрашивал сам изобретатель. Однако то, что дешево достается, дешево и ценится. Бумаги Тесла мертвым грузом лежали где-то в архивах Пентагона, пока в конце семидесятых годов их не обнаружил один любознательный полковник. Но потребовалось еще двенадцать лет и сотня экспериментов, прежде чем было принято решение о строительстве комплекса HAARP.

— Так все эти антенны...

— Да, это то самое супероружие Никола Тесла. Место, где рождаются молнии.

Никола Тесла гордился бы своими наследниками. Создание огромного комплекса излучателей, замаскированного под гидрометеорологическую лабораторию, потребовало колоссальных финансовых вложений, но результат превзошел все ожидания. Мощь ста восьмидесяти антенн, сконцентрированная в одной точке ионосферы, могла разорвать защитную оболочку Земли так же легко, как раскаленная игла прожигает дыру в тонкой целлофановой пленке. Первые эксперименты были не слишком удачны: в 2005 году вмешательство в процессы, происходящие в верхних слоях атмосферы, вызвало к жизни чудовищный ураган «Катрин», стерший с лица земли половину Нового Орлеана. Впрочем, творцы HAARP радовались: они сумели вызвать из бутылки могучего джинна, теперь осталось лишь научиться им управлять.

Второй удар был нанесен более прицельно — и по чужой территории. Гигантский смерч, возникший из ниоткуда у берегов Италии, был порождением игры с поляризацией воздушных масс, затеянной кудесниками HAARP. Игра эта, впрочем, имела неожиданные последствия: ливневые дожди, затопившие половину Европы. Но алгоритм действий понемногу прояснялся, и летом 2010 года ученые, тестировавшие HAARP, сумели вызвать аномальную жару в России. Одновременно целая команда пиарщиков трудилась над тем, чтобы отвести все возможные подозрения от комплекса в Гаконе: в изменениях климата обвиняли Гольфстрим, компанию British Petroleum, допустившую масштабную утечку нефти из подводного трубопровода в Мексиканском заливе, глобальное потепление и солнечную активность, все возраставшую по мере приближения 2012 года. Конечно, совсем скрыть роль HAARP в драматических изменениях климата не удалось — спасибо чокнутым уфологам и приверженцам теории заговора, которые, узнав об испытаниях на Аляске, сразу же заподозрили неладное. К счастью, этой публике уже давно никто не верил, поэтому, когда энтузиасты движения «Заставим правительство раскрыть правду о преступлениях инопланетян» принялись бомбардировать своих конгрессменов запросами о связи экспериментов в Гаконе с ураганом «Катрин» и разрушением Нового Орлеана, над ними просто посмеялись.

Между тем ученые, посвященные в тайны HAARP, добивались все новых и новых успехов. После эффективных опытов по управлению климатом пришел черед настоящих молний. Зимой 2011-го

наследникам Никола Тесла впервые удалось создать огромное плазменное веретено длиной семь с половиной километров — это чудо-вище родилось в верхнем слое ионосферы и просуществовало почти пять минут, прежде чем самоуничтожиться с оглушительным треском, забившим помехами все радиочастоты.

Это был грандиозный успех. Осталось лишь научиться управлять искусственными молниями — и Соединенные Штаты Америки оказались бы единственным владельцем оружия, равного которому еще не знала человеческая цивилизация.

— И эти молнии могут поразить любую цель на Земле? — недоверчиво переспросил Маккорник.

— Не только на Земле, — улыбнулся китаец. — В космосе тоже. Плазмоиды могут какое-то время существовать и в условиях вакуума. Осталось лишь придумать, каким образом направлять их на цель. Мы разрабатываем систему магнитных ловушек — что-то вроде невидимой сети из магнитных полей, в которую плазмоиды можно будет ловить, как бабочек сачком. Затем останется лишь подвести эту сеть к цели... ну а дальше плазмоид все сделает сам.

— А есть какая-нибудь защита от этих молний? — поинтересовался Ковальски.

Чен пожал плечами.

— На современном этапе развития науки — нет. Возможно, когда-нибудь... что-то вроде сверхмощных энергопоглощающих силовых полей... Но не сейчас. В этом смысле наши молнии — оружие куда более сокрушительное, чем ядерная бомба. Атомную бомбардировку можно пересидеть в очень глубоком бункере, а от семикилометрового языка плазмы не спрячешься нигде.

«Теперь понятно, почему смерть Харриса так всех переполошила, — подумал Маккорник. — Этот полигон на Аляске — новый Манхэттенский проект¹. Представляю, какая бы паника началась, если бы один из ведущих специалистов Лос-Аламоса погиб бы при столь подозрительных обстоятельствах!»

— Мистер Чен, — вкрадчиво спросил Ковальски, — а как получилось, что вы, китайский ученый, оказались допущенным к столь секретному военному проекту?

Чен беззаботно ухмыльнулся.

¹ Манхэттенский проект — кодовое обозначение атомной программы США в 40-х годах XX века.

— Точно так же, как венгерский еврей Эдвард Теллер был допущен к созданию американской атомной бомбы, а немец и офицер СС Вернер фон Браун стал отцом американской ракетной программы и запустил «Аполлон» на Луну. Сила Америки всегда была в том, что она привлекала лучших ученых со всего мира, не обращая внимания на то, откуда они родом. В Китае меня не слишком жалуют: сам товарищ Ли Сан И лично подписал приказ о моем аресте.

— Кто такой этот Ли?

— Генерал, курирующий самые перспективные научные разработки в военной области. У нас его в шутку называют китайским Берией.

— А это еще кто? — сдвинул брови Ковальски.

— Русский политик, благодаря которому Советы получили атомную бомбу всего лишь несколькими месяцами позже американцев. Так вот, генерал Ли Сан И проявляет самый живой интерес к проекту HAARP. Насколько я знаю, в Тибете в обстановке строжайшей секретности строится аналог этого комплекса. Меня пытались привлечь к этому проекту... а когда я отказался, хотели арестовать и бросить в тюрьму. К счастью, мне удалось вовремя уехать из страны.

— А почему вы не захотели работать над китайским проектом?

— Я не люблю тоталитаризм, — обезоруживающе улыбнулся Чен. — Если уж кому-то суждено получить власть над небесным огнем, то пусть это будут США — оплот демократии во всем мире.

Маккормику на мгновение показалось, что в голосе китайца произвучала весьма умело замаскированная ирония, но он тут же отогнал от себя эту мысль. Ведь всем известно, что Америка — самая свободная и сильная страна в мире. Этот узкоглазый сделал правильный выбор.

— А вы уже получили американское гражданство? — не отставал настырный Ковальски.

— Увы, пока нет. У меня «green card». Но я надеюсь, что дела пойдут хорошо и уже к концу года моя мечта осуществится.

— Давайте поговорим про доктора Харриса, — предложил Маккорник. — Насколько близко вы его знали?

— О, — сказал Чен, — боюсь, не очень близко. Он был довольно необщительным, хотя все мы, безусловно, очень уважали его как прекрасного специалиста по компьютерной безопасности. За те три месяца, что я здесь работаю, я разговаривал с ним всего два или три раза... причем исключительно на профессиональные темы.

— О защите информации? — удивился Буч.

— Да. Видите ли, меня очень беспокоила мысль о том, что генерал Ли Сан И может использовать хакеров для того, чтобы выкрасть секреты HAARP. В Китае очень хорошие хакеры, можете мне поверить. И я хотел предупредить доктора о возможности атаки с китайских серверов. Там есть некоторые технические детали, которые вряд ли будут вам интересны, но если вы все же захотите узнать больше, то все мои соображения изложены в докладных, которые я подавал мистеру Эшбоу.

— Разумеется, — сказал Маккорник, — мы захотим узнать больше. И знаете что, мистер Чен? У вас ведь наверняка сохранились копии этих докладных?

Китаец кивнул.

— Да, конечно. Если вы хотите...

— Хотим. Вы можете дать нам эти копии прямо сейчас?

— Если вы подождете пять минут. Они на ноутбуке в моей комнате.

— Слишком уж много иностранцев крутится возле этого проекта, — пробурчал Ковальски, когда Чен вышел из лаборатории. — Не нравится мне это.

— Да, — согласился Маккорник, — только русских тут не хватает. Думаешь, Харриса мог уокошить иностранный шпион?

— А почему бы и нет? Например, док мог бы узнать, что шпион по Интернету передает информацию своим хозяевам... вот тебе и мотив для убийства.

— Если бы мы писали сценарий для Голливуда, это, может, и прокатило бы. Но в жизни шпионы убивают крайне редко. Хотя ты, безусловно, прав — если Харриса все-таки убили, то причину убийства надо искать где-то в компьютерных сетях.

— Простите, что заставил вас ждать, — в дверях лаборатории появился Чен. — Здесь все мои докладные мистеру Эшбоу. — Он протянул Маккорнику маленькую серебристую флешку. — Если я могу быть еще чем-то полезен вам...

— Мы ценим вашу готовность сотрудничать, мистер Чен. Что вы можете рассказать о женщине по имени Лайза Арчер?

Казалось, китайца шокировал этот вопрос.

— О мисс Арчер? Но я полагал, вы знаете...

— О чем?

— Они с Джозефом Харрисом были любовниками. Довольно долгое время. Однако за несколько дней до смерти мистера Харриса они расстались при довольно печальных обстоятельствах.

— И где сейчас Лайза Арчер?

— Она уехала. — По лицу Чена было видно, что ему неприятно говорить на эту тему. — В Анкоридж, а может быть, и еще дальше. Сама она, насколько я знаю, из Калифорнии.

Агенты переглянулись.

— А у вас, случайно, нет ее телефона? — наугад спросил Ковальски.

— Телефона нет, однако есть адрес электронной почты. Вы запишете?

Сообщение, которое они отправили Лайзе Арчер, гласило: «Мисс Арчер, нам необходимо срочно поговорить с вами об обстоятельствах гибели хорошо известного вам доктора Джозефа Р. Харриса. Агент ФБР Маккорник».

— Ты ее только напугаешь так, — бурчал Ковальски, недовольный тем, что ему не дали поставить под письмом свое имя. — Нечего было писать про ФБР. Теперь она забытесь в нору где-нибудь в Лос-Анджелесе, а времени на ее розыск у нас нет. Придется обращаться за помощью в калифорнийский филиал, а ты знаешь, как Догерти не любит, когда мы привлекаем кого-то со стороны...

Но он ошибся. Лайза Арчер ответила через час.

ГЛАВА 9

ЛАЙЗА АРЧЕР

Аляска, лето 2011

«Мистер Маккорник, — писала она. — Я в Токантисе, в пятидесяти милях к югу. Если хотите поговорить, приезжайте. Пожалуйста, не говорите никому, что едете ко мне. Я опасаюсь за свою жизнь».

— Похоже, мы напали на след, — обрадовался Буч.

Но Ковальски по-прежнему был недоволен.

— Что это за Токантис такой? — продолжал ворчать он. — Никогда о нем не слышал... И где ее там искать? Даже адрес не удосужилась указать.

— Вполне естественно для человека, опасающегося за свою жизнь, — возразил Маккорник.

Google, однако, хорошо знал, что такое Токантис — это был крошечный поселок на берегу озера Оук-Лейк, с населением в двадцать четыре человека. Найти там Лайзу Арчер, даже не указавшую адреса, представлялось делом несложным.

Спустя полчаса Маккорник во время обеда подсел за стол к Барри Стюарту.

— Одолжите нам своего зверя, Барри? Я вожу аккуратно, а этого громилу обещаю за руль не пускать.

— Не проблема, — кивнул Стюарт. — Только если будете заправляться, сохраните для меня чек, у нас тут идиотская система отчетности.

— Конечно. Я же говорил, что Бюро оплачивает все расходы.

Стюарт протянул ему ключи от «Шевроле-Тахо».

— Далеко собрались?

— Надо поглядеть на то озеро, где ваш гений поймал свою последнюю рыбку. Кстати, Барри, а вы сами не любитель рыбной ловли?

Стюарт замахал руками.

— Шутите? Я предпочитаю ходить на марлина у берегов родной Флориды. А ловить двухголовых лососей и безглазую форель — это не по мне.

— А Харрису часто попадались рыбы-мутанты?

— Признаться, не интересовался. Зато я знаю одного эскимоса в поселке, который в прошлом году выловил двадцатифунтовую рыбину, всю покрытую белой коростой.

— По-моему, он маньяк, — сказал Ковальски, когда они выехали за ворота комплекса. — Я вообще не доверяю блондинам с бесцветными глазами. Помнишь серийного убийцу из Детройта по кличке Механик? У него были точно такие же рыбы глаза, а волосенки реденькие и белые, как пух.

— Нет, — покачал головой Маккорник. — У этого парня просто такое чувство юмора. Он полагает, что разыгрывает двух приезжих тупиц из ФБР, и ему невдомек, что он лишь выставляет себя на посмешище.

Озеро Сильвер-Лейк оказалось небольшим, но изумительно красивым — осколок голубого хрусталя в обрамлении золотых берез и стройных мачтовых сосен. Делать агентам здесь было особенно нечего: осмотр места происшествия был проведен местным коронером, и проведен тщательно. Тем не менее Маккорник остановил джип в двадцати метрах от берега, и агенты выбрались из машины размять ноги.

— Вот здесь он поставил палатку, — заметил Ковальски, наклонившись и трогая пальцем вмятины от металлических колышков. — А здесь готовил себе еду. Судя по всему, парень он был аккуратный — огородил кострище камнями.

Маккорник подошел к берегу озера, поднял плоский камешек и, примерившись, запустил его так, что он несколько раз отскочил от поверхности воды.

— Видно, боялся пожара. Не знал, бедняга, что бояться ему нужно совсем другого.

Он медленно побрел вдоль берега, внимательно поглядывая по сторонам.

— Представь, что тебе надо замочить парня, который сидит в лодке на середине озера, Пол. Что бы ты сделал?

— Залез бы на дерево, — не раздумывая, ответил Ковальски. — Взял бы винтовку «Ли-Эн菲尔д», которая бьет на полтора километра...

— И разнес бы своей жертве череп, — перебил его Буч. — Нет, я имел в виду, что бы ты сделал, если бы хотел сымитировать смерть от сердечного приступа.

— Ну, подсыпал бы парню яду в рыбную похлебку... Как эти чертобы Борджа, про которых сериал сняли.

— Яд бы обнаружили при вскрытии, — возразил Маккорник. — Кстати, это означает, что моя гипотеза с отравленной стрелкой, которой Харрису попали в лицо, тоже не прокатывает. Если только это

был какой-то очень специальный яд... быстро рассасывающийся и не оставляющий следов...

— Шпионские штучки, — фыркнул Ковальски. — Я же говорил, Харриса угробили иностранцы.

— Может быть, — задумчиво проговорил Маккормик. — А может быть, тут было что-то поинтереснее яда.

Он наклонился и поднял из травы металлический цилиндр, тускло блеснувший в лучах северного солнца.

— Гильза, — удивился Ковальски. — Хороши же местные копы, если не обнаружили такой вещдок!

— Если только эта гильза не очутилась здесь позже. Впрочем, это все равно не улика — Харриса ведь не застрелили. Однако нам она может пригодиться.

Агенты тщательно обшарили берег, но больше ничего подозрительного не отыскали. Солнце зависло уже над самым горизонтом, но дальше опускаться не собиралось.

— Поехали дальше, — решил Маккормик. — Боюсь, мисс Арчер нас заждалась.

— Напиши ей, — посоветовал Ковальски, — скажи, что мы будем часа через полтора. И спроси заодно, где ее искать.

— Вот сам и пиши, — Буч сунул напарнику айпад. — Я обещал не подпускать тебя к рулю.

На это сообщение Лайза Арчер не ответила.

— Ты просто не умеешь обращаться с дамами, — хмыкнул Маккормик. — А если ты еще и подписался «Агент Ковальски», она наверняка решила, что это какой-то розыгрыш.

— Я не идиот, — оскорбился Пол. — Я вообще не стал подписываться.

— Еще лучше, — вздохнул Буч. — Как же она поймет, что ей пишут хорошие ребята из ФБР, а не плохие парни, от которых она скрывается?

На часах было уже начало одиннадцатого, но темнее вокруг не становилось. Багровый шар солнца зловещим светом заливал антрацитовые склоны гор на западе. Ели, росшие на склонах обрамлявших дорогу холмов, казались выкованными из черного чугуна.

— Теперь я понимаю, почему тот коп едва не сошел с ума, — сказал Ковальски. — Мы здесь всего два дня, а я от этого бесконечного света уже на стенку готов лезть.

— Уже два дня, — поправил Маккормик. — И с каждым днем вероятность получить от босса выволочку вместо благодарности становится все больше.

Токантиса они достигли к половине двенадцатого ночи. Крохотный поселок, прилепившийся к склону холма над черными водами Дубового озера, уже спал. Свет горел только в окнах бревенчатого дома с вывеской «Бар Эдди».

— Если мисс Арчер нас ждет, — сказал Буч, — то она, скорее всего, находится в этом заведении.

Он припарковал джип напротив «Бара Эдди» и пружинистым шагом взбежал на крыльце. Ковальски, на всякий случай оглянувшись по сторонам, последовал за ним.

Бар Эдди в этот час был набит битком — насколько вообще может быть полон единственный бар в поселке с населением в двадцать четыре человека. Сидевшие в темноватом прокуренном зале с низким закопченным потолком мужчины выглядели довольно свирепо.

— Похоже, тут мало что изменилось со времен золотой лихорадки, — хмыкнул Буч. — И чужаков здесь явно не жалуют.

Взгляды, которыми встретили вошедших завсегдатаи «Бара Эдди», доброжелательными назвать было трудно. Ковальски едва не споткнулся о чью-то выставленную из-под столика ногу. Маккорник изящно увернулся от толстяка, пытавшегося задеть его жирным плечом. В конце концов они добрались до потемневшей от бесчисленных галлонов пролитого пива дубовой стойки, за которой полировал полотенцем бокалы бармен — невысокий худощавый брюнет со шрамом над левой бровью.

— Мы закрываемся через полчаса, — сообщил он агентам. — Если будете что-то пить, делайте это побыстрее.

Маккорник бросил на стойку двадцатидолларовую купюру.

— Имбирный эль и колу для моего друга.

— Сожалею, — по тону бармена было понятно, что на самом деле никакого сожаления он не испытывает, — в нашем баре нет безалкогольных напитков.

— Вот как? — удивился Буч. — Что ж, в таком случае два пива.

— Пива у нас тоже нет, — все так же бесстрастно отозвался бармен.

— А что, в таком случае, пьют все эти люди?

— Они пришли раньше.

В это время толстяк, едва не задевший плечом Маккорника, грохнулся о стойку пустой кружкой и заорал:

— Эдди, еще пива!

— О'кей, Лью, — как ни в чем не бывало сказал бармен и сноровисто наполнил его кружку золотистым напитком. — С тебя два бакса.

— Значит, пива у вас нет? — с холодной улыбкой поинтересовался Маккормик.

— Смотря для кого, — теперь бармен смотрел на агентов с нескрываемой неприязнью. — Поселок у нас маленький, незнакомцев не любят. Так что, парни, лучше вам поискать другое место для выпивки.

— Мы сюда не пить приехали, — мрачно произнес Ковальски.

— Тогда тем более делать здесь вам нечего, — бармен отвернулся.

— Мы ищем женщину по имени Лайза Арчер, — сказал Маккормик. — Нам известно, что она здесь, в Токантисе.

В то же мгновение в спину ему уперлось что-то холодное и твердое. Буч был достаточно опытным оперативником, чтобы узнать ствол винчестера.

— Не дергайтесь, парни, — произнес чей-то весьма неприятный голос. — На вас направлено шесть стволов.

— Семь, — поправил бармен, ныряя под стойку. Вынырнул он уже с дробовиком в руках. — А теперь отвечайте, только быстро и честно: зачем вам понадобилась мисс Арчер?

Маккормик слотнул слону. Удивительно неприятное ощущение — дуло винтовки между лопатками.

— Только без глупостей, — сказал он хрипло. — Мы — федеральные агенты. Вы можете взять удостоверение у меня во внутреннем кармане и убедиться сами.

— Что ж, — усмехнулся бармен, — надеюсь, ты не носишь в пиджаке осиное гнездо.

Он вытащил удостоверение ФБР и внимательно рассмотрел его под светом спрятанной в жестяной колпак лампы.

— Агент ФБР Маккормик, — бармен причмокнул губами. — Так это ты писал нашей Лиз?

— Я, — не стал спорить Буч. — Вижу, у нее тут нет недостатка в защитниках.

— У тебя бы тоже не было, если б ты родился в Токантисе, — скривился Эдди.

— Я слышал, мисс Арчер родом из Калифорнии.

За спиной Маккормика кто-то хохотнул.

— Когда малышке Лиз было десять, ее отец получил работу в Сан-Франциско. Но половина тех, кто сидит сейчас в этом баре, росли и играли вместе с ней.

— Тогда уберите ваши пушки, парни, — рявкнул Ковальски. — Я уж не говорю о том, что это преступление — угрожать оружием федеральным

агентам. Мы приехали разобраться, что произошло на этом чертовом объекте HAARP и почему мисс Арчер пришлось скрываться!

— Откуда нам знать, что ты не врешь, здоровяк? — спросил бармен. — Лиз была чертовски напугана, когда вернулась с этой вашей станции, или как ее там. Она говорит, что ей угрожали, а кто мог ей угрожать, если не агенты правительства? Все знают, что HAARP — правительственный лавочки и рулят там вояки. Может, вы приехали, чтобы забрать нашу Лиз и отвезти ее в федеральную тюрьму?

— Мы расследуем убийство, — сказал Маккорник. — Мисс Арчер, возможно, знает что-то, что может привести нас к убийцам. Если мы их возьмем, то ей нечего будет бояться.

После этих слов в баре повисло напряженное молчание. Потом чей-то голос за спиной Буча произнес:

— Эй, Эдди, тебе не кажется, что нужно спросить саму Лиз?

— Прекрасная мысль. — Маккорник вымученно улыбнулся. — В конце концов, она сама нас сюда пригласила.

— Кто-нибудь, приведите мисс Арчер, — распорядился Эдди. Свой дробовик он по-прежнему держал направленным в грудь Ковальски.

Лайза Арчер оказалась миловидной брюнеткой лет тридцати пяти, обладательницей больших синих глаз и спортивной фигуры. Высокие, резко очерченные скулы придавали чертам ее лица нечто индейское.

— Это вы мне писали, мистер Маккорник? — спросила она вместо приветствия.

— Да, я. — Буч кивнул бармену. — Эдди, будьте любезны, покажите мисс Арчер мое удостоверение.

— Погляди, Лиз. Печать, голограмма — все вроде настоящее.

Женщина перевела взгляд с фотографии на удостоверении на лицо Маккорника.

— А кто этот второй?

— Агент Ковальски, — буркнул Пол. — У меня тоже есть красивая бумажка, только никто не попросил меня ее показать.

— Ну, хорошо, — вздохнула Лайза Арчер, возвращая удостоверение. — И зачем вы хотели меня видеть, господа федеральные агенты?

— Поговорить о гибели доктора Харриса. Мы расследуем обстоятельства этого дела. Вы уверены, что хотите обсуждать его в присутствии этих достойных джентльменов?

По красивому лицу мисс Арчер проскользнула тень неуверенности.

— Эдди, похоже, это не те ребята, которых я опасаюсь. Можешь опустить свой ствол.

Бармен скрчил недовольную гримасу, но убрал дробовик обратно под стойку.

— Мы сядем вон за тот столик, — распорядилась Лайза. — Никто не будет мешать нашему разговору, но если кто-то из вас решит выкинуть фокус, до двери он не доберется, обещаю.

— Мистер бармен сказал, что заведение закрывается через полчаса, — заметил Буч. — Боюсь, мы не успеем обсудить все интересующие нас вопросы.

— Он пошумил. Бар Эдди работает до последнего посетителя.

Бармен, не спрашивая, выставил на стойку три бокала с пенистым пивом и тарелку с соленой рыбой. Мужчины, только что державшие агентов на прицеле, как ни в чем не бывало уселись за свои столики и вернулись к прерванным разговорам.

— Прошу извинить за холодный прием, джентльмены. Половина мужчин в Токантисе когда-то была в меня влюблена, а некоторые до сих пор не теряют надежды на мне жениться.

«То есть примерно дюжина», — подумал Маккормик, вспомнив данные о демографии Токантиса.

— Бармен Эдди наверняка один из них, — с улыбкой предположил он.

— Нет, он как раз никогда не испытывал ко мне никаких чувств, кроме родственных. Эдди — мой двоюродный брат.

— Как же вышло, что никто на объекте HAARP не знал, куда вы деллись? Нам сказали, что вы уехали в Анкоридж...

— Так оно и было — поначалу. Но из Анкориджа я вернулась сюда. Здесь, по крайней мере, есть люди, готовые за меня вступиться. Впрочем, я уверена, что те, кто убил Джорджа, прекрасно знают, где я прячусь.

— Почему вы думаете, что доктора Харриса убили? — нахмурился Ковальски.

— Потому что я знаю. И сам Джордж знал, что ему угрожает смертельная опасность, поэтому и заставил меня инсценировать нашу ссору.

— Так вы на самом деле не расставались? — удивился Буч.

Лайза помрачнела.

— Я не поверила Джорджу. Решила, что он ищет повод, чтобы порвать со мной. Мы действительно поссорились... я наговорила ему кучу обидных слов. Надо было знать Джорджа — он и так-то боялся всего, что связано с отношениями между людьми, а услышать такое от близкого человека... для него это был просто шок. После этого

ни о каком примирении уже не могло быть и речи. Но, может быть, я все-таки смогла бы вернуть Джорджа... если бы они не добрались до него раньше.

— Они? — переспросил Маккормик.

— Так Джордж говорил. Он всегда употреблял слово «они». Думаю, под конец он их вычислил... вот они и поторопились от него избавиться.

— А вы не знаете, что «им» было нужно от доктора Харриса, мисс Арчер?

Лайза пожала плечами.

— Понятия не имею. Я не очень-то разбиралась в его работе. Думаю, что какие-то секретные сведения, которые они не могли вытащить из локальной сети HAARP. Джордж знал, что кто-то пытается взломать компьютеры комплекса. У него были подозрения... вот только он ни с кем ими не делился.

— Даже с вами?

— Даже со мной. Я была его подругой почти год, а знала о нем только то, что можно прочитать в «Википедии».

— Расскажите нам о докторе Харрисе, — попросил Буч. — Каким он был? Мы знаем, что его считали гением, знаем, что он был социопатом. Но больше, пожалуй, ничего.

— Каким он был? — Лайза задумалась. — Так, в двух словах, не опишешь. Он был добрым, хорошим... но в то же время бесконечно отстраненным. Мы занимались любовью, а потом, пока еще простины не успевали просохнуть от пота, он садился голый за свой ноутбук и с головой погружался в решение своих математических задач. Другие мужчины отворачиваются к стене и засыпают, а Джордж решал задачки, понимаете? Ум у него был острым и очень ясным, движения — экономными и точно рассчитанными...

Она замолчала, и Ковальски решил прийти ей на помощь.

— Полагаю, он был аккуратистом, мисс Арчер.

— Он был не просто аккуратист, — вздохнула Лайза. — Он был страстным приверженцем ритуалов. Если он отправлялся на рыбалку, то поочередно или на Сильвер-Лейк, или на Изумрудное озеро. Палатку всегда ставил в одном и том же месте. Неизменно надевал спасательный жилет, хотя неплохо умел плавать. В личной жизни он тоже постоянно руководствовался ритуалами.

— Об этом знали только вы? Или же его особенности были известны и другим сотрудникам HAARP?

Казалось, Лайзу смущил этот вопрос.

— Ну, полагаю, кое о чем люди догадывались.

— Например, о привычке доктора Харриса выпивать перед сном полбутылки шотландского виски? — подсказал Ковальски.

— Откуда вы... — начала женщина и осеклась, встретив холодный взгляд Маккормика.

— Мы читали ваши донесения мистеру Эшбоу. Вы шпионили за своим любовником по приказу начальника службы безопасности HAARP.

Лайза бросила быстрый взгляд через плечо на внимательно наблюдавшего за ними бармена, и на мгновение Маккормику показалось, что она прикажет выкинуть обоих агентов на улицу. Но ничего такого женщина не сделала.

— Я не шпионила, — слегка понизив голос, ответила она. — Просто на объекте HAARP такие правила. Все, поступающие на работу, подписывают специальный договор... там указано, что они должны информировать службу безопасности о поведении своих коллег. Я не делала ничего, что могло бы пойти во вред Джорджу...

— Почему-то я сомневаюсь, что доктор Харрис писал такие же донесения на вас, — усмехнулся Буч. — Что заставило вас работать на Дона Эшбоу, Лайза?

Минуту мисс Арчер молчала, потом решительно откинула со лба прядь черных волос.

— Год назад люди Эшбоу обнаружили у меня в комнате косяк с марихуаной. Тогда я не знала, что служба безопасности имеет право проводить негласные обыски в комнатах сотрудников. Эшбоу сказал, что меня выгонят с работы... и предложил альтернативу. Я согласилась... а что мне было делать?

— С доктором Харрисом вы тоже сблизились по приказу Эшбоу? — спросил Ковальски.

Лайза метнула на него гневный взгляд.

— Конечно нет! Просто, когда мы стали близки, Дон попросил меня присматривать за Джорджем... для его же пользы. Я старалась... А потом, когда Джорджа убили, пришла к Эшбоу просить у него защиты... А он сказал, что это был сердечный приступ, что мне ничего не грозит. Ему просто до смерти не хотелось признавать, что у него под носом сидят убийцы и заговорщики, ведь это значило подставить свою задницу, а на меня ему было наплевать. Тогда я уехала... спряталась в этой глупши. Но рано или поздно они найдут меня, я знаю.

Поэтому-то я и согласилась встретиться с вами. Может, хотя бы ФБР сумеет найти убийц.

Маккорник внимательно посмотрел на нее.

— Не сомневайтесь, мисс Арчер, мы их найдем.

Полковник Лоренс Батчер оказался коренастым коротко стриженным здоровяком с расплющенным носом и маленькими, острыми, как буравчики, глазками. Он принял агентов в прекрасно оборудованном спортзале собственного коттеджа, крутя педали навороченного велотренажера.

— Харрис? — переспросил он. — Ну, со штатским персоналом я почти не пересекаюсь. Так, пару раз в баре перекинулись парой фраз... Он ведь завзятый рыбак был, доктор, а я тоже иногда люблю потаскать лосося, хотя я больше по охоте. Но приятелем он мне не был, если вы это имеете в виду.

— Как вы думаете, полковник, — спросил Маккорник, — кто из персонала комплекса мог бы хотеть смерти Джозефа Харриса?

— Смерти? — переспросил полковник, не переставая крутить педали. — Разве что Голди Линдер, который проиграл ему в покер пятьсот баксов.

— Мы не шутим, сэр, — вступил в разговор Ковальски. — У нас есть серьезные подозрения, что доктора Харриса убили. К тому же сам доктор имел основания предполагать, что некие злоумышленники пытались взломать компьютерную систему HAARP. Как вам, должно быть, известно, его главной обязанностью была защита компьютерной безопасности комплекса...

Малоподвижное лицо полковника Батчера закаменело окончательно.

— Проклятье, джентльмены. Вы хотите сказать, что кто-то залез в локальную сеть HAARP?

Маккорник пожал плечами.

— Мы оперативники, сэр, а не специалисты по компьютерам. Но такой вариант не исключен. Могу ли я узнать, сэр, что именно вас так встревожило?

Батчер бросил руль и слез с тренажера.

— Насколько я понимаю, джентльмены, у вас есть допуск высшей категории, не так ли?

Вместо ответа Буч продемонстрировал бумагу, подписанную директором ФБР.

— Отлично. Тогда я могу сказать, почему я так, мать вашу, встревожен. Подходящее слово — «встревожен». В девяносто третьем году в Сомали я был так же встревожен, джентльмены.

Потому что если какой-то сукин сын влез в сеть HAARP, это значит, что он мог выкрасть секреты самого мощного оружия за всю историю человечества.

— Излучатели Тесла?

— Излучатели? — хмыкнул полковник. — Пойдемте, я покажу вам, что это такое.

Он энергично вышел из спортзала, и агентам ничего не оставалось делать, как последовать за ним.

— Садитесь, джентльмены, — Батчер выкатил из гаража открытый электрокар, — я отвезу вас туда, где с самого сотворения мира не был еще ни один федеральный агент.

Когда Маккорник и Ковальски уселись в электрокар, полковник направил машину к стоявшему в отдалении белому куполу. Вокруг купола, на расстоянии около ста метров, размещались металлические столбики с утолщенными навершиями.

— Датчики движения, — объяснил полковник. — Если вы попробуете войти в купол, они поднимут жуткий вой. А отключить их могут только два человека во всей Гаконе — я и Дон Эшбоу.

Он с самодовольным видом щелкнул кнопкой висевшего у него на поясе пульта, похожего на брелок от сигнализации.

— Это самое охраняемое место на всей территории комплекса. Отсюда мы можем поразить плазменным лучом любую цель на планете. Собственно говоря, именно существование объекта HAARP обеспечивает Соединенным Штатам абсолютное военное превосходство над любым противником. Сейчас я покажу вам, что это такое.

Дежурившие у входа солдаты отдали им честь. Полковник вновь нажал кнопку на брелке, и белые двери купола бесшумно раскрылись перед ними.

— Здесь мы играем в богов, — хмыкнул Батчер.

Он провел агентов по длинному коридору с прозрачными стенами. За стенами располагались одинаковые квадратные помещения со шкафами и рабочими столами. Проходя мимо одного из них, полковник остановился и небрежно ткнул пальцем в высокий металлический шкаф.

— Излучатели Тесла хранятся здесь. Это сущая безделица по сравнению с тем, что представляет собой HAARP.

— А можно взглянуть? — заинтересовался Маккорник.

— Пожалуйста, — Батчер пожал плечами и открыл стеклянную дверь. — Разработка не слишком интересная, но для охоты на дичь средних размеров, пожалуй, то, что надо.

Он извлек из шкафа устройство, похожее больше на портативную кинокамеру, чем на оружие. Маккорник обратил внимание на прозрачный голубоватый диск, которым заканчивался его толстый «ствол».

— Ультразвуковой излучатель Тесла, — объяснил полковник. — Разрабатывался, как несмертельное оружие для миротворческих сил и разгона демонстраций. Но оказалось, что он выводит из строя кардиостимуляторы, и вообще небезопасен для здоровья, и проект в результате передали нам. Мы его несколько усовершенствовали, хотя на лося или на гризли я бы с ним все равно не пошел...

Он аккуратно убрал оружие в шкаф и запер дверцу.

— Это все игрушки. А теперь я покажу вам настоящее оружие, джентльмены.

Одна из стен большого помещения, куда полковник привел Маккорника и Ковальски, представляла собой огромный плазменный экран. Батчер включил компьютер, и перед агентами предстала медленно поворачивающаяся вокруг своей оси модель земного шара, плывущего в космической пустоте.

— Преимущество плазменного оружия в том, что современные средства обнаружения против него бессильны. Выглядит это так: в верхних слоях атмосферы начинает скапливаться мощнейший заряд электричества. Наблюдатели фиксируют образование грозового фронта, и только. При этом энергия, которая затрачивается на создание плазмоида, на порядки меньше той энергии, которая выделяется в виде тепла и света при его разрушении. Проще говоря — вкладываем цент, получаем сто баксов. Смотрите, джентльмены!

Полковник пробежал пальцами по клавиатуре. На голубой сфере Земли над Восточной Европой появилось небольшое темное пятнышко.

В другой части экрана возник город — широкие проспекты, зеленые парки, церкви, не похожие ни на протестантские храмы, ни на католические соборы. Над их золотыми маковками небо наливалось густо-фиолетовым цветом.

— Образование плазмоида над Москвой, — пояснил полковник Батчер.

Прошло несколько минут, и из нависшей над городом грозовой тучи ударили ослепительный луч белого света, в котором исчезли дома, машины, парки и люди. Город, на мгновение ставший просвещивающим насквозь призраком себя самого, превратился в гору сожженных руин.

— Вот что такое оружие HAARP, — в голосе полковника звучала гордость. — Теперь вы понимаете, почему я встревожен тем, что кто-то мог добраться до наших секретов? А если это были проклятые русские?

— Кстати, а почему у вас на компьютере смоделировано именно уничтожение Москвы? — спросил Буч. — Мы же вроде бы теперь друзья?

Полковник жестко усмехнулся.

— Это государственная тайна, но раз у вас высший уровень допуска, я скажу вам. В Пентагоне разработан сверхсекретный план «Гоморра», который предусматривает уничтожение Москвы, Пекина и Тегерана — в течение всего лишь получаса! Таким образом, в случае необходимости мы выбиваем зубы сразу трем государствам, которые теоретически могут бросить нам вызов. Одна показательная порка — и больше никто на планете не посмеет посягать на лидерство Соединенных Штатов Америки!

Буч посмотрел на экран, на котором по-прежнему дымились развалины Москвы.

— Скажите, полковник, а этот план «Гоморра»... у вас есть к нему доступ?

— Разумеется, — кивнул Батчер. — Мы постоянно проводим контрольные тесты, моделируем различные ситуации, испытываем новые методики... Но он отлично защищен. Доктор Харрис специально следил за этим. Уж не хотите ли вы сказать?..

— Вот именно, — сказал Маккорник. — Вот именно.

ГЛАВА 10

IT'S A SIN¹

Подмосковье, июль 2011

«Мне нужно подумать, — сказал себе Гумилев, глядя на удаляющуюся спину американца. — Просто спокойно посидеть и проанализировать ситуацию. Почему Беленин так хотел, чтобы я приехал на этот дурацкий прием? Потому что его просили об этом очень серьезные люди. Вряд ли под «очень серьезными людьми» Беленин имел в виду Уткина и Кальмарова. Значит, это была личная просьба советника Брауна. Но почему на визите к Беленину настаивала Катарина?»

Если Катарина получала инструкции непосредственно от Марии фон Белов, это могло означать лишь одно: прятавшийся во льдах Арктики Четвертый Рейх каким-то образом поддерживал отношения с Вашингтоном. Это выглядело безумием, но другого объяснения сегодняшней встрече Андрей не находил.

«Нет, — думал он, — этого не может быть. Американцы не станут иметь дело с выжившими из ума потомками нацистов. Хотя... если это по каким-то причинам им выгодно... Приютили же они у себя Вернера фон Брауна, закрыв глаза на его эсэсовское прошлое...

Стоп, — сказал он себе. — Почему я так уверен, что Катарина выполняет указания одной только Марии фон Белов? Кто может поручиться, что не существует некоей неизвестной мне силы, которая использует ее, чтобы управлять мной, как марионеткой?»

Да, это было возможно. Гумилев до сих пор не знал, какой канал связи Катарина использует для получения своих инструкций. Впрочем, именно сегодня у него был шанс раскрыть эту тайну.

Две недели назад Гумилев получил отчет от руководителя одной из лабораторий, разрабатывавших технологические новинки по заказам силовых структур. В отчете шла речь о создании миниатюрных передатчиков, которые фактически заменяли собой службу наружного наблюдения. Эти электронные «жучки» не только отслеживали все перемещения объекта, за которым велась слежка, передавая данные

¹ «Это грех» — название композиции группы Depeche Mode.

на спутник, но и транслировали все звуки в радиусе пяти метров. Оперативникам оставалось лишь глядеть на монитор и регулировать чувствительность микрофона.

Разработка получила кодовое название «клещ»; эксперты, чьи мнения приводились в отчете, прочили ей большое будущее.

Разумеется, подобная техника уже давно входила в арсенал спецслужб многих стран, однако «клещ» обладал двумя оригинальными достоинствами. Во-первых, в отличие от большинства «жучков», непрерывно передающих информацию в эфир, он оцифровывал данные и «выстреливал» их сжатыми пакетами, благодаря чему его было почти невозможно засечь специальными сканерами — такими, например, которыми пользовалась Катарина, проверяя машину Андрея. Во-вторых, «клещ» был чрезвычайно мал — размером с маленькую горошину. Будучи активированным, он начинал выделять липкую бесцветную жидкость, намертво приклеивающую его к любой ткани, металлу или коже.

Изучив отчет, Гумилев убрал его в сейф и некоторое время сидел, глядя на раскинувшийся за панорамным окном кабинета город. Когда-то он представлял себя пилотом звездолета, рвущегося к далеким мирам. Теперь рубка космического корабля превратилась в камеру с невидимыми, но от того не менее грозными тюремщиками. Андрей был уверен, что все его телефоны прослушиваются. Катарина несколько раз была у него в кабинете; кто знает, какую аппаратуру она здесь установила? Конечно, Гумилеву достаточно было отдать приказ верному Саничу, и все микрофоны и камеры были бы тут же найдены и уничтожены, но Катарина уже давно предупредила Андрея, что любые его попытки избавиться от наблюдения немедленно скажутся на Марусе и Марго.

Это случилось на третий месяц их странной совместной жизни. Гумилев обнаружил в своем домашнем компьютере программу-шпион, копирующую все, что он набирал на клавиатуре. Программа была хорошо спрятана и надежно защищена, но Андрей сумел расколоть ее и стереть с жесткого диска.

Спустя три дня Катарина принесла ему магнитофонную кассету. Старую кассету AGFA — Андрей последний раз видел такие еще в девяностых. Слушать ее было не на чем, и Гумилеву пришлось заказывать на интернет-бараходке антикварный магнитофон «Шарп».

На кассете была десятиминутная запись, но Андрей не нашел в себе сил дослушать ее до конца.

Запись представляла собой мешанину случайных звуков — металлического звяканья каких-то инструментов, приглушенных голосов, бубнивших что-то по-немецки, стука тяжелых предметов, которые кто-то куда-то тащил. На фоне этих звуков на кассете были записаны крики. Кричала женщина — так кричат от ужаса или дикой боли. Андрей узнал ее голос. Это была Марго.

— Это предупреждение, — сказала Катарина, когда он, белый, как бумага, вошел в ее комнату с кассетой в руках. — Твоей подруге не причинили никакого вреда. Но если ты еще раз сделаешь что-то, что помешает мне наблюдать за тобой, ей отрежут большие пальцы на руках. Я не могу тебе ничего запрещать, но, если ты не уступишь, винить тебе придется только себя самого.

И Андрей уступил.

С тех пор он не предпринимал попыток избавиться от недреманного ока Катарины. Смирился с тем, что все, о чем он договаривался со своими партнерами по бизнесу, становилось известно его надсмотрщице. Разговаривая по телефону, автоматически делал поправку на то, что каждое его слово услышит Катарина, а возможно, и Мария фон Белов. В конце концов Гумилев привык жить в стеклянном доме и не позволял себе ничего, за что пришлось бы расплачиваться Марусе или Марго.

Но сейчас он почти решился на мятеж.

Женщина, скрывавшаяся под личиной Марго, контролировала многое, но была не в силах уследить за всем. Корпоративную документацию она отслеживать не могла: слишком велик был объем. То, что приходило Андрею на почту, она, разумеется, читала, но отчет о «клеще» не уходил в локальную сеть и существовал только в виде файла на компьютере руководителя лаборатории и в распечатке, лежавшей у Гумилева в сейфе.

Тем вечером Андрей засиделся на работе допоздна. Когда последние сотрудники покинули здание, он спустился на восемнадцатый этаж, где располагалась лаборатория спецтехники, и открыл ее своим универсальным ключом.

«Клещи», похожие на крошечные оливки, лежали в прозрачных пластиковых сотах. Опытная партия насчитывала двести пятьдесят устройств, и Гумилев надеялся, что пропажу одного «клеща» обнаружат не сразу. Он поддел ногтем одну «оливку» и положил на ее место шарик из зеленого пластилина. Набор для художественной лепки он давным-давно купил Марусе, да так и забыл у себя в кабинете. Теперь пластилин пригодился.

Гумилев, конечно, понимал, что камеры, стоявшие в здании на каждом шагу, зафиксировали подмену. Но эту проблему решить не составляло труда — верный Санич без лишних вопросов уничтожит запись, достаточно лишь намекнуть.

Оставалось еще решить вопрос с приемником. Для работы с «клещом» требовался мощный ресивер с компьютером, способным расшифровывать пакеты сигналов. Таких приемников, как указывалось в отчете, было собрано всего три, и пропажа одного из них явно не прошла бы незамеченной.

На следующий день Андрей вызвал к себе Санича. Робокоп, как называли за глаза начальника службы безопасности компании, явился в ту же минуту, словно специально дежурил в приемной. Высокий полноватый блондин с добродушным, слегка одутловатым лицом, Санич был отставным офицером спецназа ГРУ. Он побывал во многих горячих точках, получил немало наград и еще больше ранений, а со второй чеченской войны вернулся инвалидом. Кто-то из знакомых рассказал о судьбе героического офицера Гумилеву, и Андрей, уважавший людей его профессии, предложил Саничу пройти ряд экспериментальных операций в клинике корпорации. Олегу заменили титановыми протезами несколько поврежденных костей, поставили сервопривод на искалеченную левую руку, имплантировали искусственную почку вместо пробитой пулей чеченского снайпера и провели еще с десяток операций, превративших его в настоящего киборга. Вновь почувствовавший себя молодым и сильным, Санич пришел к Гумилеву и заявил, что поскольку он обязан ему своей второй жизнью, то эта жизнь отныне принадлежит Андрею. Гумилев взял Олега на работу — сначала консультантом по безопасности, а потом, увидев, что отставной спецназовец не только предан, но и крайне толков, сделал его начальником службы безопасности компании.

— Что там у нас с вертолетной площадкой? — спросил он, когда Санич вошел в его кабинет.

Олег удивился.

— А что с ней может быть, Андрей Львович? Все в порядке.

Гумилев едва заметно подмигнул ему.

— А мне пилоты жаловались, что с освещением проблемы. Что скажешь?

Санич, уловив намек, пожал широкими плечами.

— Да что там говорить, Андрей Львович. Давайте поднимемся да и посмотрим.

— Дай только мне свою куртку, — барственным тоном приказал Гумилев. — Там такой ветер на крыше — хуже, чем в Арктике.

Он надеялся, что это прозвучало правдоподобно.

На крыше действительно гулял ветер, но здесь, по крайней мере, точно не было подслушивающих устройств.

— Вот что, Олег, — наклонившись к самому уху Санича, сказал Гумилев. — Пошли толковых техников в лабораторию к Арзуманяну, пусть разберутся, что за ресивер он там собрал для своих шпионских игрушек. Скажешь, что твоей службе такой нужен.

— Понял, Андрей Львович, — кивнул Робокоп. — Как вам его передать?

— Да никак. Оставиши у себя в кабинете. Я сам к тебе, когда нужно будет, заеду и заберу.

— Сделаем, — сказал Санич, и Гумилев перестал думать об этой проблеме. Когда Робокоп говорил «сделаем», единственным форс-мажором, который мог помешать ему выполнить обещанное, был конец света.

И вот ресивер, собранный по схеме Арзуманяна, уже две недели стоит в кабинете Санича, а бусинка «клеща» без дела болтается в пузырьке с валидолом, который Андрей все время носит с собой — после возвращения из Арктики у него стало прихватывать сердце. А Гумилев все никак не может выбрать подходящий момент, чтобы воспользоваться этой супертехникой и раскрыть наконец тайну Катарины.

«Сегодня, — решил он, нащупав в кармане пузырек с валидолом. — Сегодня самый подходящий для этого момент. Катарина наверняка обязана доложить своим хозяевам о том, что я выполнил их приказ и вошел в число заговорщиков. И вряд ли она станет с этим тянуть. Если я сумею незаметно посадить ей «клеща», то уже завтра узнаю, каким образом она получает инструкции и передает свои донесения».

Он вдруг почувствовал азарт — давно забытое ощущение, из тех времен, что предшествовали катастрофе «Земли-2» и плену на базе «Туле». Надпочечники выплеснули в кровь дозу адреналина, и черно-белый, выцветший мир вокруг вновь заиграл яркими красками.

«Сейчас нужно позвонить ей, — сказал он себе, — спокойно спуститься вниз и рассказать о встрече в библиотеке. Затем выпить по бокалу шампанского за состоявшуюся сделку... и незаметно прикрепить «клеща»... вот только куда?»

Платье? Самый простой вариант, но что, если Катарина отправится на встречу со связником не сразу, а заедет домой и переоденется?

Сумочка? Она с ней почти никогда не расстается, но зато тщательно проверяет. Туфли? Катарина меняет их чаще, чем носовые платки. Нет, похоже, что сумочка — единственный надежный вариант, только нужно каким-то образом спрятать «клеща» под подкладку.

Размышляя таким образом, Андрей медленно шел по коридору, уводящему от библиотеки в западное крыло дома. Веселье внизу было в самом разгаре: с первого этажа доносились звуки музыки, смех гостей и звон бокалов. Здесь же, наверху, не было ни души: Беленин позабочился о том, чтобы встреча заговорщиков прошла вдалеке от посторонних глаз и ушей.

Вдруг перед ним, как чертик из табакерки, вырос ражий молодец в белой косоворотке, двойник Валентина с парковки.

— Заблудились, милостивый государь? Позвольте проводить в залу.

Молодец улыбался во все тридцать два зуба, но что-то в его лице подсказывало Андрею: он здесь вовсе не для того, чтобы указывать дорогу заблудившимся гостям. Точно такие же молодцы дежурили на лестнице, по которой Гумилев поднимался в библиотеку.

— Арктика, — наудачу сказал Андрей, но парень, не переставая улыбаться, покачал головой.

— Это не здесь, милостивый государь, а там, откуда вы изволили прийти.

«Похоже, здесь еще какое-то тайное собрание, — подумал Гумилев, — и на него меня не пригласили. Ну и ладно, хватит с меня этих тайн мадридского двора...»

— Позвольте проводить, — настойчиво повторил охранник.

— Не утруждайся, — холодно сказал Андрей. — Я и сам найду дорогу.

Он повернулся и пошел назад. Но, дойдя до лестницы, неожиданно для самого себя не стал спускаться на первый этаж, а поднялся на третий.

Это был не полноценный этаж, а скорее, мансарда под скошенной крышей. Здесь стояло два бильярдных стола — для русского бильярда и для пула, — кожаный диван и три высоких кресла. Между креслами располагался низкий курительный столик с тяжелыми медными пепельницами. В углу был оборудован американский бар — обитая металлом стойка и деревянные стеллажи, заставленные разноцветными бутылками.

Народу здесь было совсем немного. Трое пожилых кавказцев сидели в креслах, куря ароматные сигары, смутно знакомый Гумилеву

патлатый молодой человек в огромных очках — кажется, модный диджей — играл на бильярде с модным дизайнером Сашей Пигаль, за стойкой протирал бокалы белоснежным полотенцем лысоватый бармен в футболке с портретом Шекспира. Перед ним, спиной к Андрею, на высоком барном табурете сидела девушка в сильно декольтированном сзади черном платье.

«Мне не помешал бы глоток виски», — подумал Гумилев и направился к стойке.

— Виски? — спросил бармен, прежде чем Андрей успел открыть рот.

— Двойной «Гленфиддик» со льдом. Как вы догадались?

Лысоватый пожал мощными плечами.

— Двадцать лет за стойкой. Десять тысяч клиентов. Я почти телепат — правда, только в своей области.

Он бросил в бокал льда и плеснул туда темно-коричневого напитка.

— А почему Шекспир? — поинтересовался Андрей, кивая на футбольку.

— Актуально, — ответил бармен. — Two beer or no two beer — вот это, я понимаю, поэзия.

— Этой шутке уже лет двести, — неожиданно сказала девушка.

Андрей обернулся к ней. Она была красивая, с короткими черными волосами и ярко-голубыми глазами. Чуть вздернутый носик, высокие скулы, маленькие белоснежные зубы. Загорелая. Чем-то она неуловимо напомнила ему Еву, какой та была в первый год их знакомства.

— Две вещи терпеть не могу, — продолжала она, обращаясь к бокалу с мартини, — храпящих мужчин и бородатые анекдоты. Убила бы, честное слово.

Андрей понял, что она здорово пьяна. Обычно он не заводил бесед с женщинами в таком состоянии, но в этой девушке было что-то загадочное.

— Храпящих мужчин вы тоже убиваете? — спросил он, смакуя «Гленфиддик».

Она пожала плечами.

— Я с ними не сплю.

— А если это выясняется уже позже?

— Предпочитаю выяснить все заранее. Вот ты, например, храпишь?

Андрей усмехнулся.

— Представьте, нет.

— Все равно без шансов. — Она скривила гримаску и сделала большой глоток мартини.

— Почему?

— Ты не в моем вкусе. Слишком похож на Стэтхэма, а я не люблю брутальных мужчин.

— Предпочитаете таких, как этот? — Гумилев показал на патлатого диджея.

Девушка сморщила носик.

— Он же педик, ты что, не знал? Нет, я предпочитаю азиатов. Японцев, китайцев, индусов. О, индусы! — Она закатила глаза и провела по полным губам острым розовым язычком. — Я от них млею...

Андрею почему-то вспомнился высокий индус из Сингапура. Странный предмет в виде паука, попытка похищения Евы и Маруси...

Внезапно ему до боли захотелось вернуться туда, в 2008 год, в Сингапур, на колесо обозрения, в то благословенное время, когда они все еще были вместе. И одновременно Андрей понял, что хочет сидящую рядом с ним девушку. Хочет безумно, как давно уже никого не хотел.

— Как вас зовут? — спросил он, откровенно разглядывая брюнетку.

Она усмехнулась.

— Син. — Еще один глоток мартини, и ее бокал опустел. — Зови меня Син.

— Что за странное имя?

— По-английски *sin* — это грех. А грех — это моя вторая натура. И еще мне очень нравится Сингапур.

Гумилев вздрогнул. Бармен, угадывающий желания клиентов, — это еще ладно. Но откуда она могла знать, что он только что думал о Сингапуре?

— Ты часто там бываешь? — спросил он, неожиданно для себя переходя на «ты».

— Регулярно. — Она подвинула пустой бокал бармену. — Повтори, будь добр.

— Конечно. — Бармен быстро смешал ей еще один коктейль. К удивлению Андрея, девушка пила не просто мартини, а водкатини — кроме льда, вермута и апельсинового сока бармен добавил в бокал еще пятьдесят граммов «Абсолюта».

— Я здесь с другом, — сообщила Син Гумилеву. — Он как раз из Сингапура.

— Где же он? Почему бросил тебя одну?

— У него какие-то терки с хозяином, — равнодушно ответила девушка. — Он о-очень, о-очень крутой парень.

— Хозяин?

— Хозяин — полный мудак, — сказала Син (бармен сдержанно улыбнулся). — Мой друг — вот кто по-настоящему крут.

— Чем же он занимается? — спросил Гумилев, знаком показывая бармену, что тоже не прочь повторить.

— Всем, — просто ответила девушка. — Разруливает всякие ситуации. Если кого-то надо убрать — ну, там, министра или президента какого-нибудь, — ты ему только скажи. Нет, конечно, не только скажи, но и заплати, но в принципе, если у тебя есть лавэ, то все проблемы решаются на раз...

«Совсем пьяная, — решил Андрей. — Черт возьми, меня никогда в жизни не тянуло на пьяных женщин... Но в этой определенно есть что-то интригующее».

— Хочешь, я тебя с ним познакомлю? — неожиданно спросила Син. — Это серьезно расширит горизонты твоего сознания.

— Неужели? — усмехнулся Гумилев. — Ну, познакомь. — Он одним глотком допил виски и отставил пустой бокал. — Только имей в виду: у меня мало времени.

Син вполоборота развернулась к нему.

— Ты даже не знаешь, как его мало.

— Поясни.

— Ну уж нет. Это твои проблемы, не мои.

Она легко соскользнула с высокого табурета и, не дожидаясь Андрея, направилась к лестнице. Двигалась она с грацией балетной танцовщицы, и Гумилев заподозрил, что Син совсем не так пьяна, как хочет казаться.

Догнал он ее на лестнице.

— Ты притворяешься.

— Все притворяются.

— Кто ты на самом деле?

— Корректор.

Андрей опешил.

— Ты работаешь в издательстве?

— Нет, конечно.

На втором этаже они свернули в хорошо знакомый Гумилеву коридор — где-то впереди их должен был встретить охранник в белой косоворотке.

— Тогда что же ты корректируешь?

— Реальность.

«Все-таки она пьяна, — решил Андрей. — И сейчас ей кажется, что она изрекает полные потаенного смысла истины».

— Это не так просто, как ты думаешь, — продолжала Син. — Корректировать реальность — все равно что придавать форму мрамору голыми руками, без инструментов. К счастью, существует область мелких погрешностей, где можно кое-что менять.

— Правда? — вежливо спросил Гумилев. Мысли его заняты были тем, как максимально достойно выйти из ситуации с охранником. Если их сейчас завернут обратно, он будет выглядеть не только идиотом, который повелся на треп пьяной девушки, но еще и лузером, не умеющим поставить на место прислугу.

— Кстати, мы с тобой сейчас находимся в такой области, — добавила Син.

На это он не успел ответить. Из-за угла появился давешний улыбчивый парень, загородивший своими широкими плечами проход.

— Опять заблудились, милостивый государь? — ласково спросил он. — Ежели хотите с сударыней уединиться, то апартаменты для гостей в восточном флигеле, я вам покажу.

«Что ты себе позволяешь, хам», — хотел было сказать Гумилев, на которого успела подействовать старорежимная обстановка в поместье Беленина, но Син его опередила.

— Аляска, — сказала она, делая рукой жест, каким отгоняют надоедливую кошку. — А ну брысь!

Слова эти произвели на охранника магическое действие. Он тут же прижался спиной к стене, освободив путь. Вид он при этом имел в точности такой, какой предписывался нижестоящим чинам знаменитым указом Петра Первого, — лихой и придурковатый¹.

— Пойдем, — Син потянула удивленного Гумилева за рукав, — время уходит.

Они прошли еще метров двадцать. Коридор заканчивался стеклянной французской дверью, выходившей на крытую террасу. На террасе никого не было, только рой мотыльков кружился над оранжевыми китайскими фонариками.

— Мы пришли, — сказала Син, открывая дверь и выходя на террасу.

Гумилев последовал за ней. На него сразу же пахнуло свежестью вечернего сада. Син подошла к краю террасы и остановилась, опершись на деревянную балюстраду. Ее черные волосы загадочно блестели в свете китайских фонарей.

— Син... — позвал Гумилев.

¹ Вообще-то это заблуждение. Указа с такой формулировкой Петр Первый никогда не издавал.

Она не обернулась. Он обхватил ее за плечи, развернул к себе и стал целовать.

Губы у нее были мягкие и очень горячие.

Сначала она не отвечала ему — только позволяла себя целовать. Андрею и этого было довольно, он млел, как подросток, впервые оказавшийся с предметом своей страсти в темном парадном. Он не понимал, что с ним творится, но и не хотел этого понимать. После возвращения из Арктики у него не было женщин, и даже не потому, что за каждым его шагом наблюдала бесстрастная Катарина, — просто не возникало желания. А сейчас желание вдруг возникло, и было оно настолько сильным, что Гумилев не мог ему сопротивляться.

Спустя вечность Син уперлась ладошками ему в грудь и отстранилась.

— От тебя пахнет корицей, — сказала она.

— Ты не любишь корицу? — тяжело дыша, спросил Андрей.

Несколько мгновений она не отвечала, и это были очень длинные мгновения.

— Наоборот, — ответила Син наконец. — Я от нее тащусь.

И поцеловала его сама. Ее поцелуй был долгим, жарким, опасным. Обжигающим, как пряности любимого ею Востока.

— Я хочу тебя, — хрипло сказал Гумилев, когда они оторвались друг от друга.

— Я знаю. Но это невозможно. Мой друг убьет тебя.

— Это не так просто сделать.

Син грустно покачала головой.

— Ему это проще, чем тебе выкуриТЬ сигарету.

— Да кто же он такой? Ты сказала, он из Сингапура?

— У тебя хорошая память.

В саду трещали кузнечики. Ночной мотылек вился вокруг китайского фонарика, безуспешно пытаясь проникнуть сквозь промасленную бумагу к источнику благословенного света.

— Где он? — Гумилев вдруг почувствовал, что близок к разгадке тайны, которая не давала ему покоя уже три года. Сингапур, загадочный индус... — Ты сказала, что он где-то здесь.

— Он ждет в кабинете хозяина. — Син кивнула на выходившее на дальнюю сторону террасы окно. — Я же тебе говорила — у них назначена встреча.

Андрей посмотрел на окно. Из-за неплотно задернутых голубых штор пробивался приглушенный свет.

«Это безумие, — сказал он себе. — Этого просто не может быть. Мало ли народу живет в Сингапуре? Почему это обязательно должен быть тот самый тип, что предупредил меня о попытке похищения Маруси и Евы?»

— Не стоит тебе с ним связываться, — мягко сказала Син.

Ее голос смел все его сомнения, словно карточный домик.

— Жди меня здесь, — бросил он. — Я сейчас вернусь.

Он пересек террасу и осторожно заглянул в окно. Сквозь щель в шторах был хорошо виден кабинет Беленина — с массивным рабочим столом без каких-либо признаков компьютера, но с антикварным набором письменных принадлежностей, огромной плазменной панелью на стене и головой белого медведя над дверью. Светильники в виде факелов, укрепленные по обе стороны от стола, бросали янтарные блики на высокое чиппендейловское кресло, в котором читал газету человек в темном костюме. Он был в кабинете один — судя по всему, встреча с хозяином дома то ли уже состоялась, то ли еще не началась.

Гумилев, ожидавший после слов Син увидеть какого-нибудь терминатора, чуть не присвистнул от разочарования. Человек в кресле был невысок и худощав. Пальцы, державшие газету, были длинными и изящными, как у пианиста. Женщинам такие должны нравиться, автоматически отметил Гумилев.

Внезапно в кабинете замурлыкал сигнал мобильного телефона. Человек в кресле отложил газету и достал мобильник. Свет электрических факелов озарил его смуглое азиатское лицо.

Гумилев вздрогнул и отшатнулся от окна.

Он узнал этого человека.

Согласно распространенному мнению, для европейца все китайцы на одно лицо. Это, конечно, не так. Достаточно обладать хорошей зрительной памятью, и вы никогда не спутаете одного китайца с другим.

У Гумилева была прекрасная память на лица, тем более что этого человека он в последний раз видел при весьма драматических обстоятельствах.

Сейчас этот человек должен был находиться за тысячи километров отсюда, в ледяных казематах подводной базы «Туле» близ Северного полюса, но никак не в подмосковном поместье их общего знакомого Михаила Беленина.

Гумилев еще минутуостоял у окна, вглядываясь в лицо человека в кресле. Никаких сомнений не было — в пяти метрах от Андрея сидел его коллега по арктической экспедиции по имени Чен.

ГЛАВА 11

КАПКАН ДЛЯ БОССА

Аляска, лето 2011

Утро на Аляске мало чем отличалось от дня или вечера. Маккормик, проработавший всю ночь (такую же светлую, как и день) над документами и материалами, собранными в ходе расследования, поднялся, с хрустом потянулся и шагнул к стоявшей на тумбочке кофемашине — сделать себе десятую (или одиннадцатую) чашку эспрессо.

— Проклятье, — взяточно произнес он, обнаружив, что прессованные кубики кофе закончились. — Сколько же я выпил, черт возьми?

Он вышел в ярко освещенный коридор и постучал в дверь комнаты напротив. Из-за двери не доносилось ни звука. Маккормик постучал еще раз, сильнее.

Через пять минут непрерывного стука за дверью послышалось глухое ворчание.

— И нечего так шуметь, — Ковальски ожесточенно тер сонное лицо широкой ладонью. — Я полночи не мог глаз сомкнуть из-за этого проклятого света.

— А я вообще не спал, — Маккормик отстранил напарника и прошел в его комнату. — У тебя есть кофе? Мне позарез нужно выпить еще чашку.

— Бери, если хочешь. Я и без кофе-то уснуть не могу.

— Пока ты дрых, я распутал наше дело. А босс, что досадно, будет целовать в задницу нас обоих.

— Когда это Догерти кого-то целовал в задницу? — крикнул Ковальски из ванной. Он включил душ и дальнейшие его слова заглушил шум воды.

— Когда мы привезем ему убийцу доктора Харриса, ему ничего другого не останется, — Маккормик нажал кнопку на кофемашине. — А ведь сегодня еще только гребаная пятница. Не позже вторника, сказал босс. Да у него будет целый уик-энд, чтобы подготовить отчет для президентских холуев.

Он высыпал в чашку два пакетика сахара и с видимым отвращением выпил свой кофе.

— Не могу я больше пить эту гадость, — пожаловался он. — Когда вернемся в Вашингтон, две недели кофе в рот не возьму — только скотч со льдом.

Ковальски вышел из душа, вытираясь большим махровым полотенцем.

— Ну, рассказывайте, мистер Холмс, как вам удалось вычислить убийцу.

— Хотел бы я сказать — элементарно, Ватсон, но, увы, не могу. Для того чтобы понять, кто убил бедного доктора, мне потребовалось изрядно напрячь свои мозги. Хотя теперь, задним числом, вся задачка кажется очень простой.

— Я сгораю от любопытства, — Ковальски натягивал на могучий волосатый торс футболку с изображением комара и надписью «Птица штата Мэн». — Кто же наши злодеи?

— Злодей, — поправил его Маккормик. — Нас постоянно пытались навести на мысль о том, что убийца было несколько, и это сильно сбивало меня с толку. На самом деле за всеми событиями, происходившими тут, стоял один-единственный человек.

— Ты имеешь в виду... — начал Ковальски, но Буч не дал ему договорить.

— Все дело в плане «Гоморра». Том самом, о котором нам рассказал полковник Батчер.

— Объясни.

— Этот план хранился на сервере, защищенном не хуже Форт-Нокса. Доктор Харрис менял пароли и ставил новые ловушки каждые две недели. Помнишь, что говорила нам Лайза Арчер? Харрис был приверженцем ритуалов. Он все делал по однажды установленной схеме. Поменяв пароль в пятницу утром, он отправлялся на рыбалку — на Сильвер-лейк или Изумрудное озеро. Конечно, при нем всегда находился айпад... но в лодку с собой он его не брал.

— Почему ты так думаешь? — нахмурился Ковальски. — Ведь в палатке его не нашли.

— Потому что человек, который надевает спасательный жилет, отплывая на лодке на пятьдесят метров от берега, не станет брать с собой устройство, которое легко можно утопить. Полицейские решили, что айпад лежит где-то на дне озера, но я об заклад готов побиться, что его там нет.

— Тогда где же он?

— Его забрал убийца. Вскрыл базу данных, с помощью новых паролей проник на сервер и скопировал сверхсекретный план «Гоморра». А потом отдал копию тем, кто его нанял.

— И кто же это был? Я имею в виду, убийца?

— Черт возьми, Пол! Ну пошевели хоть раз в жизни мозгами! Кто изо всех сил пытался сделать вид, будто смерть Харриса может повредить его карьере? Трудно ведь придумать лучшее алиби, чем повернуть дело так, будто преступление тебе страшно невыгодно. А у него это почти получилось.

— Дон Эшбоу? — пораженно пробормотал Ковальски. — Ни в жизни бы не подумал...

— Ну так на это он и рассчитывал. Первое подозрение зародилось у меня, когда этот немец... Эйзентрегер... объяснил, что ответственность Эшбоу заканчивается за пределами ограды HAARP. Смерть Харриса могла опечалить его чисто по-человечески, но на его профессиональной деятельности никак не сказалась бы. Зато если предположить, что Эшбоу допустил какой-то серьезный просчет и Харрис об этом знал... тогда Харрис превращался в опасного свидетеля, угрожавшего карьере начальника службы безопасности.

— Думаешь, он пошел бы на убийство, чтобы прикрыть свою задницу? — засомневался Ковальски.

— Нет, не пошел бы, — покачал головой Маккорник. — Эта версия оказалась ошибочной Но, отрабатывая ее, я обнаружил, что Эшбоу действительно совершил некое должностное преступление.

Он вдруг зевнул, прикрыв рот ладонью.

— Помнишь докладные записки, которые писал Эшбоу доктор Чен? Я попросил Стюарта достать мне копии этих документов и сравнил их с оригиналами, что были на флешке у китайца. Эшбоу оставил от них рожки да ножки. Сплошь какие-то абстрактные рассуждения о возможных хакерских атаках — ни одного упоминания о генерале Ли Сан И или китайском аналоге HAARP. И тут я по-настоящему насторожился.

— Эшбоу работал на китайцев?

— Скорее всего, — пожал плечами Буч. — А может, на русских или на иранцев. Это уже не нам с тобой выяснить. Главное, он сделал все от него зависящее, чтобы никто не предположил, будто компьютерную сеть HAARP можно взломать. А потом поехал вслед за Харрисом на Сильвер-лейк, убил его, завладел паролями и выкрад план «Гоморра».

— И как же он его убил?

— Предполагаю, что с помощью ультразвукового излучателя, который нам демонстрировал Батчер. У начальника службы безопасности есть возможность брать образцы тестируемой техники из

лабораторий. У Харриса действительно остановилось сердце — вот только произошло это потому, что палец Дона Эшбоу нажал на кнопку излучателя.

Ковальски потер переносицу.

— Красивая картинка, Буч. Только это все косвенные улики, и не улики даже, а так, логические соображения. Любой адвокат, у которого мозгов побольше, чем у вареного лобстера, разобьет твою гипотезу в пух и прах.

— Ты прав, Пол, — неожиданно легко согласился Маккорник. — Именно поэтому я и просидел за компьютером всю ночь, за что теперь и расплачиваюсь. — Он снова зевнул. — Я нашел улику. Неубиваемую, бронебойную улику. В день, когда умер Джо Харрис, Дон Эшбоу уезжал с территории комплекса. Причем в базе данных его отъезд не зафиксирован — а вот на записях видеокамер все прекрасно видно. Пойдем, я покажу тебе.

Ковальски, недовольно ворча, направился вслед за ним. В комнате Маккорника было холодно — через открытое нараспашку окно проникал свежий утренний воздух.

На экране компьютера крутилось закольцованные изображение — серебристый «Лексус» Эшбоу выезжает за ворота объекта HAARP. Самого водителя за тонированными стеклами видно не было, но номерные знаки машины были видны отчетливо.

— А вот чек с заправки, — Маккорник с видом триумфатора положил перед Ковальски ксерокопию листа бухгалтерского отчета. — Именно этим вечером был убит Харрис. А оплачен чек кредиткой Эшбоу.

— Убедил, — сказал Ковальски, подумав. — Пора его брать.

— Это невозможно, — сказал полковник Батчер.

— Вот запись с видеокамеры, установленной на чек-пойнт С. Дон Эшбоу покинул территорию комплекса в 17.30. Смерть доктора Харриса наступила между 19.00 и 21.00. У Эшбоу было полтора часа, чтобы инсциенировать сердечный приступ и взломать защиту сервера.

Батчер потер виски. Похоже, он страдал от сильного похмелья.

— Но зачем ему было убивать Харриса?

— План «Гоморра», — объяснил Маккорник. — Все дело в этом чертовом плане. Эшбоу продал его китайцам — то есть это наиболее вероятный вариант. Ваш Чен написал десяток докладных записок с предупреждением — китайцы, мол, спят и видят, как бы добраться до

секретов НААРР. Но Эшбоу их все клал под сукно — а хуже всего то, что он их редактировал. Убирал из них все конкретные данные, сценарии хакерских атак, имена генералов спецслужб, которые занимаются разработкой темы НААРР. В результате документы, которые должны были поставить на уши все руководство «Феникса», превращались в никому не интересные отписки. То же самое, думаю, происходило и с докладными самого Харриса, только эти вообще исчезли бесследно.

— Как это?

— Эшбоу их просто уничтожил. А то, что они были, подтверждает подруга Харриса, Лайза Арчер.

Батчер некоторое время молчал, глядя на фэбээровцев ничего не выражающим взглядом. Потом сказал:

— Извините, джентльмены.

И ушел в ванную. Слышно было, как там плашется вода.

Ковальски посмотрел на напарника и сделал быстрое движение рукой, опрокинув в рот воображаемый стакан.

Маккорник кивнул.

Полковник вернулся через несколько минут, взгляд его стал куда более осмысленным. На бритом черепе блестели крупные капли воды.

— Что требуется от меня? — деловым тоном спросил он.

Маккорник ожидал этого вопроса.

— Мы были бы весьма благодарны вам, полковник, если бы вы обеспечили максимальную скрытность предстоящей операции по аресту мистера Эшбоу.

— Это и в моих интересах, — кивнул Батчер. — Никому не нужен скандал на секретном оборонном объекте.

— Отлично. Эшбоу мы возьмем сами, но нужно, чтобы ваши парни из взвода охраны подогнали к его дому минивэн без окон. У вас же есть такие?

— Есть. Я пошлю троих парней с оружием. Бойтесь, как бы Эшбоу не попытался привлечь на свою сторону кого-то из своих головорезов?

— Это маловероятно, — сказал Маккорник, — но лучше подстраховаться. Дальше — самое главное. Самолет. Мы, конечно, можем отвезти Эшбоу в Анкоридж, но я предпочел бы воспользоваться армейским аэродромом Гаконы.

Батчер скрочил кислую гримасу.

— Вообще-то это строго запрещено. Гражданские лица...

— Позволю себе напомнить, — веско сказал Ковальски, — за ходом этого расследования следит лично президент Соединенных Штатов.

(Вообще-то не президент, а его помощник по национальной безопасности по прозвищу Железная Задница, но разница, на взгляд Ковальски, была невелика.)

— Принимая во внимание высокую важность этого дела, — Батчер по-прежнему походил на человека, съевшего неспелое яблоко, — я предоставлю в ваше распоряжение военный транспортник.

— Ну и прекрасно, — с облегчением подвел итог разговору Маккормик. — Уверен, ваша помощь будет должным образом оценена президентом.

Минивэн подъехал к дому Эшбоу без десяти семь. Начальник службы безопасности покидал свое жилище в семь ровно — его рабочий день начинался в восемь, а расстояние до офиса можно было преодолеть за пятнадцать минут неспешной ходьбы, но Эшбоу был трудоголиком.

Маккормик и Ковальски вылезли из машины. Вслед за ними на землю спрыгнули двое здоровенных сержантов с нашивками «MP»¹ на рукавах. Рядовой Хорн, изрядно превосходивший сержантов габаритами, остался в фургоне.

Ковальски постучал в дверь.

— Доброе утро, джентльмены, — сказал Эшбоу, появляясь на пороге. Он был одет в строгий серый костюм, темно-бордовый галстук был завязан сложным узлом «лонг-айленд». — Чем могу служить?

Тут он увидел сержантов, чьи мрачные физиономии не оставляли простора для сомнений, и отступил на шаг назад.

— Дональд Купер Эшбоу, — сказал Маккормик, вынимая пистолет. — Вы арестованы по подозрению в убийстве Джорджа Харриса. Вы имеете право на адвоката — правда, воспользоваться им вы сможете несколько позже. Вы имеете право хранить молчание. Все, что вы скажете, может быть использовано против вас...

Эшбоу стал бледно-синим, как обезжиренное молоко.

— Это чудовищная ошибка, — проговорил он, запинаясь. — Я не убивал Харриса... я, может быть, виноват в том, что допустил это убийство, но я не убивал доктора...

¹ Military Police — военная полиция.

Маккорник и Ковальски переглянулись. Буч пальцем дотронулся до своего нагрудного кармана — там был спрятан включенный диктофон.

— Допустили убийство? — мягко спросил он. — Каким же это образом?

— Я знал, что Харрису угрожали, — пробормотал Эшбоу, — он беспокоился из-за этого, хотя ничего не говорил мне напрямую... я начал выяснять, кто стоит за этими угрозами... не успел узнать ничего конкретного, у меня были только смутные подозрения...

Один из сержантов дотронулся до руки Ковальски.

— Мистер, — сказал он хриплым шепотом, — сюда машина едет.

Ковальски обернулся. От белого куба административного здания к дому Эшбоу приближался «Шевроле-Тахо» Барри Стюарта.

— Достаточно, — быстро сказал Ковальски. — Следуйте за нами, мистер Эшбоу.

— Это беззаконие! — повысил голос начальник службы безопасности. — Мы не в полицейском государстве живем!

— Разумеется, — согласился Буч. — У меня есть ордер.

Он достал сложенный вчетверо ордер, подписанный окружным судьей. Фамилию Эшбоу вписали в ордер полчаса назад, но знать об этом начальнику службы безопасности было ни к чему.

— Я должен позвонить своему адвокату!

— У вас есть это право, — сказал Ковальски. — Но поскольку речь идет о национальной безопасности, звонок адвокату вы сделаете уже из Вашингтона, округ Колумбия. Пошли, ребята.

Сержанты подхватили Эшбоу за локти и поволокли в фургон. Когда скользящая дверца минивэна закрылась за ним, у дома, скрипнув тормозами, остановился черный «Шевроле».

— В чем дело, парни? — спросил, вылезая из кабины внедорожника, Барри Стюарт.

— Мы только что арестовали твоего начальника, Барри, — любезно объяснил Маккорник. — Искренне надеюсь, что ты был не в курсе его темных делишек.

— Дональд? — поразился Стюарт. — Да он был служакой до мозга костей! Это какая-то ошибка, парни!

— ФБР редко ошибается, — угрюмо сказал Ковальски. — Скажи, Барри, кто теперь займет место Эшбоу? Ты?

Стюарт ошеломленно замотал головой.

— Это решат в нашем головном офисе, в Нью-Мексико. Господи Боже, да я даже не предполагал, что старина Дон... Ну, какое-то время

я теперь буду исполняющим обязанности, пока наши боссы не решат, кого поставить на его место... Ничего себе! Старина Дон!..

— Хватит трястись, — оборвал его Ковальски. — Имей в виду: Эшбоу работал на врагов Америки. И эти враги вряд ли отстанут от вашего комплекса только потому, что старину Дона вывели из игры. Так что тебе предстоит нелегкая вахта, Барри.

— Я понял, — Стюарт выглядел совершенно раздавленным, — я сделаю все, что в моих силах... Но все-таки, парни, может это быть ошибкой? Я имею в виду, что Дон...

— Если это ошибка, мы принесем свои извинения, — успокоил его Маккормик. — Но мой напарник прав: наша контора ошибается крайне редко.

Когда самолет с арестованным Доном Эшбоу поднялся в воздух со взлетно-посадочной полосы военного аэродрома Гаконы, в кабинет начальника службы безопасности заглянул Лотар Эйзентрегер.

— Обживаешься, Барри? — дружелюбно спросил он, глядя, как Стюарт выбирает место для фотографии своей семьи на столе бывшего босса. — Что ж, поздравляю!

— Рано, — озабоченно сказал Стюарт, суеверно поплевав через плечо. — Парни в «Филипсе» могут назначить кого-нибудь из своих...

— Не назначат, — усмехнулся Эйзентрегер. — Им вовремя подсунут нужные бумаги. Так что мы вполне можем отпраздновать твое повышение. Наши федеральные друзья купились на все улики, которые мы так тщательно для них изготовили.

— Думаешь, Дону не удастся оправдаться? — Барри заморгал белесыми ресницами. — Все-таки его же не было в этом «Лексусе».

— Только доказать ему этого не удастся, — Эйзентрегер похлопал Стюарта по плечу. — Ну так что ж, мы будем отмечать это знаменательное событие?

— Конечно, — засуетился Стюарт. Извлек из ящика стола бутылку шотландского виски, из холодильника — лед и смешал полковнику «скотч на скалах».

— А что же ты? — спросил Эйзентрегер, принимая бокал.

— Не пью на работе, — покачал головой Барри. — Тем более, такая ответственность...

— Что ж, — полковник поболтал лед в бокале и сделал большой глоток. — Тогда мы выпьем с тобой позже, Барри, — за успех операции «Рагнарёк».

ГЛАВА 12

ОБЛАСТИ ТЬМЫ

Подмосковье, июль 2011

— Где ты пропадал? — Катарина выглядела не на шутку рассерженной. — Совещание закончилось полтора часа назад!

Гумилев холодно посмотрел на нее.

— Ты полагаешь, я обязан давать тебе отчет о каждой проведенной минуте?

Они стояли в отдалении от основной массы гостей, но Гумилев заметил, что кое-кто из числа толпившихся у столов уже навострил уши, предчувствуя надвигающийся скандал. «Скора между известным миллиардером и его очаровательной подругой!» Еще не хватало попасть на страницы светской хроники, подумал он мрачно. Катарина, видимо, прочла его мысли, потому что несколько сбавила тон:

— Вообще-то нет, дорогой. Но ты же знаешь, насколько эта встреча важна для всех нас!

— Все прошло хорошо, — сдержанно сказал Андрей. — Мы достигли соглашения, так что беспокоиться не о чем. Но это было непросто, и мне понадобилось немного расслабиться.

«Оправдываюсь, как нашкодивший муж перед строгой женой», — подумал он с неудовольствием.

— В компании роковой брюнетки? — ехидно спросила Катарина.

«Откуда ты знаешь?» — едва не вырвалось у Гумилева, однако он во-время сдержался. Пора бы уже привыкнуть к тому, что Катарина следит за каждым его шагом. Но кто донес ей о Син? Неужели бармен-телепат?

— Марго, — сказал он, краем глаза отметив, что светские сплетники отрастили себе полуметровые уши, — мне так нравится, когда ты меня ревнуешь! Ты становишься настоящей Брунгильдой, честное слово!

— Дорогой, — улыбнулась Катарина, — ты еще не знаешь, на что я способна в гневе. Уверяю тебя, любая брунгильда мне позавидует.

— Что ж, я это учту. — Андрей специально для сплетников нежно сжал ее руку. — Нам, пожалуй, надо что-нибудь выпить.

— Мне показалось, что ты уже достаточно выпил, — тоном заботливой женушки заметила Катарина. — Но если это поможет тебе расслабиться — я не против. Виски, конечно же?

Перед глазами Андрея тут же возникло насмешливое лицо Син, и он вновь ощутил на губах вкус ее поцелуя.

— Нет, — сказал он, — только не виски.

«Син, — подумал он, — маленькая лживая дрянь... Куда ты пропала?»

Когда он, окончательно убедившись, что в кабинете Беленина находится Чен, отвернулся от окна, девушки на террасе уже не было. Андрей рывком распахнул стеклянную дверь, выглянул в коридор — никого. Он перегнулся через балюстраду, высматривая Син внизу, под деревьями, но ее не было и там. Да и не стала бы она, в самом деле, прыгать с высоты второго этажа, рискуя сломать ногу.

Син исчезла, будто растворившись в воздухе. Так же, как исчез когда-то индус в Сингапуре, оставивший Андрею записку с предупреждением о готовящемся похищении.

Тогда появление индуса стало первым звеном в цепи событий, изменивших жизнь Гумилева. Еще раз он появился на Большой Якиманке, перед тем как киллер положил бомбу на крышу автомобиля Андрея. С тех пор Андрей не ждал ничего хорошего от людей, возникающих словно бы ниоткуда и исчезающих без следа.

Но Син... Она не выглядела опасной. Загадочной — да. Но в ее загадочности не ощущалось угрозы. И в то же время Андрей чувствовал, что перед ним талантливо разыграли какой-то непонятный спектакль.

Некоторое время он раздумывал, стоит ли обнаруживать себя. С одной стороны, ему хотелось схватить Чена за грудки и вытрясти из него всю правду о том, каким образом он вместо ледяных казематов «Туле» оказался здесь, в поместье Беленина. С другой стороны, он понимал, что таким образом вряд ли добьется от китайца правды. Оставался и еще один вопрос — какая связь существовала между Ченом и Син?

Она провела его мимо охранника, сказав кодовое слово. Привела на террасу, с которой можно было заглянуть в окно кабинета Беленина. И исчезла, убедившись, что он увидел и узнал человека, который там находился.

Выход напрашивался сам собой: весь этот спектакль был разыгран с единственной целью — показать Андрею Чена. А вот для чего это было нужно Син — он пока не знал.

То, что Чен каким-то образом смог выбраться из арктического плена, означало, что ситуация на базе «Туле» изменилась. Но почему китаец скрыл свое освобождение от Гумилева — тем более что

с Белениным он, судя по всему, контакты поддерживал? Почему олигарх поместил Чена в недоступном для гостей поместья крыле и поставил там охрану? Какая тайна скрывалась за всем этим?

Вопросы, одни вопросы. И ни одного ответа.

В конце концов Андрей преодолел искушение проникнуть в кабинет хозяина поместья и допросить китайца. Вместо этого он отошел в дальний угол террасы и набрал номер Беленина.

— Миша? Еще развлекаешь гостей? Надо бы переговорить.

— Андрюш, — голос олигарха звучал несколько напряженно, — может быть, попозже? У меня сейчас назначена одна важная встреча, я освобожусь к одиннадцати часам.

— В одиннадцать ты играешь в бридж с Марго, — напомнил Гумилев. — А я займусь тебя всего на несколько минут. Давай встретимся у бильярда на третьем этаже.

Беленин посопел в трубку.

— Ну, хорошо, — сказал он наконец. — Через пять минут в бильярдной.

— Акции «Уорвик Петролеум», — сказал Андрей, наклоняясь над бильярдным столом. Он разбил пирамиду, закатив в лузу сразу два шара. — Вот о чем я хотел с тобой поговорить.

— Поясни, пожалуйста. — Беленин явно нервничал. Он то и дело поглядывал на часы и вообще выглядел как человек, ожидающий важного, но крайне неприятного разговора. — Почему ты думаешь, что меня интересуют акции «УП»?

— Наш американский друг на это прозрачно намекнул. Ты ведь уже договорился со стариной Уорвиком, не правда ли?

Маленькие глазки Беленина металлически засияли.

— Андрюш, я к тебе очень хорошо отношусь, но это коммерческая тайна.

Гумилев пожал плечами и забил еще один шар.

— Дело твое. Просто одна моя дочерняя компания по случаю приобрела довольно большой пакет акций «Уорвик Петролеум». Я подумал, тебе это может быть интересно.

— Ерунда, — резко сказал Беленин. — «Уорвик» — закрытое акционерное общество. Их акции невозможно купить просто так.

— А я и не говорю, что это было просто. — Андрей ударил от борта в середину и промазал. — И на старуху бывает проруха. Смотри, какой отличный шар я тебе подарил!

— У меня нет времени, — проворчал Беленин, но кий взял и тщательно примерился к «подаренному» шару. — И как же тебе удалось их купить?

— Это коммерческая тайна, — улыбнулся Гумилев. Он подошел к Беленину сбоку и, наклонившись, сделал вид, что внимательно наблюдает за его приготовлениями. — Нет, не так! Смажешь же...

Пальцы его сильно сжали твердую горошинку «клеша». Андрей почувствовал, как в горошинке что-то тихо хрустнуло. Согласно инструкции, содержавшейся в отчете, это означало, что устройство активировано.

— Вот тебе! — азартно воскликнул Беленин, забив шар в лузу. — Ну, и кто тут смазал? Эх, Андрюша, тебе ли меня учить в бильярд играть!

— Молодец. — Гумилев приобнял олигарха, уронив «клеша» ему в карман. Через полминуты маленький шпион покроется тонким слоем очень липкой жидкости, которая намертво прикрепит его к ткани костюма. Поэтому можно не бояться, что он случайно выпадет из кармана. Конечно, существует вероятность того, что Беленин обнаружит инородный предмет и заинтересуется его происхождением, однако она очень мала. А до того, как костюм сдадут в химчистку, «клеш» уже успеет выполнить свою миссию.

— Так, — Беленин в очередной раз озабоченно поглядел на часы, — и для чего ты мне все это рассказал?

— Возможно, ты захочешь их купить, — сказал Андрей равнодушно. — Ну, скажем, если у тебя действительно намечается партнерство со стариной Уорвиком и тебе понадобятся пара тузов в рукаве. В этом случае мы могли бы поговорить об условиях сделки.

— Андрей, — Беленин отложил кий, — вполне возможно, твое предложение меня действительно заинтересует. Но, ради бога, давай поговорим об этом после бриджа!

— Боюсь, я уеду раньше, чем вы закончите, — усмехнулся Гумилев. — Но если ты решишь купить у меня эти акции, позвони мне завтра. И не тяни слишком долго: мне почему-то кажется, что после нашей сегодняшней встречи акции «УП» быстро вырастут в цене.

«Вот и все, — подумал он грустно, когда Беленин быстрым шагом направился к выходу, — вот я и упустил шанс установить, как милая Катарина поддерживает связь со своей чертовой бабушкой... Но зато, возможно, я узнаю, как Чену удалось выбраться с восемьдесят пятой параллели...»

— А знаешь что, — сказала Катарина, наблюдая, как Гумилев допивает третий бокал «Хеннеесси», — не нужен мне этот бридж. Здесь становится очень скучно. Поедем домой.

— Домой? — удивился Андрей. Он все еще не мог решить, правильно ли поступил, подложив приготовленного для нее «клеша» Беленину. Коньак не то чтобы помогал в этом разобраться, но делал сомнения не такими тягостными.

— Тебя радует перспектива продолжить вечер в компании этих мелких политических клоунов? — Катарина кивнула в сторону Пургенса и Гешефтмакхера. — Я тут с ними немного пообщалась, пока тебя не было, — они безнадежны. Все, что от тебя требовалось, ты сделал. В карты ты все равно не играешь. С моей стороны было бы слишком эгоистично заставлять тебя два часа слоняться по дому среди людей, которые тебе неинтересны. Лучше вернемся и проведем остаток вечера вместе. Михаил, думаю, нас простит.

Гумилеву показалось, что он ослышался. Подобную заботливость Катарина демонстрировала нечасто, если не сказать — никогда. А фраза «проведем остаток вечера вместе» вообще выбила его из колеи. Конечно, вполне возможно, что это произносились с расчетом на чьи-то любопытные уши... но поблизости, как нарочно, никого не было.

— Что ж, — сказал он, поставив пустой бокал на поднос пробегавшего мимо официанта, — если ты настаиваешь, дорогая.

Спустившись с крыльца, он оглянулся на дом. В западном крыле горели несколько окон, но ни террасы, ни окна кабинета Беленина отсюда не было видно.

— Нравится? — спросила Катарина, по-своему истолковав его взгляд. — Настоящий дворец. Наш домик по сравнению с ним такой скромный...

«Наш», — отметил про себя Гумилев. Раньше она никогда так не говорила.

— Меня он вполне устраивает, — сказал он сухо.

В машине Катарина сразу же подняла перегородку, отделявшую заднее сиденье от шофера. Гумилев насторожился: это означало, что она хочет поговорить о чем-то, не предназначавшемся для ушей верного Бори.

— Расскажи мне, как прошла встреча, — велела Катарина.

— С каких пор тебя интересуют детали?

— Я должна знать. От этого зависит, что я напишу в отчете. А от моего отчета — увидаишь ли ты свою дочь.

Она увидела, как изменилось лицо Андрея, и торопливо прижала палец к его губам.

— Послушай, я ведь тоже человек из плоти и крови. У меня есть сердце. Я вижу, что ты мучаешься без Маруси, и мне тебя очень жаль.

— Неужели? — язвительно спросил он.

— Представь себе. У меня, как ты знаешь, нет детей, но я могу себе представить, что это такое — быть разлученным со своим ребенком.

— Сомневаюсь.

— Пожалуйста, не перебивай. Это очень важно. Сейчас такой момент... Все решается именно в эти дни. Два года назад ты подписал контракт с моей бабушкой. Его срок истекает через двенадцать месяцев. Но то, что ты должен будешь сделать... то, ради чего ты встречался сегодня с теми людьми... имеет такое значение, что ты можешь получить Марусю назад гораздо раньше.

— Что ты говоришь? — Андрей почувствовал, как у него учащенно забилось сердце. — И когда же?

— Это зависит от того, как будут развиваться события. Но, насколько я могу судить, уже месяца через три-четыре.

— Повтори, — тихо сказал он. — Повтори еще раз.

Катарина вздохнула.

— Месяца через три-четыре. Если, конечно, ты выполнишь все, что от тебя требуется. А я, со своей стороны, обещаю сделать все, что от меня зависит.

— Зачем тебе это? — спросил Гумилев, внимательно глядя на девушку. — Тебе-то какая разница, когда я увижу свою дочь?

Она ответила не сразу. Отвернулась к окну и некоторое время смотрела на проносящиеся за окном поля.

— Потому что я живая, — произнесла наконец Катарина.

Дом был погружен во тьму. Лишь подъездная дорожка была окаймлена бледными огоньками ламп подсветки, заряжавшихся от солнечных лучей.

Гумилев напрягся. В доме всегда должен был оставаться кто-то из обслуживающего персонала. Он достал айфон, чтобы связаться с Саничем, но Катарина удержала его руку.

— Не стоит, Андрей. Я отпустила прислугу.

— Почему?

— Надоели посторонние глаза. Хочется побыть собой, а не разыгрывать чужую роль.

«Все страньше и страньше», — подумал Гумилев. Прислугу Катарина подбирала сама — по каким-то одной ей известным критериям. С горничными, поваром и даже уборщицами, которые работали у Гумилева до ее появления, пришлось рас прощаться — правда, Андрей принял меры, чтобы всем им было выплачено пособие в размере полу годового жалования.

«Мерседес» подкатил к крыльцу. Боря грузно вывалился из машины и открыл дверцу перед Гумилевым.

— Можешь ехать, — сказал ему Андрей. — Понадобишься завтра в девять.

— Слушаюсь, — могучий Боря наклонил бычью шею. — До свидания, Андрей Львович. До свидания, Маргарита Викторовна.

Мягко заурчал мотор «Мерседеса», машина описала полукруг перед крыльцом и устремилась к воротам. Когда стальные створки сомкнулись за нею, Гумилев отчетливо понял, что в доме кроме него и Катарина никого нет.

— Пойдем, — девушка потянула его за рукав, — ты голоден?

— Нет. — Андрей за целый вечер съел, быть может, пару оливок, но голода, как ни странно, не чувствовал. — А вот бокал коньяка выпил бы с удовольствием.

— Я, пожалуй, тоже. — Голос Катарина звучал непривычно мягко. — У тебя был, кажется, хороший армянский.

Через крытую веранду прошли в гостиную. Гумилев приготовился уже дать команду умному дому, чтобы включил освещение, но Катарина опередила его.

— Я зажгу свечи, а ты доставай коньяк.

— Просто романтический вечер, — усмехнулся Андрей и пошел к бару.

Пока он выбирал коньяк, девушка зажгла три свечи и расставила их по периметру низкого журнального столика из полированной яшмы. Огоньки свечей таинственно отражались в завитках и спиралях полу драгоценного камня, создавая удивительную игру света и тени.

Гумилев поставил на столик бутылку и два пузатых бокала.

— Если уж мы собрались пьянствовать, — сказал он, — то следует позаботиться и о закуске. Дорогая, достань, пожалуйста, из холодильника лимон.

Наполнил бокалы темным, терпко пахнущим напитком. Протянул один Катарине.

— Надо сказать тост, — спохватилась девушка, уже поднеся бокал ко рту. — Давай выпьем за тебя... и за то, чтобы твои мечты однажды сбылись.

«У меня лишь одна мечта, — хмуро подумал Андрей, — и я не уверен, что тебе понравится, когда она сбудется».

— Согласен, — сказал он, чокаясь со своей надзирательницей. Первуче запели столкнувшиеся бокалы.

— Я давно хотела тебе сказать, — Катарина подвинулась поближе к нему, — ты очень привлекательный... в смысле, как мужчина.

«Соблазняет она меня, что ли?» — удивился Гумилев.

— Спасибо, дорогая. Но мне всегда казалось, что у нас с тобой чисто деловые отношения.

Девушка не смутилась.

— Конечно. Но это не мешало тебе два года назад пытаться уложить меня в постель.

— Когда это? — возмутился Андрей.

— В Париже, а потом в Риме. Жаль, что ты этого не помнишь, — со стороны смотрелось довольно комично.

— Комично? У тебя странные представления о том, что такое комедия.

— Комедия — это то, что ты тогда ломал передо мной. Ты что же, и вправду думал, что девушка не может отличить настоящую страсть от искусственной? Да и кто бы тебе поверил, зная, что ты только что перенес такой удар...

— Что же ты сразу не сказала? Я бы не потратил столько времени зря.

Она забавно сморщила носик.

— Во-первых, полузнакомому мужчине такие вещи не говорят. Во-вторых, вполне возможно, что для тебя это было не потерянное время.

Андрей вопросительно взглянул на нее.

— Ты привыкал ко мне. Привыкал жить рядом со мной. Бабушка предупреждала, что это будет сложнее всего. Ты мог меня возненавидеть, и я бы тебя поняла.

— Тогда почему ты не попыталась перевести наши отношения в другую плоскость? В Париже это было возможно...

— Потому что тогда ты возненавидел бы меня наверняка, и очень скоро. А так у меня был шанс.

Катарина откинулась в кресле, короткое черное платье еще больше задралось, открыв гладкое загорелое бедро. Андрей поймал себя на

том, что ему трудно отвести взгляд от ее красивых сильных ног, золотисто отблескивавших в неверном свете свечей.

Он отпил немного коньяка и покатал жидкость на языке. Почувствовал вкус мягкого, обволакивающего огня и тут же вспомнил о Син.

«Син, — сказал себе Андрей, — это все из-за нее. Она разбудила во мне давно забытые желания... расколола панцирь, в котором я жил последние два года. На самом деле я хочу вовсе не эту холодную нацистку, а ее, загадочную незнакомку из бара. Они совсем разные: Син — это пламя, а Катарина — лед. Я и так слишком замерз, мне нужен огонь...»

— Я уважаю сильных мужчин, — продолжала между тем Катарина. — А ты сильный, Андрей. Ты справился со своими эмоциями, научился жить по правилам, которые навязали тебе твои враги...

— Ты считаешь это проявлением силы?

— Я не договорила, — ее пальцы легко коснулись его руки. — Несмотря на все это, ты не сломался. Я уверена, что в глубине души ты вынашиваешь планы мести. Мне, бабушке, всем, кто сорвал твою экспедицию и похоронил твою мечту. Ты, конечно, будешь отрицать это, и я тебя за это не виню...

— Не буду, — покачал головой Гумилев. — Я бы уничтожил вас всех при первой же возможности. Если бы не Маруся...

«Зачем я это говорю? — в смятении подумал он. — Теперь они никогда не отдадут мне дочь...»

— Я и так это знаю, — словно прочитав его мысли, улыбнулась Катарина. — Слишком хорошо успела тебя изучить. И вот что... Я не стану предупреждать об этом рейхсфюрера.

Она вытянула длинную ногу и положила ее на бедро Андрею. Слегка пошевелила пальчиками, уронив изящную черную туфельку на пол.

— Почему? — спросил он внезапно охрипшим голосом.

— Потому что это мне нравится. Гораздо интереснее иметь дело с умным и сильным противником, чем с раздавленным слабаком. Если бы ты сломался, я начала бы тебя презирать.

Он не хотел этого. Но рука его сама легла на гладкую, как шелк, ногу Катарины.

— А что ты станешь делать теперь? — спросил Андрей, пытаясь сопротивляться с наваждением. — Когда знаешь, что я не пощажу тебя, если представится случай?

Она потерлась об него маленькой теплой ступней.

— Теперь я тебя хочу. А когда все закончится — убью.

— Спасибо за откровенность, — проговорил он, чувствуя, как с хрустом рассыпаются остатки его панциря. — Что ж, пожалуй, мы друг друга стоим...

— Тогда иди ко мне, — прошептала она, грациозно соскальзывая с кресла на ковер. — Иди ко мне, мой желанный. Мой мужчина. Мой враг.

— Ты спиши?

— М-м-м... уже нет...

— Ты всегда такой... необузданный?

— Смешное слово.

— Дикий!

— Не мне судить... Что у тебя с лицом?

Она смутилась. Даже в полутьме (свечи догорели, слабо тлели угли в камине) Андрей видел, как изменилась внешность женщины, которая лежала рядом с ним. Это была уже не Марго. Белокурые волосы падали на гладкие плечи, сгладились скулы, прозрачным льдом светились голубоватые глаза.

— Не смотри на меня!

— Как тебе это удается? Ты умеешь менять внешность? Это была не пластическая операция?

— Это... — она замялась. — Это не от меня зависит. Я не думала, что все будет так... так бурно. Ты меня напугал... немного.

«Еще бы», — подумал Андрей. Два года монашеской жизни не прошли бесследно: он набросился на Катарину с яростью, которая удивила даже его самого. И сейчас, целуя красивое холодное лицо, он видел перед собой точеные черты Син.

— Кто была та девушка? — резко сменила она тему. — С которой ты исчез на полтора часа?

— Неужели ты ревнуешь?

Острые ногти Катарину больно вонзились ему в бицепс.

— Да. Я очень ревнива. Ты не знал? Ну так сейчас узнаешь.

— Как тебе удается менять внешность?

— Не сбивай меня. Кто она? Та брюнетка?

— Просто девушка. Она приехала с кем-то из гостей.

— Как ее зовут?

— Не знаю, — соврал Андрей. — Мы не представлялись друг другу.

— Неправда! Как ее зовут?

— Я звал ее «крошкой». Это универсальное обращение к незнакомой девушке, с которой знакомишься в баре.

Катарина прикусила губу.

— И куда вы с ней ушли из бара?

— Пошли гулять по дому.

— У вас был секс?

«Все женщины одинаковы, — подумал Гумилев. — Даже если они родились на секретной нацистской базе среди льдов и снегов Арктики и умеют менять внешность, словно вечерние платья».

— Нет. — Он погладил ее по бедру. — Никакого секса. Только разговоры.

Катарина сбросила его руку.

— Опять врешь! Вас не было так долго...

Он приподнялся на локте.

— Скажи, Кэт, кто доносит тебе обо всех моих перемещениях?

— Это не важно. Главное, что я всегда знаю, где ты находишься.

— Тогда ты должна знать, что у нас не было никакого секса.

— Правда?

— Конечно. Мы просто разговаривали.

— О чём?

Он пожал плечами.

— О всяких пустяках. Клубы, вечеринки, модные развлечения.

О чём еще можно говорить с молоденькой тусовщицей?

— А откуда она взялась, ты знаешь?

— Я же говорю — приехала с кем-то из гостей. Слушай, давай не будем говорить о других девушках? Мне и тебя более чем достаточно.

Это была ложь, но ведь весь их разговор был поединком двух искусственных лжецов.

— Докажи!

Он притянул ее к себе, заглянул в прозрачно-голубые глаза. «Она красивее Марго, — подумал он с легким чувством вины. — И эффективнее Евы, если уж на то пошло... Что с того, что мы смертельные враги? Мужчина всегда остается мужчиной, а женщина — женщиной».

И образ темноволосой девушки из бара без следа растворился в его сознании.

После хорошей пьянки обычно наступает похмелье. Болит голова, желудок подкатывает к горлу, но самое неприятное — это состояние, которое наркологи называют «адреналиновая тоска». Кажется, что мир сер и холоден, что вся твоя жизнь бессмысленна, что накануне ты

натворил массу глупостей, о которых теперь страшно жалеешь. Как говорилось в старом анекдоте, «лучше бы я умер вчера».

Проснувшись на следующее утро, Гумилев почувствовал острый приступ такой тоски.

Он глядел на раскинувшуюся на постели Катарину (ближе к рассвету они перебрались в спальню) и не мог найти себе оправдания. Прекрасная фигура, роскошная грудь, длинные ноги, красивое лицо... Но эта девушка была внучкой Марии фон Белов, державшей в пленах двух самых дорогих ей людей. Она была самой обычной надзирательницей, приставленной к нему, чтобы контролировать каждый его шаг. Что с того, что его тюрьма не имела стен и решеток? Свободы у него было не больше, чем у заключенного концлагеря.

Когда-то Андрей смотрел фильм о любви бывшей узницы Освенцима к своему мучителю-нацисту. Фильм был, может быть, и неплохим, но Гумилеву были в высшей степени не близки все эти садомазохистские мотивы.

Однако что-то все же толкнуло его в объятия Катарину фон Белов. И теперь он отчаянно старался понять, что это было — морок, внезапно вспыхнувшая страсть или попытка обмануть себя самого. Потому что все это время он подсознательно думал о другой.

Он вылез из постели и босиком прошел в душ. Включил контрастный режим и несколько минут ежился то под ледяными, то под обжигающими струями. До боли растерся жестким полотенцем и, накинув купальный халат, направился в гостиную.

Здесь все напоминало о вчерашней безумной ночи. Опрокинутое кресло, сбившийся, залитый коньяком ковер, оплавившие свечи в трехугром подсвечнике. И брошенная в беспорядке одежда — его и Катарину.

Вот ее «маленькое черное платье», похожее сейчас на скомканную тряпичку. Вот кружевные черные трусики. Выглядывающая из-под дивана туфелька. И наконец, предмет, который Андрей мельком заметил накануне, — предмет, показавшийся ему очень странным.

Это была тонкая, сплетенная из сделанных в форме восьмерок звеньев цепь. Когда вчера он сорвал с Катарину платье, цепь эта, опоясывавшая ее талию, металлически блеснула в дрожащем свете свечей. Но тогда его мысли были заняты совсем другим, и пока он целовал ее плечи и шею, девушка рассстегнула цепь и швырнула ее на пол.

Гумилев поднял цепь с пола. Она была сделана из какого-то очень прочного металла — такой цепочкой, подумал Андрей, можно

задушить человека так же легко, как рояльной струной. На равном удалении от концов цепи к ней была подвешена серебристая фигурка бабочки.

Андрей не слишком удивился — он ожидал чего-то подобного с того момента, как Катарина вернула себе свой естественный облик.

Почему у Катарины не менялся цвет глаз, если она постоянно носила с собой предмет, Гумилев не знал — возможно, она, как и Марго, пользовалась цветными контактными линзами. Не знал он, и каким был дар Бабочки — но, судя по событиям прошлой ночи, предмет как-то изменял внешний облик человека. Когда Катарина сняла с себя цепь с фигуркой, она превратилась в нордическую блондинку.

Чертовы фигурки, подумал Андрей. Паук таинственного индуза, Кролик Марго, Единорог Кирсана Илюмжинова, Морской Конек телохранителя Беленина, Орел Свиридова... Все они приносили в жизнь Гумилева только беды или, в крайнем случае, большие проблемы. И вот теперь еще Бабочка. Какими бы способностями ни наделяла она свою хозяйку, плохой новостью было уже то, что обитатели базы «Туле» знают о предметах и их свойствах.

Он сжал фигурку в кулаке, словно ожидая от нее ответа на незаданный вопрос. Фигурка молчала. Не было ни ощущения пробежавшего по руке тока, ни тепла, ни холода. Просто мертвый, гладкий на ощупь металл.

Подумав, он положил цепь обратно. Пусть Катарина думает, что он ничего не заметил.

В спальню он возвращаться не стал.

Приехав в свой офис на проспекте Вернадского, Гумилев, не поднимаясь к себе на пятидесятый этаж, сразу же зашел к Саничу.

— Подготовь комнату «Д», — распорядился он.

Комната «Д» на жаргоне безопасников называлось специальное помещение, экранированное от любых прослушивающих устройств, сколь бы хитроумными они ни были. Такие комнаты имеются в посольствах и генеральных штабах. В корпорации Гумилева комната «Д» находилась на минус третьем этаже, расположенному на глубине пятнадцати метров под землей.

Когда Санич доложил, что все готово, Андрей молча кивнул на сейф, стоявший в углу кабинета. Начальник службы безопасности понял его без слов: открыл кодовый замок и извлек ресивер, похожий на небольшой DVD-проигрыватель.

— Я буду работать один, — сказал Гумилев, забирая у него прибор. — Проследи, чтобы никто не беспокоил.

Если Санич и удивился, то ничем этого не показал — его лицо оставалось все таким же улыбчивым и добродушным.

— Конечно, Андрей Львович, — кивнул он.

Перед тем как войти в комнату «Д», Андрей вынул из карманов айфон, запасной комплект ключей от машины, электронный ключ от дома и снял пояс, в пряжку которого был вмонтирован GPS-передатчик (по настоянию Санича он носил такие передатчики постоянно: с их помощью служба безопасности могла определить его местонахождение в случае похищения), сложил все это в пластиковый контейнер и запер в металлический ящик. Затем снял туфли, надев мягкие войлочные тапочки, наподобие тех, которые выдают в некоторых музеях. Открыл тяжелую дверь, обшитую пластинами стали и свинца, проложенными пористой резиной, и вошел в комнату «Д».

Обстановка здесь была самой аскетичной — четыре голые стены, стол и три обитых кожей вертящихся кресла. Единственной уступкой комфорту был маленький холодильник «Электролюкс» с запасом минеральной воды и кока-колы. Секретари в комнату «Д» не допускались, и в тех редких случаях, когда здесь велись сверхсекретные переговоры, их участники брали напитки из холодильника сами.

Гумилев достал бутылку «Перрье», поставил ее на стол и включил ресивер.

Когда спустя полтора часа он закончил слушать запись, бутылка все еще оставалась нетронутой.

Запись от 15 июля 2011 г., время 21.45–23.20

Собеседников двое: Михаил Борисович Беленин и его гость, китайский биолог Чен.

Чен: Добрый вечер, Михаил Борисович. Рад видеть вас в добром здравии.

Беленин: Здравствуйте, господин Чен. Простите, что заставил долго ждать.

Ч.: Ничего, я с пользой провел время. Читал российскую прессу.

Б.: И как ваши впечатления?

Ч.: По-прежнему главный вопрос — кто из тандема пойдет на выборы, Путин или Медведев.

Б.: А вы как полагаете?

Ч.: Я полагаю, что наша задача — помешать им обоим. Вы уже общались с нашим американским другом?

Б.: Да, только что. Не могу сказать, что мне нравится его позиция. Американцы, как обычно, хотят все захапать себе, а нам, русским, оставить лишь крохи...

Ч. издает короткий смешок.

Ч.: Не имеет значения. Планы американцев — такие же дворцы на песке, как и намерения вашего тандема.

Б.: Что вы хотите этим сказать?

Ч.: Михаил Борисович, в этом заговоре существует много планов внутри планов. Вы один из немногих его участников, кому доверена честь знать все. Вы готовы услышать правду?

Б. (после паузы): Конечно. Мне кажется, я уже не раз доказывал свою лояльность вашей организации...

Ч.: Ваш коллега Андрей Гумилев тоже выполнил немало заданий нашей организации. Однако он знает лишь то, что ему положено знать, не больше. Вам же, Михаил Борисович, мы доверяем полностью.

Б.: Я польщен.

Ч.: Однако это означает куда большую ответственность. Думаю, не нужно предупреждать вас, какие санкции последуют, если что-либо из того, что сейчас будет здесь сказано, выйдет за пределы этой комнаты.

Б.: Я принял все необходимые меры...

Ч.: Не сомневаюсь. Итак, истинный план, неизвестный никому из участников сегодняшней встречи, заключается в том, что накануне выборов в России и США произойдет дестабилизация политической ситуации. В этом управляемом хаосе к власти придут люди, тесно сотрудничающие с Четвертым Рейхом. Такие, как вы, Михаил Борисович.

Б.: Вы предлагаете мне...

Ч.: Пост вице-премьера, курирующего сырьевую промышленность и энергетическую систему страны. Фактически вы станете полноправным хозяином Арктики.

Б.: Вы серьезно?..

Ч.: Разумеется. В США аналогичную позицию займет мистер Уорвик. Там мы приведем к власти группу ультраконсервативных политиков, противников политической корректности и сторонников восстановления расовой сегрегации.

Б.: Это невозможно! Штаты — это вам не Россия-матушка. Там такие фокусы не проходят.

Ч.: После того, что мы устроим в Штатах, американцы даже Гитлера выберут себе в президенты.

Б.: И что же вы собираетесь там устроить? Если не секрет...

Ч.: Для вас, Михаил Борисович, никаких секретов. Осенью в Нью-Йорке и Вашингтоне произойдет несколько крупных террористических актов. В Линкольн-центре будет захвачено пятьсот заложников — представители высших кругов общества. Кроме того, террористы уничтожат музей Метрополитен и взорвут атомную электростанцию...

Б.: А что произойдет в России?

Ч.: Захват Большого театра и уничтожение Эрмитажа. Чтобы никому не было обидно...

Б.: И атомная электростанция?..

Ч.: Обязательно. Ведь одна из наших главных задач — не дать человечеству слезть с нефтяной иглы.

Б.: Но это же огромные жертвы!

Ч.: Относитесь к этому как деловой человек. Просчитайте, сколько миллиардов принесет вам отказ развитых стран от атомной энергетики.

Б.: В вашем плане, как мне кажется, есть изъян. После 11 сентября в США не произошло никаких политических потрясений. Кто получится, что после этих ваших... акций... нация не сплотится вокруг черного президента?

Ч.: Потому что Метрополитен взорвут негры... извините, афроамериканцы. А Линкольн-центр захватят колумбийцы и мексиканцы.

Б.: А, так вы хотите, как это у нас называется, разжечь межнациональную рознь?

Ч. (со смешком): Именно. Догадываетесь, кому будет поручено захватить Большой театр в Москве?

Б.: Наверное, чеченцам?

Ч.: Ну не белорусам же. Хотя и для Белоруссии у нас есть свой план. Впрочем, вам эти детали вряд ли интересны, ведь в Белоруссии нет нефти.

Б.: И когда все это произойдет?

Ч.: В самом конце ноября. Вы успеете подготовиться. Сразу после этих событий акции нефтедобывающих компаний взлетят до небес. Ваша партия, Михаил Борисович, получит на выборах не меньше сорока процентов голосов, что позволит ей выдвинуть своего кандидата в президенты.

Б.: Вы уже знаете, кто это будет? А то у нас сегодня по этому поводу была дискуссия...

Ч.: Вы что, всерьез полагаете, что это имеет значение? Все равно он будет делать то, что будем говорить ему мы. Михаил Борисович, вы, вероятно, еще до конца не осознали: теперь вы один из тех, кто по-настоящему принимает решения. Еще немного — и весь мир будет принадлежать нам. А когда я говорю «нам», то имею в виду и вас.

Б.: Выдвинуть кандидата — одно. А выиграть выборы — совсем другое.

Ч.: Не волнуйтесь. На волне беспорядков, которые захлестнут мир, привести к власти наших людей будет несложно. Европейские страны содрогнутся от социальных взрывов. В Лондоне и Париже начнутся уличные погромы. В это время силы НАТО, которые уже будут праздновать победу над Каддафи, потерпят сокрушительное поражение в Ливии...

Б.: Это шутка? У полковника нет ничего, кроме старых зениток и ржавых СКАДов.

Ч.: Все так думают. И очень удивляются, когда по авиации союзников начнут стрелять новейшие системы ПВО.

Б.: Откуда они там возьмутся?

Ч.: За это нужно поблагодарить нашего общего друга Андрея Львовича. Он любезно профинансировал покупку и доставку этих систем компанией «TSG Railways Ltd». В Афганистане талибы внезапными нападениями уничтожат несколько американских гарнизонов. Все это уронит престиж Обамы ниже нулевой отметки. Кроме того, на Ближнем Востоке и в Северной Африке к власти придут мусульманские фундаменталисты. Продавать нефть неверным они станут неохотно и по таким ценам, что нефтяной кризис семидесятых покажется безобидной шуткой. А если и это не поможет, мы обрушим на головы властителей Запада море небесного огня.

Б.: Что вы имеете в виду? У вас есть ядерное оружие?

Ч.: Об этом пока рано говорить. Но поверьте, по сравнению с небесным огнем атомная бомба — всего лишь детская хлопушка.

Пауза.

Б.: Даже не верится, что все это может организовать горстка людей, которая шестьдесят лет не вылезала из арктических льдов...

Ч.: Не нужно недооценивать наших нордических друзей, Михаил Борисович. Они слишком долго ждали реванша, чтобы проиграть и на этот раз.

Б.: Хорошо, хорошо. Вернемся к более насущным вопросам... Мне достанется пост министра энергетики. А что будет с другими участниками заговора?

Ч.: Вы имеете в виду Гумилева?

Б.: В проницательности вам не откажешь.

Ч.: Я бы с удовольствием смахнул эту фигуру с доски после того, как будет разыгран эндшпиль. Гумилев слишком опасен и непредсказуем. К сожалению, у нашей арктической старушки есть на него какие-то виды...

Б.: Опрометчиво было оставлять ему память.

Ч.: А что было делать? Орел на него не действовал. Точнее, по действовал не так, как на обычных людей. Вместо того чтобы поддаться внушению, Гумилев впал в кому. Поэтому рейхсфюрер и решила контролировать его при помощи ребенка.

Б.: А с генералом... все надежно?

Ч.: Да, лишенный предметов, он потерял свою силу. Теперь это всего лишь старый пенсионер, которого никто не принимает всерьез и который никому не опасен.

Б.: И все равно... для большей уверенности я бы... как вы там выразились?.. смахнул бы с доски и его.

Ч.: Всему свое время, Михаил Борисович. Всему свое время.

Пауза.

Б.: Господин Чен, а вы уверены в том, что наш заговор не будет раскрыт? Все-таки такие масштабы... трудно поверить, что никто не заметит этих приготовлений.

Ч.: Извините, Михаил Борисович, вы рассуждаете как дилетант. Чем масштабнее операция, тем меньше шансов, что кому-то придет в голову связать совершиенно различные события, происходящие в разных концах света, друг с другом. Ну скажите, какой аналитик решит, что молодежное движение «Революция через социальную сеть» в Минске, война в Ливии, рост котировок акций «Уорвик Петролеум» на лондонской бирже и бойня в Норвегии — суть звенья одной цепи? Да если и найдется такой, его в лучшем случае сочтут фанатиком теории заговора, а в худшем — выгонят с работы.

Б.: Что еще за бойня в Норвегии?

Ч.: На днях узнаете. Наш человек в Осло уже готовится к совершению самого масштабного индивидуального террористического акта двадцать первого века...

ГЛАВА 13

ПОЛОСА ОТЧУЖДЕНИЯ

Москва, июль 2011

Через неделю после того, как Гумилев прослушал запись разговора Чена с Белениным, норвежец Андреас Брейвик расстрелял шестьдесят семь человек в летнем молодежном лагере в окрестностях Осло.

Гумилев в эти дни почти без перерыва смотрел «Euronews» и BBC. Фотография убийцы в масонском фартуке и вычурных аксель-бантах постоянно мелькала в новостях. Андрей всматривался в красивое холеное лицо Брейвика, пытаясь понять, какие безумные мысли роились в голове его норвежского тезки. Мандельштам когда-то предполагал, что великие поэты прошлого на самом деле «чудовища с лазурным мозгом и чешуей из влажных глаз». Гумилев не мог отдельаться от впечатления, что импозантная внешность Брейвика — всего лишь искусственная оболочка, под которой скрывается склизкая и абсолютно чуждая человеческой природе тварь. Невозможно было представить, чтобы человек, пусть даже одержимый маниакальной идеей, несколько часов ходил по курортному острову и хладнокровно расстреливал из армейской винтовки беззащитных юношей и девушек — спокойно и методично, словно выполняя скучную, но необходимую работу.

Но страшнее всего было то, что за этим монстром, прикидывающимся человеком, стояла мощная тайная организация. «Наш человек в Осло», — сказал Чен. Чен, которого Андрей считал безобидным китайским ученым и которого он сам пригласил участвовать в арктической экспедиции! Теперь выяснилось, что Чен с самого начала знал, кого «Земля-2» может встретить во льдах у Северного полюса. Более того, возможно, именно он стоял за страшными убийствами, происходившими на борту терраформирующей станции. Да, это многое объясняло. Но тогда выходило, что и Михаил Беленин с самого начала находился с ним вговоре.

Каким же наивным был Гумилев, думая, что арктическая экспедиция — его детище! Слишком поздно он понял, что все это время был лишь марионеткой в руках опытных кукловодов. Сначала его держал за ниточки Свиридов, подложивший ему в постель своего агента

Марго Сафину. Потом проникшие в экспедицию шпионы Четвертого Рейха привели «Землю-2» прямиком в старческие руки рейхсфюрера СС Марии фон Белов. Теперь же Мария фон Белов, держа в заложниках Марго и Марусю, его, Андрея, руками готовит мировую национал-социалистическую революцию! Да совершил ли он вообще хоть какие-то самостоятельные поступки? Андрей уже не был в этом уверен.

Возможно, первым шагом, который он сделал вопреки своим тайным и явным надсмотрщикам, стала прослушка разговора Беленина и Чена. Но даже здесь Андрей не мог избавиться от неприятного ощущения, что его к этому ненавязчиво подтолкнули. Если бы не загадочная девушка со странным именем Син, встретившаяся ему в баре, он вряд ли узнал бы о том, что китайский «ученый» гостит в поместье Беленина. И уж тем более вряд ли подложил бы «клеща», предназначенного для Катарины, олигарху.

От улики Андрей избавился сразу же после того, как прослушал запись. Все «клещи» имели свои индивидуальные коды, с помощью которых ими можно было управлять на расстоянии. Гумилев дал «клещу» команду на самоликвидацию, после чего подслушивающее устройство в кармане пиджака Беленина, лишь немного нагрев внешнюю оболочку, послушно расплавило все свои схемы, превратившись в обычный кусочек металла размером с небольшую горошинку. Олигарх, возможно, удивится, нащупав что-то металлическое у себя в кармане, но определить, что это было, в любом случае не сможет. Впрочем, вероятнее всего, остатки «клеща» вытряхнет из костюма горничная, обслуживающая гардероб Михаила Борисовича.

Запись разговора Андрей уничтожать не стал. В конце концов, это было единственное доказательство существования чудовищного заговора, который грозил гибелью сотням ни в чем не повинных людей. Гумилев перенес данные на лазерный диск и спрятал его в своем сейфе — не в том, что стоял у него в кабинете на пятидесяттом этаже, а в бронированной ячейке в комнате «Д».

Теперь он стал единственным хранителем информации, способной изменить судьбы мира. И этот груз давил на плечи Андрея, пригиная его к земле.

Он мог сорвать планы заговорщиков, просто организовав утечку информации в СМИ. Даже если запись посчитают фальшивкой, Чен и его союзники уже не смогут провести готовящуюся операцию — ведь главная сила их плана в том, что никто не сумеет разгадать тайный смысл происходящих по всему земному шару событий.

Да, Андрей мог это сделать. Но ценой спасения мира стали бы жизни Маруси и Марго. А Гумилев с некоторым удивлением понял, что не готов платить такую цену.

Он приезжал в офис, запирался в своем поднебесном кабинете и думал, думал, думал. Лихорадочно искал выход из ситуации, понимая, что безболезненно решить стоящую перед ним дилемму все равно не удастся. Совета спросить было не у кого — даже верного Санича в такую смертоносную тайну посвящать было опасно.

Катарина, конечно, видела, что с ним происходит что-то неладное — от нее и раньше было трудно что-то утаить, а с тех пор, как они стали близки, тем более. Но Андрей отговаривался тем, что напряженно работает над поставленной перед ним задачей — созданием коммуникационных технологий для участников будущей революции.

— Ты не представляешь, как это сложно, — жаловался он Катарине. — После событий на Манежной площади наши спецслужбы поняли, что для предотвращения беспорядков необходимо жестко контролировать не только Интернет, но и мобильную связь. Чтобы обойти все эти рогатки, нужно изворачиваться ужом. А ведь речь идет не только о разработке нового смартфона — это как раз было бы просто! — а о внедрении новой телекоммуникационной сети, о строительстве передающих станций! Мне приходится тратить уйму сил на согласование всех деталей в МВД и ФСБ! Неудивительно, что нервы уже ни к черту!

Верила она ему или нет, сказать было сложно. Во всяком случае, делала вид, что верит. Гумилев действительно дал команду руководителям подразделений своей корпорации подготовить проект создания новой мобильной связи для корпоративных клиентов, защищенной от прослушивания. Конечно, не для того, чтобы облегчить жизнь тем, кто выйдет осенью на московский «майдан». В борьбе с Четвертым Рейхом, опутавшим весь мир своей невидимой паутиной, подобная связь очень бы пригодилась. Кроме того, Андрей теперь получил вполне законное право посещать кабинеты руководителей российских спецслужб — а ведь именно там он рассчитывал найти себе союзников.

У него, как и у каждого крупного бизнесмена в России, были хорошие знакомые в силовых структурах. Корпорация Гумилева сотрудничала с МЧС России, финансировала московскую Службу спасения, не слишком афишируя эту сторону своей деятельности, выделяла

деньги на лечение милиционеров и сотрудников ФСБ, получивших ранения на Кавказе. А с руководством такой влиятельной организации, как Генеральное разведывательное управление Генштаба РФ, у Гумилева сложились дружеские отношения после того, как специалисты его корпорации превратили майора ГРУ Олега Санича из беспомощного инвалида в грозного Робокопа. Военные разведчики сразу же оценили, какие выгоды сулит подобная «киборгизация», и настоятельно попросили Андрея помочь еще нескольким офицерам, получившим серьезные травмы в различных горячих точках. В итоге ГРУ получило с десяток супербойцов, каждый из которых был способен в одиночку уничтожить взвод противника, а Гумилев — надежного союзника в лице тогдашнего начальника ГРУ генерала Яворского.

Но два года назад, как раз во время арктической экспедиции, боевой офицер Яворский ушел как бы на повышение — в Совет Безопасности России, а на его место министр обороны назначил человека, который гораздо лучше разбирался в бухгалтерской отчетности, чем в тайных операциях. С новым начальником ГРУ Андрей был незнаком, но что-то подсказывало ему, что тот вряд ли будет вникать в хитросплетения заговора, к которому случайно прикоснулся Гумилев.

Да и как рассказать о том, во что даже он сам, побывавший на базе «Туле» и своими глазами видевший старуху в мундире рейхсфюрера СС, с трудом мог поверить?

Кто в здравом уме поверит в существование Четвертого Рейха, выжившего вопреки законам природы и истории во льдах Арктики и готовящегося захватить власть над миром? Особенно если единственным подтверждением этому остается полученная весьма сомнительным путем запись разговора нефтяного магната и китайского биолога...

Возможно, если бы Гумилев указал на какие-то конкретные звенья заговора, он мог бы рассчитывать на успех. Спецслужбам было вполне под силу проследить, куда ведут отдельные нити паутины, сплетенной Марией фон Белов, — вот только все концы этих нитей, известных Гумилеву, вели прямиком к нему. Да, можно было доказать, что компания «TSG Railways Ltd» под видом железнодорожного оборудования поставляет режиму Каддафи высокоточное оружие. Но деньги на приобретение этого оружия давал он сам, Андрей Гумилев. А стало быть, в глазах ФСБ, ФБР или Интерпола он такой же соучастник преступной торговли оружием, как томящийся в американской тюрьме Виктор Бут. И потом, где гарантia, что «TSG Railways Ltd» напрямую

связана с Четвертым Рейхом? Судя по тем данным, которые успел передать Саничу покойный офицер СВР, связь там многоступенчатая, через курдских боевиков и курирующих их людей из ЦРУ.

Нет, никого не сумел бы убедить Андрей в том, что над человечеством нависла страшная тень. Но, подумав как следует, он решил, что это не так уж необходимо. Достаточно предотвратить хотя бы те «акции», о которых рассказывал Беленину Чен: захват Большого театра в Москве и Линкольн-центра в Нью-Йорке. Это спасет жизни тысячам людей и, вполне возможно, сорвет дальнейшие планы террористов.

И Гумилев принялся искать среди руководителей российских спецслужб тех, кого можно было осторожно предупредить о готовящемся грандиозном теракте.

Но здесь его ждало разочарование.

В кабинетах, хозяева которых еще недавно были рады вниманию одного из самых богатых людей России, он теперь натыкался на стену холодного равнодушия. Разумеется, в лицо ему улыбались, крепко, по-мужски, жали руку, обещали поддержку, заверяли, что могут решить любые вопросы... но дальше разговоров дело не шло. Стоило Андрею заикнуться о том, что он хотел бы обсудить некую проблему, имеющую отношение к национальной безопасности, как улыбки сползали с мужественных лиц и разговор тут же сворачивал на другую тему. Если же он начинал настаивать, у собеседников тут же находились совершенно неотложные дела, они извинялись, обещали перезвонить через пару дней... и никогда не перезванивали.

Гумилев чувствовал, что его окружает невидимая полоса отчуждения. И не знал, что нужно сделать, чтобы прорваться за нее.

Он попытался выйти на генерала Яворского — через Санича. Олег тайно встретился со своим бывшим начальником и вернулся обескураженным.

— Дед (так звали Яворского офицеры ГРУ) не станет с вами разговаривать, Андрей Львович. Он дал понять, что больше вам не доверяет. Не так впрямую, конечно, но смысл такой.

— Почему? — Гумилев больше удивился, чем обиделся. — Должна же быть какая-то причина!

Санич пожал широкими плечами.

— Я так понял, что это все из-за Арктики. Дед считает, что вы что-то скрыли... что-то, относящееся к гибели экспедиции. Это же еще при нем происходило... В Аквариуме¹ тогда была большая перетряска. Говорят,

¹ Неофициальное наименование штаб-квартиры ГРУ на Ходынке.

что Деда из-за вашего исчезновения и перевели в Совбез... вроде бы его прокол. И еще, Андрей Львович... вы только не обижайтесь...

— Напомнить тебе, Олег, что делают с обиженными? — резко спросил Гумилев. — Говори все как есть.

— Ну, в общем, Дед намекнул, что в силовом сообществе у вас друзей больше нет. Все считают, что Свиридова вы подставили. А его уважали очень.

Гумилев помолчал. Потом, хрустнув пальцами, сказал:

— Хорошо, Олег. Считай, что этой встречи не было. Иди работай.

— У нас сегодня маленький праздник, — сказал он Катарине, вернувшись домой тем вечером. — Проект «Черника» получил одобрение Министерства связи. В сентябре мы запустим первые станции.

— Поздравляю, дорогой. — Катарина поцеловала его в щеку. Она только что вышла из душа, светлые волосы влажно блестели. С тех пор как Катарина показалась ему в своем естественном облике, она часто позволяла себе оставаться такой наедине с Андреем, и даже в образе Марго она перекрасилась. Гумилев находил, что быть блондинкой ей идет в обоих вариантах. — Думаю, это надо отметить.

— Непременно. У меня для тебя есть подарок.

— Какой? — В голубых глазах девушки засияли искорки. — Скажи скорее!

— Не скажу, — усмехнулся Андрей. — А вот показать — пожалуйста. Пойдем.

В конюшне двое мужчин в зеленых комбинезонах заводили в стойло великолепного серого в яблоках жеребца. Он крутил головой и злобно скалил крупные зубы, пытаясь укусить своих конвоиров.

— Познакомься с Бисмарком, — сказал Гумилев онемевшей от восторга Катарине. — Я попросил Кирсана Илюмжинова выбрать для тебя лучшего жеребца Калмыкии. Он действительно лучший, только совершенно необъезженный.

— Это ничего, — мотнула головой Катарина. — Так мне даже больше нравится! Я сумею его усмирить! Знаешь, после Сурта...

Она осеклась, огоньки в глазах погасли. Но Гумилев сделал вид, что ничего не заметил.

— Только будь осторожна, — предупредил он. — Кони этой породы злы и непредсказуемы.

Девушка подошла к жеребцу и бесстрашно протянула руку, чтобы потрепать его по морде. Бисмарк клацнул зубами, но она успела отскочить.

— Какой свирепый! Ничего, я тебя обуздаю!

Расчет Гумилева оказался верен. На несколько дней Катарина забыла обо всем на свете, кроме серого жеребца. И надо же было случиться, чтобы именно в эти дни Андрею пришлось уехать на выходные в Питер, где открывался международный форум «Экономика инноваций».

В другое время Катарина наверняка увязалась бы вместе с ним. Но Бисмарк захватил ее целиком, он с трудом поддавался дрессуре, и девушка была полна решимости сломить его волю и подчинить упрямое животное себе. Поэтому она отпустила Андрея в Северную Пальмиру одного — а точнее, под бдительным присмотром верного шоferа Бори.

Гумилев прилетел в Питер на своем «Лирджете» в сопровождении Бори и трех охранников во главе с немногословным Сергеем Кимом. Про этого невысокого корейца Ева говорила, что у него в роду явно были немецкие овчарки. Катарина не раз пыталась заменить Кима на кого-то из своих людей, но Гумилев, уступая ей во многих других вопросах, здесь стоял насмерть. Ким был абсолютно предан ему, как могут быть преданы только восточные воины, кончавшие жизнь самоубийством после гибели своего сюзерена.

И теперь Гумилев строил свой план на этой преданности.

С утра он отправился в Аничков дворец, где проходил международный форум. Боря остался дремать за рулем «Мерседеса», двое охранников неторопливо прогуливались вдоль фасада здания, а Гумилев в сопровождении Кима вошел в ворота дворца.

Спустя три минуты они покинули дворец через боковой выход, сели в ожидавшую их черную «Ауди» и помчались в аэропорт Пулково. А еще через два часа Андрей был уже в Москве.

Генерал Свиридов держал во рту незажженную сигарету в длинном костяном мундштуке.

«Он всегда много курил, — вспомнил Андрей, — а в прошлую нашу встречу я даже не почувствовал запаха табака в квартире».

— Я бросил, Андрей Львович, — вместо приветствия сказал генерал, проследив за его удивленным взглядом. — Проходи, не стесняйся. Не чужие вроде люди.

— Я не один, — предупредил Гумилев. Ким стоял за его спиной, безмолвный и невозмутимый, как самурай. Свиридов слегка усмехнулся.

— А я его хорошо помню. Он еще моих парней к тебе в дом пускать не хотел. Ладно, заходите оба.

Он повернулся и пошел в глубь квартиры, слегка шаркая длинными ногами. Гумилев, мстительно не став снимать туфли (подошвы, правда, были совершенно чистыми), последовал за ним. Ким чуть приотстал, завозившись с запорами на стальной двери.

На этот раз Свиридов принимал гостей в кабинете, узком, похожем на пенал помещении, окно которого смотрело на стену соседнего дома. В отличие от гостиной, здесь было совсем неуютно, мебель была старая и тяжелая, производившая впечатление казенной.

— Ну, рассказывай, с чем пожаловал. — Генерал тяжело опустился в высокое кресло, указав гостю на узкий диван. — Давно я тебя жду.

— Как это понимать, Илья Ильич? — напрягся Гумилев. Ему нечасто приходилось играть в конспиративные игры, которые были хорошо знакомы Свиридову, и он нервничал.

— Да так и понимать, как есть. — Свиридов пожал костлявыми плечами. — Доходили до меня слухи, что ты пытался договориться о чем-то с Петром Николаевичем и Алексеем Борисовичем, да только они с тобой разговаривать не стали. Правда ли это?

— Допустим, правда. — Андрей разозлился. Мало того что хозяева высоких кабинетов отшили его, как надоедливого просителя, они еще выставили его на посмешище! Теперь неизбежно пойдут разговоры, что могущественный миллиардер Гумилев ищет поддержки у руководителей спецслужб, а те ему отказывают. Черт с ней, с репутацией — после скандала с исчезновением Евы он уже привык без особых эмоций переносить нападки желтой прессы, — но рано или поздно эти разговоры дойдут до Катарины, и тогда...

Он решил пойти ва-банк, как часто делал в сложных ситуациях.

— Я даже знаю, почему они так поступили. Это из-за вас. Силовики считают, что я вас подставил, что из-за меня вас отправили в отставку.

Генерал не торопясь перекатил мундштук из одного угла рта в другой.

— А это не так, Андрей Львович?

Андрей был готов к этому вопросу.

— Не так, Илья Ильич. Я не напрашивался в эту экспедицию. Я готов был просто ее финансировать. Но вам зачем-то очень надо было, чтобы я отправился на полюс лично. И это вы подвели ко мне своего агента, Марго. Вы придумали эту игру, генерал. И то, что вы проиграли, не моя вина.

Свиридов побарабанил пальцами по массивному подлокотнику кресла.

— Кое в чем ты прав. Но моим коллегам этого, к сожалению, не объяснишь. Для них ты, и только ты — виновник гибели экспедиции.

Гумилев оторопел.

— При чем тут экспедиция? Допустим, я могу понять, почему меня обвиняют в вашем карьерном падении. Но как я мог погубить свое собственное детище, «Землю-2»?

Генерал ответил не сразу.

— Ты, наверное, знаешь, что, вернувшись на судно, Чилингаров сразу вызвал на «Россию» Аркадия Ремизова, крупнейшего специалиста по профессиональному интеллекту.

— Да, я в курсе.

— Ремизов пришел к выводу, что причиной гибели «Земли-2» была не атака вражеской субмарины, а сбой в работе «Фрама». Такой же, как и у тех искинов, которые были установлены на авиаляйнерах, разбившихся в 2009 году. А значит, ответственность за катастрофу, погубившую «Землю-2», несет твоя корпорация, разработавшая «Фрама» и другие искины, и лично ты, Андрей Львович.

Гумилев медленно сосчитал до десяти, борясь с охватившей его холодной яростью. Его считают не просто неудачником, его считают убийцей десятков доверившихся ему людей! Неудивительно, что никто из руководителей российских спецслужб не хочет его выслушать.

— Генерал, — сказал он, тщательно выбирая слова, — все было не так. Я пришел, чтобы рассказать вам, что произошло в Арктике на самом деле, — и не для того, чтобы оправдаться, поверьте. Но эта информация смертельно опасна. Для вас, для моих близких, для каждого, кто к ней прикоснется...

— Тогда вели своему волкодаву подождать в гостиной, — буркнул Свиридов. — Все равно ведь не садится, дверной косяк только зря подпирает...

Гумилев обернулся к Киму.

— Я лучше в прихожей побуду, — охранник выразительно погладил слегка оттопыривающуюся на боку куртку, — дверь посторожу.

— Толковый, — скромно одобрил генерал, когда Сергей вышел из кабинета. — Вообще из корейцев всегда хорошие бойцы получались. Так что ты хотел мне рассказать?

— Вам стерли память о событиях, произошедших на самом деле в Арктике, — сказал Андрей. — И заставили поверить в то, чего на самом деле не было.

У Свиридова дернулся уголок рта.

— Это каким же образом? Система «Палимпсест»¹ заморожена в девяносто третьем году, все спецы, что ее разрабатывали, или на пенсии, или на Западе.

— Орел, Илья Ильич. Вы же сами говорили мне, что с помощью Орла можно внушить человеку все, что угодно. Вот вам и внущили всю эту историю про атаку американской подлодки и гибель «Земли-2». Вам и Илюмжинову.

— А что ж тебе не внущили? — прищурился генерал. — И, главное, кто все это сделал?

— Меня тоже пытались обработать, — не стал отпираться Гумилев. — Но у меня на эти ваши предметы какая-то аллергия. Короче, я чуть не умер, и тогда они решили поступить со мной по-другому...

— Да кто «они»? — рассердился Свиридов. — Американцы, что ли?

— Если бы, — вздохнул Андрей. — Немцы, нацисты. Они называют себя «Четвертый Рейх». У них там, в Арктике, база.

— Андрей Львович, — заботливо спросил генерал, — ты себя чувствуешь нормально? Голова не кружится?

— Илья Ильич, я понимаю, что вы мне имеете полное право не верить, тем более что вам наверняка поставили какой-то психологический блок — ну, чтобы вы не вспомнили, как там на самом деле все происходило. Но у меня есть доказательства.

Гумилев достал из кармана флэшку и протянул генералу.

— Здесь запись беседы Миши Беленина — они ему тоже ничего стирать не стали, он, судя по всему, давно на них работает, — и Чена. Помните биолога-китайца?

Свиридов посупровел, на скулах заиграла желваки.

— Разумеется, помню. Это был единственный член команды, к которому у нашей службы возникли вопросы.

— Почему же вы об этом ничего мне не сказали? И зачем допустили его к участию в экспедиции?

— За него поручились очень серьезные люди, — мрачно ответил Свиридов. — На самом верху. Ладно, вернемся к твоему рассказу. Когда происходила беседа?

— В середине июля, в поместье Беленина.

¹ Палимпсест — средневековый манускрипт, написанный на материале (например, телячьей коже), с которого предварительно соскабливали предыдущий текст. Кодовое обозначение технологии по созданию ложной памяти, разрабатывавшейся в СССР в 70–80-х годах XX века.

— Но ведь Чен погиб!

— Это вы так думаете. На самом деле из тех, кто находился на борту «Земли-2», погибло всего лишь пять человек — задохнулись, когда мы шли по пеленгу «Да Винчи». Остальные выжили и, надеюсь, до сих пор живут на арктической подводной базе нацистов.

— Сказки рассказываешь, — пробормотал Свиридов, но флэшку взял. Вставил ее в выносной разъем на столе и включил небольшой серебристый ноутбук Sony.

Когда запись кончилась, Свиридов поднялся и походил по кабинету, похрустывая длинными сильными пальцами. На гладко выбритом его черепе блестели мелкие капельки пота.

— Кто эта арктическая старушка, о которой говорил китаец? — спросил он наконец.

— Некая Мария фон Белов, рейхсфюрер СС и наместник Четвертого Рейха. — Гумилев в очередной раз поразился умению генерала схватывать самую суть новой для него проблемы. — Ей уже лет сто, а она мечтает о мировом господстве.

— Фон Белов? — нахмурился Свиридов. — Неужели та самая?

— Какая «та самая»? Я и в Интернете смотрел, и массу книжек по истории Великой Отечественной перелопатил — нигде никакого упоминания об этой фон Белов. Был, правда, такой Никлас фон Белов, военный летчик и адъютант Гитлера...

— Это его сестра. — Генерал потер пальцами виски. — Одна из самых зловещих и загадочных фигур в окружении фюрера. Вся информация о ней была так засекречена, что она даже не попала в розыскные списки нашей контрразведки. Я думал, она давно умерла... В Аннернебе — знаешь, что это такое? — она отвечала за поиск предметов. Да-да, тех самых, с которыми ты теперь так хорошо знаком.

Андрей тоже поднялся — ему было некомфортно сидеть и глядеть снизу вверх на нависающего над ним генерала.

— Что это вообще такое — эти ваши предметы? Кто их создал? И почему они обладают сверхъестественными свойствами?

— Ого, — засмеялся Свиридов, — сколько вопросов сразу! Андрей Львович, да если бы я знал на них ответы, то не сидел бы сейчас байбаком в отставке! Никто этого не знает, разве что вот фон Белов за столько лет догадалась, да и то вряд ли. Известно только, что существуют они испокон веков, что изображают они животных — ну, или рыб там, или насекомых, но не растения и не людей, — что дарят

своим хозяевам некие способности, которыми люди обычно обделены. А уж кто их сделал и для чего — об этом, как говорится, история умалчивает. Да мне это и не важно было — я прикладник, мне о высоких материалах рассуждать некогда. Моя задача — отыскать предмет, определить его свойства, наложить на него лапу, передать в закрома Родины. Была такая задача, — поправился он, подумав.

— Выходит, вы с фон Белов — коллеги, — язвительно заметил Гумилев. — Она тоже охотится за предметами. А тут мы ей прямо в руки столько всего притащили — и Орла, и Кролика, и Морского Конька, и Единорога...

— И Спрута, — педантично добавил генерал. — Не забывай о Спруте, это очень важный предмет. С его помощью можно определить, где находятся другие действующие предметы, — именно так мы обнаружили хранилище артефактов у Северного полюса. Видимо, у этих нацистов неплохая сокровищница...

— Так вы отправились в Арктику, чтобы отыскать это хранилище? — удивился Андрей. — А наша экспедиция была всего лишь прикрытием?

— Почему же? — удивился Свиридов. — Испытания терраформирующей станции и разведка новых месторождений нефти на шельфе тоже были реальными целями. Но, конечно, у ГУАП имелись свои планы относительно того, что нужно искать на 85-й параллели.

— А меня-то вы зачем туда потащили? Я же о предметах вообще ничего не знал!

— Зато они тебя хорошо знали. И тянулись к тебе, как металлические опилки тянутся к магниту.

Гумилев задумался, припоминая. Первый предмет, с которым он столкнулся, — Паук из Сингапура. Затем Ящерка, которую таинственный индус подарил Еве. Потом Единорог Кирсана Илюмжинова. Морской Конек, крошащий кости и рвущий мышцы на расстоянии. И, наконец, маленький длинноухий Кролик, вшитый в предплечье Марго.

А совсем недавно — Бабочка, висящая на цепочке, которую носит на талии Катарина.

— Кстати, генерал, а вам знаком такой предмет — Бабочка?

Свиридов ничуть не удивился.

— Скажем так — мне приходилось о нем слышать. Этот предмет вроде бы позволяет человеку принимать любой облик. Но, возможно, это только легенды, точной информации нет... А откуда ты о нем знаешь?

— Этот предмет есть у Марго, — объяснил Андрей. — Точнее, у девушки, что выдает себя за Марго. На самом деле ее зовут Катарина, она внучка Марии фон Белов.

— Ничего себе, — покачал головой генерал. — Здорово они тебя обложили! А все потому, Андрей Львович, что ты уникальный человек. И для нашей организации очень ценный. Помнишь, я тебе говорил, что ты сам по себе предмет? Таких, как ты, называют беспредметниками. Это люди с врожденными сверхъестественными способностями — кто-то умеет взглядом предметы двигать, кто-то мысли читает. Бабушка твоя, царство ей небесное, наложением рук лечила, да так, что никаким врачам за ней было не угнаться...

— Бабушка? Откуда вы... А ведь эта сущеная мумия говорила, что была с ней знакома!

На этот раз Свиридов все-таки удивился.

— Неужели? Вот уж воистину тесен мир... В общем, Андрей Львович, предметы к беспредметникам липнут. Потому-то я и хотел, чтобы ты с нами к полюсу отправился...

— Знаете, генерал, — Гумилев злился на этого человека, сломавшего ему жизнь только потому, что ему хотелось добавить в свою коллекцию десяток новых предметов, — я что-то не замечал за собой сверхъестественных способностей. Взглядом спички я поджигать не могу, летать тоже пока не научился... Что-то у вас не сходится.

Свиридов тяжело вздохнул.

— Андрей Львович, ты вот свои миллиарды как заработал? Шел-шел и нашел кошелек с миллиардом? Или, может, тебе наследство от богатой тетушки из Австралии привалило?

— Не надо ерничать, Илья Ильич, — попросил Гумилев.

— Да я и не ерничаю, — смиренно развел руками-лопатами Свиридов. — Ты свои деньги заработал, причем преимущественно честным путем. А поскольку это у нас в стране почти невозможно, остается предположить, что тебе что-то помогало.

— Ага, — хмыкнул Андрей, — у всех ангелы-хранители, а у меня ангел-брокер. Так, что ли?

— Почти, — не принял шутки Свиридов, — на самом деле все куда проще. У тебя невероятно развита интуиция. На уровне, недоступном обычному человеку. Эта интуиция все время подталкивает тебя принимать правильные решения и делать правильный выбор в сложных ситуациях. Вот такой у тебя дар.

— Да уж, негусто.

— А ты полагаешь, способность двигать стулья взглядом принесла бы тебе больше пользы? — скептически осведомился генерал. — Максимум, на что ты мог бы рассчитывать, — это на сборы от продажи билетов в провинциальных цирках. А со своей интуицией стал олигархом...

— Я не люблю слова «олигарх», — перебил его Гумилев.

— Я помню, помню, — кивнул Свиридов. — Ты у нас сторонник аристократической системы. Ладно, все это лирика. Я так понимаю, ты ко мне не о высоких материях толковать пришел. Излагай.

— Да, по-моему, все и так понятно. — Андрей кивнул в сторону серебристого ноутбука. — Эти выродки собираются устроить миру шоковую терапию, чтобы на волне глобальных беспорядков прийти к власти. Они называют это «управляемый хаос».

— Концепцию управляемого хаоса придумали в США, — заметил генерал. — Но использовать ее могут и нацисты, тут ты прав. Значит, захват заложников в Москве и Нью-Йорке? Взрывы на атомных электростанциях?

— И еще какой-то непонятный «небесный огонь». Который пострашнее атомной бомбы. Не знаете случайно, что это может быть?

Свиридов пожал плечами.

— Я не специалист по новейшим системам оружия. Похоже, что-то вроде системы СОИ, которой американцы пугали нас в восьмидесятые годы. Но ее ведь так и не реализовали.

— Может быть, это и блеф, — не стал спорить Гумилев. — Но даже если все ограничится взрывами и заложниками... Генерал, мы должны их остановить!

— Мы? — удивился Свиридов. — Насколько я понимаю, ты уже два года на них работаешь. Что, совесть неожиданно проснулась?

— Илья Ильич, — сказал Андрей мягко, — у них моя дочь и Марго. И потом, вы думаете, заговорщики посвящали меня в свои планы?

— Беленина же посвящали, — хмыкнул генерал. — Впрочем, Чен там оговаривается, что тебе особой веры нет... Ладно, так чего ты от меня хочешь?

— Помощи, — просто сказал Гумилев. — В одиночку я их не остановлю. Тут нужна мощная организация, такая как ваша.

— Я уже два года как в отставке. Дача, грядки, домино во дворе. От такого союзника тебе будет не много проку.

Свиридов подошел к окну, выглянул на улицу и зачем-то задернул штору. В кабинете сразу стало темно и еще более неуютно.

— Знаешь, что это за квартира? — неожиданно спросил генерал. — Во время войны здесь жил начальник СМЕРШа Абакумов. Слыхал про такого?

— Что-то слышал. Его вроде бы расстреляли?

— Да, попал под раздачу после «дела врачей». Когда Сталин умер, его должны были выпустить, но он слишком много знал. А когда-то был одним из самых могущественных людей в стране.

— К чему вы мне это рассказываете?

— Мою службу создал именно он, Виктор Абакумов. Поначалу это был крохотный отдел в системе СМЕРШ, потом постепенно расширился. При Хрущеве его чуть было не разогнали, Никита вообще в мистику не верил, но потом восстановили. Но «мощной организацией», как ты выражаяешься, он никогда не был.

— Значит, не поможете? — Гумилев не сумел скрыть своего разочарования. Свиридов был его единственной надеждой — если кто и мог поверить Андрею, то только бывший глава ГУАП. — Что ж, тогда не стану отнимать у вас время...

— Времени у меня как раз предостаточно, — усмехнулся генерал. — Как и у любого пенсионера. А вот возможности уже не те. Но оставлять это дело просто так нельзя. Надо же, что выдумали, поганцы, — Орла против меня использовать! Тебе этого не понять, а я за эти полвека с Орлом ни разу не расставался... Он как часть меня был. Пользовался я им редко, но тут не в частоте дело. Гитлер, когда у него Орла отобрали, сдулся, как резиновая кукла, которую прижгли паяльником. Я, видишь, тоже ослаб... Предметы, знаешь ли, вампирят. Дают тебе сверхспособности, но отбирают жизненные силы... особенно когда переходят к другому владельцу.

Гумилев молча смотрел на него. Свиридов, видимо, почувствовал, что его исповедь никому не нужна, и резко сменил тему.

— В общем, вот что мы сделаем. Ты возвращайся к своей Катарине... Постарайся, чтобы она ничего не заподозрила. Я встречусь с кем надо, дам послушать твою запись, объясню как и что. Они свои акции собираются в конце ноября устроить, так что время у нас еще есть. Когда дойдет дело до разработки конкретных контрмер-приятий, тебе сообщат. А пока сиди тихо, как мышь под веником, понял?

Андрея покоробил его тон — так генерал мог бы разговаривать с кем-нибудь из своих молодых и неопытных подчиненных. Но он понимал, что Свиридов таким образом отыгрывается за проявленную

минутой раньше невольную слабость. К тому же то, что генерал все же согласился ему помочь, перевешивало любые личные обиды.

— Только будьте осторожны, Илья Ильич, — сказал он, протягивая Свиридову руку. — У Четвертого Рейха глаза и уши повсюду. Сами же говорили — за Чена просили очень влиятельные люди...

— Не волнуйся, Андрей Львович, меня не так-то просто убить.

Генерал выглядел на удивление бодро, будто сбросил с десяток лет. «Ему за семьдесят, — вспомнил Андрей слова Катарины. — А держится так, словно вчера разменял шестой десяток».

— Чаю-то выпьешь? — спохватился вдруг Свиридов. — Или чего покрепче?

— Нет, Илья Ильич, благодарю. Мне еще в Питер лететь. — Гумилев посмотрел на часы. — Через три часа мое отсутствие начнет вызывать ненужные вопросы.

— Тогда иди. — Генерал распахнул дверь кабинета, и в коридор тут же выглянул настороженный Ким. — Ни пуха ни пера, Андрей Львович.

— К черту, — искренне ответил Гумилев.

Он успел вовремя. Незаметно появился в зале Аничкова дворца за десять минут до того, как представитель Европейской комиссии по высоким технологиям, последний докладчик на сегодняшний день, закончил свое выступление. И вышел из зала вместе с другими участниками форума, обмениваясь репликами с Михаилом Порожовым.

Уже на ступенях крыльца его догнало юное рыжеволосое создание с микрофоном в руках.

— Маша Заремба, «Питерская служба новостей». Андрей Львович, уделите пару минут слушателям нашей радиостанции!

— Увы, Маша, — слегка улыбнулся Гумилев, — я не даю интервью. Обратитесь к моему пресс-секретарю.

— Только один вопрос! — крикнула ему в спину рыжеволосая Маша. — Почему вы, самый известный в стране стартапер хайтэк-проектов, демонстративно проигнорировали первый день международного форума «Экономика инноваций»? Вам это неинтересно?

Гумилев, уже спустившийся к машине, медленно обернулся к ней. Рыжеволосая ехидно улыбалась.

— Говорят, вас видели сегодня в аэропорту Пулково. Правда ли, что вы летали в Москву?

Сергей Ким с каменным лицом сделал шаг к журналистке. Та подняла микрофон, словно защищаясь.

— Может быть, у вас были неотложные дела? Не расскажете нашим слушателям, какие?

— Оставь ее, — бросил Андрей начальнику личной охраны. — Поехали.

В машине он поднял перегородку, отделявшую его от водителя, и велел Киму:

— Позвони на станцию «Питерская служба новостей» и узнай, давно ли работает у них эта Заремба.

— Сделаем, — кивнул кореец.

Спустя час он деликатно постучал в дверь номера Гумилева в отеле «Астория».

— Журналистки с такой фамилией на радио ПСМ нет.

Той же ночью напротив дома номер восемь по Архангельскому переулку остановился неприметный «Фольксваген-Гольф». Из него вышли трое крупных, спортивного телосложения мужчин, четвертый, водитель, остался курить в машине. Все мужчины были в одинаковых черных куртках с капюшоном, широких, не сковывающих движения темных штанах и мягких кожаных мокасинах, позволявших передвигаться почти бесшумно.

В тихом центре Москвы в три часа ночи такая компания может навестить страх на кого угодно. Двадцатилетний студент юрфака МГУ Денис Бобышев, возвращавшийся из ночного клуба «Алиби» со своей новой подружкой, которую, кажется, звали Рита, слишком поздно сообразил, что трое мужчин, стоявших у подъезда дома номер восемь, увидели его раньше, чем он их. Беда была в том, что Денису нужно было попасть именно в этот подъезд, потому что небольшая, но уютная квартира, доставшаяся ему от бабушки, находилась именно там, на третьем этаже. Но от троицы в черных куртках исходила такая угроза, что Денис решил погулять еще немного.

— Давай пройдемся, — довольно бесцеремонно дернул он свою новую подругу за локоть. — Вон туда, за угол.

— Ты же говорил, что здесь живешь! — возмутилась Рита (или не Рита). Она была хорошенькая, но, похоже, совсем тупая. Во всяком случае, опасности, исходившей от плечистых фигур у подъезда, она не чувствовала.

— Быстро, быстро! — Денису показалось, что один из черных силуэтов дернулся в их направлении. — Там пиво в ночном ларьке продают, возьмем парочку.

— Ты же говорил, у тебя дома текила, — продолжала тупить Рита (или не Рита). — На фига мне твое пиво?

Но Денис уже молча тянул ее прочь от опасного подъезда. Ларек обнаружился лишь в двух кварталах от дома, девушка к тому моменту совсем раскапризничалась, и Денис, протрезвевший на свежем ночном ветерке, дал ей триста рублей на такси и без всякого сожаления отправил в Братеево, где Рита (или не Рита) снимала квартиру.

Домой он рискнул вернуться лишь спустя час. Ни «Фольксвагена», ни зловещих черных фигур у подъезда уже не было. Денис набрал комбинацию на кодовом замке и осторожно вошел в парадное.

Лестничные пролеты в доме были высокие и гулкие. Денис поднялся до второго этажа и здесь замер как вкопанный.

Дверь квартиры, принадлежавшей раньше какому-то крутому сталинскому соколу, а последние лет десять — высокому седому генералу ФСБ, была распахнута настежь. Но это само по себе было еще не страшно.

Страшной была лужа, натекшая на пол перед открытой дверью. Она была темная, почти черная, и густая, как тьма в недрах квартиры. И еще внизу на двери был отпечаток ладони, измазанной в липком и темно-красном, словно кто-то, поскользнувшись в луже, вслепую пытался подняться на ноги.

Студент юрфака Денис Бобышев наклонился и потрогал темную лужу. На пальцах у него заалели кровавые пятна.

В этот момент Денис окончательно отказался от мысли делать карьеру следователя и решил пойти в адвокаты.

ГЛАВА 14

ЗВЕНЬЯ БОЛЬШОЙ ЦЕПИ

Москва, Белый дом, август 2011

Премьер-министр Российской Федерации отложил в сторону тяжелую ручку с золотым пером и обвел сидевших за столом мужчин испытующим взглядом.

— На повестке дня у нас перспективы развития нефтегазовой отрасли в связи с ситуацией в Арктике. Что там у нас с проектом трубопровода? Я вас внимательно слушаю, коллеги.

— Судьба северного трубопровода сейчас решается в Северной Африке. — Вице-премьер, курирующий «нефтянку», раскрыл красную папку с золотым тиснением. — Ливийским повстанцам, которых поддерживает авиация НАТО, никак не удается взять под контроль главные нефтяные месторождения страны. Зато в их руках находятся главные порты и терминалы для заливки нефти в танкеры. Они уже продали несколько миллионов баррелей нефти западным компаниям, но те пока что не получили ни одного танкера — их просто нечем заправлять. Если в течение нескольких месяцев эта ситуация не разрешится, нынешняя зима станет очень неприятной для Европы. Тогда строительство трубопровода по дну Северного Ледовитого океана окажется единственным выходом для Запада.

— И для США? — прищурился премьер-министр.

— В мире происходят глобальные изменения климата. Из-за изменения плотности морской воды в Северной Атлантике Гольфстрим перестал обогревать атлантическое побережье Европы. Что же касается США, то тамошние климатологи прогнозируют серию чрезвычайно суровых зим, угрожающих сельскому хозяйству «библейского пояса», то есть главной житнице континента. Если эти прогнозы оправдаются, зависимость США от импорта нефти и газа вырастет в разы.

— И они, разумеется, это понимают, — добавил сосед вице-премьера, черноволосый мужчина в очках без оправы, — и принимают необходимые меры. Полным ходом идет работа по созданию арктического нефтегазового консорциума, в котором нашей стране, к сожалению, места пока не предлагают.

— Есть и еще одна неприятная новость, — кашлянув, сказал вице-премьер, курирующий «нефтянку», — информация о том, что «БелНафта» Михаила Беленина готова подписать договор с «Уорвик Петролеум», подтвердилась. Подписание произойдет в ближайшие две недели. Это означает, что на наш сырьевой рынок придет мощный и наглый хищник.

— И что же, — иронически осведомился премьер, — у нас нет возможностей дать этому хищнику по зубам?

Первый вице-премьер позволил себе легкий намек на улыбку.

— Есть, конечно. И мистер Уорвик, я думаю, это понимает. Но есть и обратная сторона медали: «БелНафта», подписав соглашение с «Уорвик Петролеум», войдет в арктический консорциум. Единственная из всех российских компаний. После этого никто уже не сможет обвинить Запад в том, что он не допускает нашу страну к участию в разделе богатств арктического шельфа.

— А к Беленину сейчас так просто не подступишься, — добавил мужчина в очках, — он теперь не просто олигарх, а политик, глава «Правой силы». Если мы начнем на него давить, скажут, что в России опять зажимают демократию.

— Похоже, наши «друзья» на Западе твердо решили не допускать нас к нефти и газу шельфа, — продолжал первый вице-премьер. — Знают, мерзавцы, что у нас нет технологий, позволяющих разрабатывать подводные месторождения, вот и наглеют.

— Кстати, о технологиях. — Путин посмотрел на самого молодого из присутствующих, Аркадия Дворковича, ответственного за инновационную экономику. — У нас же, кажется, были разработки, позволявшие добывать нефть с шельфа?

Дворкович поскреб гладко выбритый подбородок.

— Мы возлагали большие надежды на проект, продвигавшийся корпорацией Гумилева. «Земля-2», терраформирование, возможность работать на больших глубинах. Но, к сожалению, после катастрофы, постигшей арктическую экспедицию, все работы в этом направлении были свернуты.

— Почему же не оказали необходимой поддержки государственные структуры? — нахмурился премьер. — Можно подумать, у нас бизнесменов-инноваторов пруд пруди.

За столом воцарилось неловкое молчание. Затем первый вице-премьер, курирующий вопросы безопасности, негромко проговорил:

— Если помните, Владимир Владимирович, мой предшественник и выступал против участия Гумилева в арктической экспедиции. Эта

темная история с попыткой похищения в Сингапуре... Исчезновение жены... Мы не можем быть уверены, что Гумилева не прибрала к рукам спецслужба какой-нибудь недружественной нам страны. На мой взгляд, Гумилеву больше нельзя доверять. Тем более рассчитывать на него в таком стратегическом вопросе, как доступ к нефти Северного Ледовитого океана.

— К тому же он довольно близко сошелся с Белениным, — подал голос директор ФСБ. — По нашим данным, он принимал участие в совещании в поместье Беленина, где собирались все лидеры оппозиции. Кстати, именно после этого его корпорация начала реализовывать проект «Черника», о котором я вам докладывал на прошлом совещании.

— Я помню, — прервал его Путин. — И понимаю ваш скептицизм в отношении Гумилева. И все же...

Он сделал паузу, и все присутствующие замерли, ожидая, какой вердикт вынесет премьер.

— И все же не стоит недооценивать Андрея Львовича. Он уже не раз показывал себя не только удачливым предпринимателем, но и настоящим патриотом. Я уверен, что в решающий момент он не подведет.

На этот раз возразить главе правительства никто не осмелился.

— Да, и вот еще информация, косвенно связанная с Гумилевым, — прервал молчание директор ФСБ. — Вчера ночью было совершено нападение на квартиру генерала Свиридова.

— Что значит «нападение на квартиру»? — Путин недовольно посмотрел на фээсбэшника. — Выражайтесь яснее. Генерал пострадал?

Невысокий лысеющий директор ФСБ развел руками.

— Мы этого не знаем. Сосед обнаружил, что квартира открыта настежь, вызвал милицию. В самой квартире — следы борьбы, разбитая мебель, пятна крови. Но никаких трупов. Ни Свиридова, ни нападавших.

— Есть ли какие-то предположения? — спросил премьер. — Все-таки Илья Ильич был носителем важных государственных секретов.

— На месте работает следственная бригада, но результатов пока нет. — Директор ФСБ опустил глаза.

— Дело немедленно передать на контроль Следственному комитету РФ, — распорядился Путин. — Лично Бастрыкину. Пусть землю носом роют, но Свиридова найдут. А каким образом исчезновение генерала связано с Гумилевым?

— Они встречались накануне днем. Причем конспиративно: Гумилев должен был в это время быть в Санкт-Петербурге, на

экономическом форуме. Однако вместо того чтобы сидеть в Аничковом дворце, он слетал в Москву, встретился со Свиридовым и вернулся обратно.

— Вы за ним следите, что ли? — усмехнулся Путин.

— Нет, такого распоряжения мы не получали, — серьезно ответил фээсбэшник. — Но генерал Свиридов, как бывший руководитель ГУАП, обязан был докладывать обо всех своих контактах в службу собственной безопасности ФСБ. Вот он и доложил, что к нему прилетал Гумилев. А спустя несколько часов — исчез.

— После этого — не значит вследствие этого, — процитировал древнеримского юриста Путин. — Ладно, у Александра Ивановича¹ работают ребята хваткие, они разберутся, что к чему. Давайте вернемся к Арктике...

Ливия, район города Сирт, осень 2011

Али Муса прицелился в пролетавший над кварталом старенький советский «Миг-17» и выпустил длинную очередь из «калашникова». Самолету, ясное дело, это никакого вреда не принесло, но Али почувствовал удовлетворение. Если ему выдали автомат, значит, он боец, воин. А воин должен стрелять — не важно, попадает он в цель или нет.

Для борьбы с «Мигами», теми немногими, что еще оставались у сторонников бывшего ливийского лидера, лучше всего подходили переносные зенитно-ракетные установки «Стингер». Но они стоили дорого, и у мятежников их почти не было. Поэтому самолеты, которые сторонники полковника в последние недели подняли в воздух, — до этого считалось, что вся авиация Каддафи уничтожена, — летали над Сиртом беспрепятственно — разумеется, в те часы, когда истребители НАТО «отдыхали» на своих базах. За день таких часов набиралось три-четыре, и в это время сторонники полковника старались нанести силам мятежников максимальный урон.

Получалось это плохо: армия повстанцев представляла собой множество маленьких разрозненных групп, а такие мелкие цели — сущее наказание для военной авиации. Обычно «Миги» наносили урон не столько мятежникам, сколько ни в чем не повинным гражданам, их домам и машинам. Впрочем, так же действовала и авиация НАТО,

¹ Бастрыкин Александр Иванович, глава СК РФ.

поскольку войска бывшего правителя Ливии были рассредоточены на большой территории или укрывались в городах, используя мирное население в качестве живого щита. Война шла уже восьмой месяц, и, несмотря на слухи о бегстве Каддафи и близкой капитуляции его приверженцев, казалось, могла продолжаться бесконечно. Али Муса это устраивало: в армии мятежников платили деньги, не слишком большие, но всяко больше, чем зарабатывал плетельщик корзин, которым он был до войны.

Самолет улетел. Из переулка вывернулся, дребезжа и воняя соляркой, старенький грузовичок с закрытым брезентом кузовом. Остановился в десяти шагах от Мусы.

— Эй, парень, — окликнули его из кабины грузовичка, — хватит попусту тратить патроны, иди лучше помоги!

Муса, не торопясь, подошел. Он чувствовал себя героем, а герои ходят с достоинством.

Из кабины выбрался невысокий седой мужчина в камуфляже и красном, лихо заломленном набок берете. На поясе у мужчины висел большой черный пистолет — Мусе показалось, что американский, но он не настолько хорошо разбирался в оружии, чтобы быть в этом уверененным.

— Что значит «попусту»? Да я прогнал этот собачий «Миг» прочь от нашего квартала!

— Он и так улетал, — оборвал его седой. — Халид, Фархад, за дело!

В кузове произошло движение. Брезентовая крыша соскользнула с металлических рам, словно змеиная кожа. Муса увидел какую-то затянутую камуфлированной сеткой громоздкую штуковину, вокруг которой суетились двое парней — по виду чуть младше него. Они открыли заднюю стенку грузовичка и опустили по ней на землю два металлических рельса-направляющих. Затем принялись подталкивать к ним штуковину.

— Готовься принять эту штукку, когда она пойдет по направляющим, — приказал седой. — И осторожно, не вздумай ее уронить!

В его голосе чувствовалась такая властность, что Али Муса не посмел ослушаться. Он подошел к рельсам, закинул автомат за спину и протянул к штуковине руки. Седой встал с другой стороны и тоже приготовился принимать груз.

— Опускаем! — крикнул кто-то из парней в кузове.

Камуфлированная сетка и закутанный в ней предмет грозно нахвинулись на Мусу. Он уперся обеими руками во что-то очень тяжелое

и холодное и начал потихоньку отступать назад — груз медленно пополз вниз по рельсам.

Фархад и Халид мало-помалу отпускали крепкие брезентовые ремни, которыми был обмотан загадочный предмет, и все равно даже вчетвером они едва удерживали его на направляющих. Один раз Муса споткнулся и чуть не упал; штуковина тут же навалилась ему на руки всем своим весом, и он едва не отпустил ее.

— Держать! — рявкнул седой голосом, не обещавшим ничего хорошего.

Муса, к счастью, удержался на ногах и не выпустил груз.

В конце концов они все-таки установили предмет на земле. Фархад и Халид втянули обратно рельсы и синхронно спрыгнули на землю. Они оба были высокие — выше Мусы — и демонстрировали отличную военную выправку.

— Готовьте «погремушку», — распорядился седой, взглянув на часы. — У нас есть пятнадцать минут — потом прилетят гости.

Один из парней нырнул под камуфлированную сеть и принялся там чем-то щелкать. Второй достал наладонник в зеленом пластиковом корпусе и, сосредоточенно хмуря брови, начал что-то высчитывать. Седой, словно вспомнив о присутствии Мусы, вытащил из кармана двадцатидолларовую бумажку и сунул ему.

— Это тебе за помощь. А теперь беги отсюда. Здесь скоро будет жарко.

Муса торопливо схватил бумажку, на миг забыв о том, что герои все делают с достоинством. Развернулся и довольно быстрым шагом пошел прочь — но лишь для того, чтобы, завернув за угол, нырнуть в пробитую в кирпичной стене дыру и, стараясь не мелькать в лишенных стекол окнах, побежать к лестнице, ведущей на второй этаж.

Отсюда, со второго этажа, было прекрасно видно все, что происходит на улице. Штуковина, которую седой назвал «погремушкой», ощетинилась длинными и тонкими стволами, став похожей на диковинного ежа, отрастившего себе иглы только с одного бока. Парни сидели рядом на корточках; тот, что с наладонником, по-прежнему что-то хмуро считал. Сам седой сидел поодаль на куче битого кирпича и рассматривал какую-то карту, поминутно поглядывая на часы. Потом поднес к глазам небольшой бинокль и принялся внимательно вглядываться в небо на северо-востоке.

— Летят, — отрывисто сказал он. — Всем приготовиться!

Один из парней снова залез под сетку. Второй встал чуть поодаль. Седой слез с кирпичей и отошел под прикрытие стены.

Муса взгляделся и увидел высоко в небе приближающиеся серебристые точки, поблескивающие в лучах заходящего солнца. Натовцы были точны, как часы: в девятнадцать тридцать они наносили авиаудар по позициям бойцов Каддафи на западных окраинах Сирта.

«Миг», по которому стрелял Муса, внезапно снова вынырнул из-за чудом уцелевшего минарета мечети Омара и на бреющем полете прошел над кварталом. От серебристого клина тотчас же отделились три истребителя и ринулись за добычей.

— Ждем! — приказал седой. — Стрелять только по моей команде.

Муса до последнего момента был уверен, что загадочная «погремушка» будет стрелять по «Мигу». Поэтому, когда седой наконец махнул рукой и длинные стволы «ежа» стали плеваться дымом — это сопровождалось странным звуком, действительно похожим на треск огромной погремушки, — он испытал шок. «Миг» по-прежнему оставался невредимым, в то время как преследовавшие его натовские истребители один за другим вспыхивали, словно бумажные самолетики, пролетавшие над большим костром. Из двух истребителей катапультировались пилоты, третий, видимо, не успел — его машина вошла в пике и с жутким воем рухнула где-то в районе Старого базара. Взметнулся столб черного дыма.

— Отлично, парни, — азартно рявкнул седой, — ждем вторую волну.

Но второй волны не последовало.

При виде катастрофы, произошедшей с тремя истребителями, остальные самолеты — Муса насчитал их не менее десятка — синхронно развернулись и ушли обратно на северо-восток.

«Что же это такое? — испуганно подумал он. — Это же натовцы, наши союзники! Как же так? Почему в них стреляют?»

Конечно, он знал, что иногда силы западной коалиции по ошибке наносят удары и по позициям мятежников. Но на это старались не обращать внимания: в конце концов, за каждую такую ошибку натовцы выплачивали щедрую компенсацию. Однако то, что произошло сейчас на его глазах, ошибкой назвать было никак нельзя. Муса уже догадался, что «Миг» заманивал истребители противника в ловушку. Значит, летчик, воевавший на стороне Каддафи, и эти трое, которым он по глупости своей помог, были заодно?

— Трусы. — Седой сплюнул на кирпичное крошево и погрозил кулаком удаляющимся самолетам. — Ладно, три истребителя — тоже результат. Джадафар будет доволен.

Муса вздрогнул. Джадар — довольно распространенное на арабском Востоке имя, однако он сразу догадался, о ком идет речь. Джадар бен Малик, прозванный Черным Судьей, главный координатор сети «Аль-Каиды» в Северной Африке.

Седой и его подручные работали на «Аль-Каиду». «Аль-Каида» до сегодняшнего момента помогала мятежникам оружием и людьми, ее агенты совершили диверсии в тылу войск полковника. Западная коалиция мирилась с таким положением вещей, потому что Каддафи мешал ей больше.

У Мусы, не привыкшего размышлять на такие темы, закружилась голова. Он понял, что только что стал свидетелем чего-то очень и очень неправильного и что лучше всего ему будет последовать совету седого и потихоньку скрыться.

Страх — ненадежный союзник. Когда Муса на дрожащих ногах отступил от окна, он неосторожно наступил на выпавший из рамы кусок стекла. Раздался громкий хруст, и Муса застыл на месте, будто превратившись в соляной столб из легенды неверных.

Седой мгновенно повернулся в его сторону и выхватил из кобуры пистолет. А в руках одного из парней появился короткий автомат с необычно широким дулом.

— Не надо! — крикнул Муса.

Возможно, именно этот крик и погубил его. Если бы он сразу бросился бежать в глубь дома, у него оставался бы шанс. Но он испугался и потерял драгоценные секунды. Седой и парень с автоматом выстрелили одновременно.

Очередь в щепки разнесла пустую оконную раму, острые осколки впились Мусе в шею. И тут же что-то очень тяжелое с размаху врезалось ему в грудь и отшвырнуло назад, к стене.

Он сидел и тупо смотрел на растекающееся по красивой зеленой рубашке — такие мятежникам в большом количестве присыпала Западная коалиция — темное пятно. Боли он не чувствовал, только очень трудно было дышать, а в горле булькала какая-то жидкость.

На лестнице забухали чьи-то шаги, и Муса увидел перед собой чьи-то ноги в американских армейских ботинках.

Голос седого сказал над ним:

— Я же велел тебе бежать отсюда.

В его голосе явно слышалось сожаление.

— Спасите меня, — хотел попросить Муса, но изо рта его вместо слов выплеснулся какой-то кровавый сгусток.

— Отправляйся в рай, сынок, — сказал седой и приставил к затылку Мусы ствол своего пистолета.

Аляска, Анкоридж, осень 2011

— Какова цель вашего прибытия на Аляску? — спросил Рик Палмер высокого светловолосого мужчину, которого, если верить паспорту гражданина Дании, звали Юрген Хольт.

Обычно в международных аэропортах США приезжих спрашивают о цели их визита в Соединенные Штаты. Но в Анкоридже этот вопрос задают гораздо конкретнее. Потому что Аляска — это Аляска. Это другой мир, и люди, которые сюда приезжают, отличаются от толп эмигрантов и туристов, привлеченных блеском и роскошью Нью-Йорка и Лос-Анджелеса.

— Спортивный туризм, — белозубо улыбнулся Юрген Хольт. — Я и мои друзья собираемся ловить лосося.

В руках он держал зачехленный спиннинг.

— Ваши друзья?

— О да. Нас приехала целая группа. — Юрген махнул рукой куда-то себе за спину. — Мы члены клуба рыболовов, сэр. Обычно мы ловим рыбу в Норвегии, но в прошлом году летали в Канаду, а сейчас вот решили провести отпуск на Аляске.

Рик Палмер перелистал страницы паспорта Хольта. Канадская виза действительно датировалась октябрем 2010 года.

— И куда вы намереваетесь направиться, мистер Хольт?

— О, — снова улыбнулся датчанин, — куда-нибудь на северо-восток. А вы любите рыбалку, сэр? Может быть, посоветуете какие-либо места?

— Нет, — сухо ответил Палмер, — я не увлекаюсь рыбалкой. Странно, что вы не навели справки заранее.

— О, — Хольт, похоже, все свои реплики начинал с этого восклицания, — мы, разумеется, скачали кучу всякой информации из Интернета. Но вы же сами знаете, что сведения, которые могут предоставить местные жители, всегда ценнее любых путеводителей.

— Ладно, — говорливый скандинав начал утомлять Палмера, — в городе полно рыбаков, и кто-нибудь вам обязательно поможет.

Он шлепнул печать на странице с переливающейся визой США и протянул паспорт Хольту.

— Удачи на рыбалке, мистер Холт.

— Благодарю вас, сэр, — сверкнул зубами датчанин.

В тот день Рик Палмер поставил печати семерым скандинавам, приехавшим половить рыбу в реках Аляски. А его коллеги пропустили на территорию США еще одиннадцать членов клуба рыболовов из Стокгольма. Ни у одного из датчан не было с собой ничего предосудительного — только спиннинги, удочки и снасти, все очень дорогое и профессиональное.

Все восемнадцать туристов остановились в недорогом отеле «Последний Фронт» и провели свой первый вечер на Аляске в барах Анкориджа. Там они действительно расспрашивали бывалых рыбаков о реках, где лучше всего ловить лосося, и аккуратно записывали полученную информацию в свои коммуникаторы. Нет ничего удивительного в том, что каждый эксперт называл европейским гостям ту реку, которую он считал наиболее подходящей для рыбной ловли, а мнения других рыбаков подвергал в лучшем случае сомнению, в худшем — уничижительной критике. В результате датчане получили двенадцать различных названий рек, в каждой из которых, если верить аборигенам, «лосося можно было брать руками».

Удивительным было то, что, арендовав на следующий день в фирме AVIS четыре больших внедорожника, все скандинавы направились совсем не туда, куда советовали им анкориджские рыбаки. Они ехали различными маршрутами, поскольку кавалькада из четырех джипов неизбежно привлекает внимание. Но конечная цель у всех четырех групп была одна — поселок Токантис в пятидесяти милях к югу от Гаконы.

Москва, осень 2011

— Черт знает что. — Петровский гневно взглянул на стоявшего перед ним худого мужчину в синем рабочем комбинезоне. — Мне дела нет до ваших хозяйственных разборок. У нас есть договор, и по нему вы обязаны сдать готовые декорации к завтрашнему дню. У нас премьера через две недели, актеры должны привыкнуть к декорациям, а их нет! И вы говорите, что в ближайшие дни их и не будет? Вы понимаете, уважаемый, какие штрафные санкции могут быть на вас наложены?

Мужчина в комбинезоне обескураженно развел руками.

— Да что ж я могу сделать? У мастерских сменился собственник... Пока шла вся эта канитель, работа стояла, неделю, считай, потеряли... А теперь набирают новых рабочих, тоже задержка... Только я ведь человек подневольный, от меня мало что зависит...

— Вы могли бы поставить меня в известность заблаговременно! — рыкнул Петровский. — И мы бы успели заключить договор с другими мастерскими! А теперь репутация главного театра страны висит на волоске — и из-за кого? Из-за вас, милейший!

— Войдите в мое положение! — взмолился его собеседник. — Я же не могу диктовать условия новым хозяевам! У нас частное предприятие, его купил какой-то крупный нефтяной концерн, я даже не знаю, к кому там обращаться! От них приезжает юрист, размахивает какими-то бумагами, я ему про сроки, а он про свое: договор аренды, тарифы, переоформление...

— Вот что, — прервал его жалобы Петровский, — дайте мне телефон их главного, я с ним сам поговорю. В конце концов, должен же в вашей богоспасаемой конторе быть кто-то, кто отвечает за весь этот бардак!

— У меня только визитная карточка их юриста. — Мужчина виновато пожал плечами. — А кто там главный — не имею понятия.

Он извлек из кармана своего комбинезона отпечатанную на черной бархатной бумаге визитку. Петровский брезгливо взял ее и, близоруко прищурившись, принялся набирать номер юриста.

— Господин Елисеев? — осведомился он, придав своему голосу барственную вальяжность. — Это Петровский, заместитель директора Большого театра. Мне нужен телефон вашего шефа, того, кто принимает решения. Нет, с вами я разговаривать не буду, можете общаться с нашим штатным юристом, а мне нужен ваш шеф. Я не знаю, кто там у вас отвечает за безобразную ситуацию с мастерскими, это вы должны мне сказать — кто. Что ж, я буду ждать в течение получаса. Затем я звоню нашим юристам, и они начинают готовить иск. Да, вы все расслышали правильно. Все, разговор закончен.

— Круто вы с ними. — Мужчина в комбинезоне с уважением поглядел на Петровского. — Ну, на них только такой тон и действует.

Петровский не удостоил его ответом. Он кипел от справедливого возмущения. После многолетнего (и многомиллионного) ремонта Большой театр должен был открыться премьерой обновленного балета «Лебединое озеро», оформление которого за немыслимые деньги придумал знаменитый сценограф Бордов. Злые языки, правда,

утверждали, что Бордов просто слегка осовременил классическую сценографию Вирсаладзе, добавив в нее элементы оформления ночного клуба «Дягилефф» и решетчатые фермы, купленные на Байконуре. Как бы то ни было, декорации эти были сложны и массивны, и их сборка могла влететь театру в копеечку. Поэтому был объявлен тендер, который выиграли мастерские Коноплева — того самого худого мужчины в синем комбинезоне, который сейчас всячески старался выглядеть маленьkim и незаметным. А когда подошел срок приемки работ, выяснилось, что декорации не готовы даже наполовину. Более того, Петровский с некоторым удивлением узнал, что Коноплев уже не владелец мастерских, а в лучшем случае наемный менеджер с неясными карьерными перспективами.

Зазвонил мобильник. Петровский поднес телефон к уху.

— Валерий Игоревич? — прогудел в трубке голос, исполненный такого превосходства над собеседником, что Петровский даже слегка растерялся. — Это Михаил Борисович Беленин. Не отвлекаю от важных дел?

Петровский понял, что этот вопрос надо было расценивать как шутку.

— Ну что вы, — сказал он, выдавливая из себя улыбку (как будто Беленин мог ее увидеть), — что вы, Михаил Борисович... Чем обязан?

— Там мне Павлик звонил, — уже по-свойски объяснил олигарх, — ну, юрист мой... Я так понял, мои дуболомы подвели вас с декорациями для «Лебединого озера»?

— Почему ваши? — не понял Петровский.

— Да потому что это моя «дочка» купила коноплевские мастерские. Ну, дочерняя компания. Не разобрались, что к чему, им нужен был деревообрабатывающий цех, а тут декорации, высокое искусство... Короче говоря, Валерий Игоревич, мне не хотелось бы войти в историю России человеком, сорвавшим премьеру такого замечательного спектакля.

— Балета, — автоматически поправил Петровский.

— Я и говорю — балета. В общем, мое предложение такое... когда вам нужны эти декорации?

— Вчера, Михаил Борисович. Увы — вчера.

— Ну, вчера уже не получится, машины времени у меня пока нет. — Олигарх бархатно хохотнул. — Но за три дня, пожалуй, мои молодцы управятся. Я дам поручение своим лучшим людям, они еще в Казани на меня работали. А в качестве компенсации за доставленные неудобства они смонтируют все декорации на сцене вашего театра.

— Нет, Михаил Борисович, — запротестовал Петровский, — это совершенно ни к чему. У нас есть прекрасные рабочие сцены, они все соберут...

— Ничего не хочу слышать, — сказал Беленин таким тоном, что у Петровского сразу отпало желание с ним спорить. — Все сделают сами, и притом совершенно бесплатно. Надеюсь только получить контрамарку на премьеру, ха-ха.

— О чём речь, Михаил Борисович, — Петровский постарался вложить в свой голос побольше энтузиазма, — считайте, что лучшие места — уже ваши.

Он говорил эту фразу уже раз пятьдесят совершенно разным людям и так приоровился, что ему поневоле хотелось верить.

— Ну, тогда до встречи, — сказал Беленин и отключился.

Через три дня в кабинет к Петровскому зашел коренастый небритый кавказец в костюме от Версаче и ботинках из крокодиловой кожи. Но Петровского поразил не его внешний вид, а то, каким чудом визитер преодолел заслон секретарши Эммы, которую боялись даже самые стервозные примы.

— Казбек, — представился он, протягивая Петровскому жесткую, как наядак, ладонь. — Я от Михаила Борисовича. Бригадир монтажников.

За всю свою жизнь Петровский никогда не видел бригадира монтажников, чья одежда, не считая часов, стоила приблизительно пятнадцать тысяч долларов. Но, видимо, работавшие на Беленина люди жили в какой-то другой реальности.

Подручные Казбека — молчаливые брюнеты в спортивных костюмах с фигурами профессиональных борцов — привезли разобранные декорации в четырех больших трейлерах.

— Пропуска ребятам выпишите, — то ли попросил, то ли потребовал Казбек. — Все равно они несколько дней туда-сюда ходить будут.

Петровский выписал всем временные пропуска до первого ноября. Премьера «Лебединого озера» должна была состояться тремя днями позже, в День национального единства.

ГЛАВА 15

ПОСЛЕДНИЕ ПРИГОТОВЛЕНИЯ

Москва, осень 2011

Гумилев спустился в гостиную в дурном расположении духа. Впрочем, в последние месяцы это было его обычное состояние.

Катарина уже сидела за столом, намазывая на тост ореховое масло. Она очень любила сладкое, благо при ее спортивном образе жизни можно было не опасаться лишнего веса.

— Доброе утро, дорогой. — Она обворожительно улыбнулась.

Если Гумилев хандрил, то у нее, напротив, настроение улучшалось с каждым днем. Андрей догадывался, что это означает: события на планете развивались в соответствии с планами заговорщиков.

После гибели нескольких сверхсовременных истребителей НАТО в Ливии Западная коалиция временно прекратила военные действия в Северной Африке. Войска Каддафи немедленно заняли несколько крупных нефтедобывающих центров на востоке страны, а мятежники в ответ взорвали нефтеперерабатывающие терминалы, остававшиеся у них в руках. Цена на нефть подскочила до 170 долларов за баррель.

В Афганистане талибы сбили вертолет «Чинук», на борту которого находился отряд «морских котиков», уничтоживших бен Ладена. Ни один из тридцати спецназовцев не выжил. Затем последовал ряд ударов по укрепленным гарнизонам, стоявшим американской армии еще сотни солдат и офицеров. Командующий силами США в Афганистане генерал Джон Аллен заявил, что жизни американских парней — слишком дорогая цена за право афганских женщин ходить без паранджи. Президент Обама вызвал генерала в Вашингтон и после двухчасового разговора за закрытыми дверями сместил его с поста командующего. В тот же день генерал дал пресс-конференцию, на которой обвинил президента в том, что имидж борца за демократию во всем мире для него важнее интересов граждан США. «Если бы враг угрожал нашей стране, — сказал Аллен, — я бы первым пошел в бой и не пожалел бы своей жизни. Но Афганистан далеко, бен Ладен мертв, а талибы представляют угрозу только для своих непосредственных соседей. Неужели мать солдата из Айдахо или Кентукки должна рыдать над гробом своего сына только потому, что кому-то захотелось получить еще одну Нобелевскую премию мира?»

Генерала со скандалом вышвырнули из армии, но это только привило ему популярности. На прошлой неделе он объявил о намерении баллотироваться в президенты как независимый кандидат, и ряд техасских нефтяных магнатов, включая Уильяма Уорвика, уже пообещали ему свою поддержку.

В России пока все было относительно тихо: заоблачная цена на нефть вселяла в людей надежды на то, что эпоха процветания вот-вот наступит, и в этой эйфории как-то терялись сообщения о постоянных боях с ваххабитами и террористами на Северном Кавказе, росте сепаратизма в Татарстане и столкновениях между коренным населением и мигрантами, которых становилось все больше и больше.

Но Гумилев прекрасно понимал, что все это — затишье перед большой грозой. И гроза должна была разразиться со дня на день.

— Доброе утро. — Он подошел к столу, не садясь, взял из вазочки валован с икрой, проглотил, не чувствуя вкуса. — Извини, не смогу сегодня с тобой позавтракать. Надо ехать в Обнинск, там сегодня запуск первой ретрансляционной башни «Черники».

— Можно я поеду с тобой? — Катарина отложила тост в сторону. — Мне очень интересно все, что связано с этим проектом.

Андрей по опыту знал, что отказывать ей в таких случаях бесполезно.

— Я не против, если ты успеешь собраться, — сказал он. — А я через пять минут выезжаю.

Любая другая девушка обиделась бы на эти слова, приняв их за издевательство. Катарина же молча встала и быстро вышла из гостиной. Гумилев, невесело усмехнувшись, посмотрел на часы.

Она появилась через четыре минуты, одетая в строгий деловой костюм, который, однако, удачно дополняло колье из цейлонских сапфиров.

— Подкращусь в машине, — Катарина взяла Андрея под руку. — Пойдем, дорогой, не будем опаздывать.

Ее настойчивое стремление все время быть рядом не столько раздражало, сколько пугало Гумилева. После его встречи со Свиридовым, стоявшей генералу жизни, он больше не предпринимал попыток ускользнуть от всевидящего ока Катарины. Слишком дорогой была цена, и слишком несправедливым было то, что цену эту платил не он.

Гумилеву так и не удалось узнать, кем была на самом деле девушка, выдававшая себя за сотрудницу «Питерской службы новостей» Зарембу.

Сама Катарина ни разу не намекнула, что ей известно о его свидании со Свиридовым. Просто спросила, знает ли он, что случилось с генералом. Гумилев коротко кивнул, и больше они к этой теме не возвращались.

Но и без всяких обсуждений было понятно — это предупреждение. Еще одна попытка выйти из-под контроля — и расплачиваться будут Марго и Маруся.

И Гумилев стиснул зубы и сдался.

Если даже Свиридов не смог помочь... Свиридов, за спиной которого стояла вся мощь государственной безопасности... которого уважали профессионалы спецслужб и к которому прислушивались руководители силовых ведомств... То у него, человека, далекого от мира тайных операций, и вовсе нет шансов.

Что он мог сделать? Попроситься на прием к премьер-министру и все ему рассказать? У Гумилева мелькала такая мысль. Но, во-первых, подобный визит не сможет пройти незамеченным, и если заговорщики поймут, что их раскрыли, то Маруся и Марго погибнут в ту же минуту. И во-вторых, вероятность того, что Путин ему поверит, была близка к нулю. Мнение премьер-министра о нем, Гумилеве, наверняка формировалось на основе того, что рассказывали о нем люди из спецслужб. А они, как ясно дал понять Андрею Свиридов, считают его главным виновником гибели арктической экспедиции.

Сдаться оказалось сложнее, чем он думал. Каждый раз, глядя новости, Гумилев ощущал себя виновником тех бед, которые творились с человечеством, — не потому, что он творил этот управляемый хаос, а потому, что он имел возможность остановить его — и не сделал этого. По ночам его мучили кошмары, он видел окровавленные лица, изуродованные трупы, какие-то темные поля, где вместо капусты торчали из грядок человеческие головы. Однажды ему приснилась яркая, солнечная, весенняя Москва — высотка Университета над мокрой зеленью парка на Воробьевых горах, голубая лента реки, пронзительно синее майское небо. По улицам гуляли счастливые улыбающиеся люди, среди них почему-то было очень много детей. Дети гоняли на трехколесных велосипедах, держали в руках разноцветные воздушные шары, ели мороженое. И вдруг синее небо над городом раскололось, словно хрупкое стекло, и оттуда ударил столб ослепительного белого пламени. Поплыла, оплавляясь, как восковая свечка, высотка Университета, вспыхнули и мгновенно покернели сады. Вскипела,

превратившись в облако белого пара, река. И почему-то медленно и страшно лопались один за другим воздушные шары в руках детей...

Он закричал во сне и проснулся. Через минуту в его спальню постучала Катарина.

— Что с тобой, дорогой? — спросила она, заботливо положив ему холодную ладонь на лоб. — О, да ты весь горишь. Сейчас я дам тебе аспирин.

«Мне не нужен твой аспирин, — хотел сказать Гумилев. — Это все из-за тебя, из-за твоей бабушки, из-за твоих нацистов, закопавшихся в лед...»

Он ощущал почти непреодолимое желание схватить Катарину за шею и душить до тех пор, пока не хрустнут шейные позвонки. Но в следующее мгновение перед его глазами возникло видение: блондинка в белом халате вонзает шприц в тоненькую ручку Маруси.

— Да, — сказал он хрипло, — аспирин — это то, что надо.

И Катарина разверла лекарство в стакане теплой воды и дала ему выпить. А потом мягко, почти нежно уложила его в постель и легла рядом с ним, прижавшись к нему своим прохладным, упругим телом. И Андрей успел подумать, что это даже приятно, и успел устыдиться своих мыслей, прежде чем заснул, положив голову ей на грудь. На этот раз он спал без снов, и это навело его на мысль о том, что, возможно, Катарина бросила в стакан не только аспирин.

Пока она тренировалась в спортзале, он заглянул в домашнюю аптечку и обнаружил пузырек с донормилом — это лекарство растворялось в воде так же легко, как «Алка-Зельцер». Несколько таблеток в пузырьке отсутствовало.

Андрей внимательно прочел аннотацию к лекарству и пришел к выводу, что оно, в общем-то, слабовато. Поэтому на следующий день Гумилев поручил Саничу навестить фармацевтическую лабораторию, входившую в его корпорацию, и затребовать у них сильнодействующее снотворное, легко растворимое в воде.

В тот же вечер он опробовал средство на себе: бросил большую белую таблетку в стакан минералки, подождал, пока она растворится без следа (на это потребовалось десять секунд), и не торопясь выпил, пытаясь распробовать вкус. Лекарство оказалось безвкусным, и это порадовало Андрея.

Заснул он через пятнадцать минут — это зафиксировала видеокамера, которую он заранее установил в спальне. Сам Гумилев

не запомнил, как произошел переход от реальности к сновидению, но на пленке этот момент был виден отчетливо. Вот он полулежит в постели, читая Стивена Кинга, а в следующее мгновение книга выпадает у него из рук, а голова безвольно откидывается на подушку. Андрей остался доволен увиденным, запись стер, а упаковку с лекарством положил в кейс и с тех пор повсюду носил с собой.

Петровский смотрел на сцену из пустого зрительного зала.

— Все готово, Валерий Игоревич, — сказал Казбек. Он откровенно гордился собой: работа была выполнена в два дня, сложные декорации смонтированы так, что даже известный своим склонным характером сценограф Бордов не нашел бы, к чему придраться.

— Впечатляет, — суховато отозвался Петровский. Присланная Белениным команда действительно оказалась очень профессиональной. И сэкономленные на оплате рабочим сцены деньги пришлись весьма кстати. — Передайте Михаилу Борисовичу мою самую искреннюю благодарность.

— О чем речь, — сказал Казбек. — Хорошие люди должны помогать друг другу, не так ли?

Он протянул Петровскому свою жесткую ладонь. Глядя в улыбающееся лицо бригадира монтажников, Валерий Игоревич почувствовал легкий укол беспокойства — как будто кавказец знал что-то, о чем он, Петровский, даже не догадывался.

— Да, Валерий Игоревич, — обернулся Казбек уже от самых дверей, — ребята там спрашивали — можно им билеты на премьеру?

Все хорошее настроение Петровского куда-то улетучилось — до премьеры оставались считаные дни, а желающих попасть на торжественное мероприятие было уже в несколько раз больше, чем мест в зале.

— Видите ли, Казбек...

— Да я все понимаю, — Казбек улыбнулся страшноватой волчьей улыбкой, — но они же не в партер просят. Куда угодно, хоть на балкон, хоть на приставные — сами понимаете, такое раз в жизни бывает.

Петровский даже не удивился тому, что бригадир монтажников знает, что такие приставные места, — так ему было неудобно.

— Ребята старались... — мягко давил Казбек.

«В конце концов, добрые отношения с Белениным стоят того, чтобы отказать нескольким незначительным чиновникам из мэрии», — решил Петровский и улыбнулся Казбеку.

— Хорошо, дорогой Казбек. Вообще-то все места у нас давным-давно расписаны, но вы и ваша бригада просто спасли эту премьеру. Пере-дайте вашим сотрудникам, что билеты на них будут выписаны. Прав-да, партера действительно обещать не могу...

— И не надо! — выставил перед собой ладони бригадир. — Я же пони-маю, партер — это для больших людей. Говорят, тут сам президент будет?

— Президент — вряд ли, — покачал головой Петровский, — но люди из его администрации и из правительства — непременно. Кста-ти, Казбек, извините за нескромность, ваши сотрудники... у них у всех есть регистрация?

— Конечно, — еще шире улыбнулся кавказец. — И московская про-пiska есть. Все есть. А что, проверять будут?

— Разумеется, — кивнул Петровский. — И милиция, и ФСО.

— Пусть проверяют, — засмеялся Казбек. — Мы законы уважаем.

Аляска, Токантис, осень 2011

Юрген Хольт толкнул тяжелую деревянную дверь и вошел в полу-темный зал «Бара Эдди». В руках он держал зачехленный спиннинг.

— Мне говорили, в этих краях варят отличный глинтвейн с брусни-кой, — сказал он, подойдя к стойке.

Эдди, считавший что-то на огромном, допотопного вида калькуля-торе, поднял глаза и смерил Хольта взглядом.

— Брусники в это время года днем с огнем не сыщешь, — ответил он, удовлетворившись увиденным.

Хольт оглянулся. В баре в этот ранний час не было ни души — толь-ко в углу спал, уронив седую голову на руки, какой-то доходяга.

— Меня прислал Лотар, — сообщил он бармену. — Со мной еще семнадцать парней. И нам всем нужно оружие.

Эдди почесал шрам над левой бровью.

— А цифры? — спросил он, подумав. — Лотар называл какие-нибудь цифры?

— О да, — сказал Хольт. — Вот что он просил передать: восемь еди-ниц, двенадцать и шесть, а также дата гибели отряда «Омега» в Су-дане — день и месяц.

В глубине темных глаз Эдди что-то мелькнуло.

— ОК, — кивнул он, — пойду проверю. А ты пока можешь выпить пива за счет заведения.

Он вернулся через десять минут. Холт одиноко сидел за столиком, потягивая минеральную воду.

— Все верно, — сказал Эдди. — Денежки на счету. Оружие у меня в подвале, можете забирать. Только лучше это делать ночью — меньше посторонних глаз.

— Конечно. — Холт допил минералку и поднялся. — Извини мое любопытство, приятель, откуда ты знаешь об отряде «Омега»?

Эдди снова коснулся своего шрама.

— Я там служил, — ответил он. — Из всего отряда нас выжило двое — я и полковник Батчер. А вытащил нас мужик, которого звали Лотар. Не побоялся опуститься на вертолете в самое пекло, прямо в толпу разъяренных черномазых суданцев. У него было забавное оружие, у этого Лотара, — вроде ружья с широким коротким дулом, оно косило черномазых, как траву. Вот они и испугались. А если бы не Лотар, крышка нам всем.

Холт испытующе смотрел на него.

— Ты знаешь, зачем нам оружие?

— Догадываюсь, — пожал плечами Эдди. — Да только дело это не мое. Хотите тряхнуть жирных мерзавцев, которые продали страну евреям, черномазым и латиносам, — в добрый путь. Я препятствовать не стану.

— Что ж, спасибо, камрад, — сказал Холт.

Обнинск, осень 2011

На торжественное открытие первой ретрансляционной башни мобильной сети «Черника» Андрей Гумилев прибыл с небольшим опозданием.

Трасса «Москва — Киев» была забита машинами, и даже автомобили с мигалками медленно продирались сквозь плотный, без единого просвета, левый ряд. Катарина недовольно морщила носик, глядя на тягучий, как патока, поток.

— Нужно было лететь на вертолете.

Гумилев запросил областной филиал Московской службы спасения — оказалось, впереди, на пятьдесят восьмом километре трассы, произошла крупная авария, три большегрузных трейлера столкнулись, перегородив всю дорогу. Андрей невольно поежился: ему трудно было отделаться от мысли, что и эта катастрофа тоже как-то связана

с планами заговорщиков. Хотя, конечно, это полный бред — зачем Четвертому Рейху понадобилось переворачивать грузовики?

Ретранслятор в Обнинске был похож на изящный розовый куб, над которым возвышалась ажурная решетчатая башня с белыми полусферами антенн наверху. Когда «Мерседес» Гумилева подъехал к кубу, вокруг уже собралась довольно большая толпа. Андрей и Катарина под вспышки фотокамер вышли из машины и направились к башне.

Андрей под аплодисменты перерезал красную ленточку (этот обычай всегда раздражал его) и разбил бутылку шампанского о стальную опору ретранслятора.

— Поздравляю, Андрей Львович, — к нему подошел солидный мужчина с сонным, слегка обрюзгшим лицом — заместитель министра связи Берман. — Я, признаться, не верил, что вам удастся пробить этот проект. Тем более за столь короткое время.

«За те откаты, которые берет твое ведомство, все можно было сделать в два раза быстрее», — подумал Гумилев. Вслух он сказал:

— Это наша общая победа, Аркадий Семенович. Так что примите и мои поздравления.

Сияющий президент новой компании сотовой связи «Черника» — молодой человек с дипломом Гарварда и модной испанской бородкой — торжественно вручил Гумилеву и Катарине два небольших коммуникатора — серебристый и угольно-черный.

— Вся информация, поступающая на эти устройства или передающаяся с них, полностью защищена от прослушивания и сканирования, — объявил он. — Коммуникатор «Черника» — настоящий невидимка в мире сотовой связи!

— Благодарю. — Гумилев, усмехнувшись, пожал маленькую энергичную ладонь президента. Парня рекомендовала, естественно, Катарина, и он, разумеется, уступил, однако чуть позже провел ему в заместители одного из людей Санича. — В самое ближайшее время нам понадобится несколько тысяч таких устройств.

— Все будет готово, Андрей Львович, — заверил его выпускник Гарварда. — Вам нужно только сообщить, сколько, когда и куда доставить.

— Ты молодец, — шепнула Катарина, когда они наконец отделались от президента «Черники». — Бабушка будет довольна, что все сделано в срок и на высоком уровне.

Гумилев сделал вид, что изучает новый коммуникатор.

— Надеюсь, ты тоже выполнишь свое обещание, — сказал он негромко. — Верни мне dochь.

— А как насчет няни? — лукаво улыбнулась Катарина. — Ты по ней тоже соскучился?

— Верни мне dochь, — повторил он хмуро. — Ты говорила, что это можно сделать месяца через три. Прошло уже два с половиной.

— Я говорила — месяца три-четыре, — поправила его Катарина. — Пока что ты все делаешь правильно. Когда эти телефоны, — она постучала ногтем по серебристому корпусу своего коммуникатора, — окажутся в руках тех, для кого они предназначены, я смогу убедить бабушку отдать тебе Марусю. Или, может быть, нужно сказать — отдать Марусю *нам*?

«Прости, Марго, — подумал Гумилев. — Я не могу поступить иначе».

— Да, — ответил он после некоторой паузы. — Правильно будет сказать — *нам*.

ГЛАВА 16

РЕВАНШ

Москва, Большой театр, 4 ноября 2011

Человек, которого Валерий Петровский знал под именем Казбек и которого на самом деле звали Джохар Бараев, показал дежурному милиционеру свой билет и прошел через рамку металлодетектора. Сканер зазвенел, замигала красная лампочка.

— Что у вас в карманах? — спросил милиционер недовольно.

Казбек опустил руки в карманы, достал брелок с ключами от автомобиля и серебристый коммуникатор.

— Больше ничего, сержант, — сказал он миролюбиво.

— Положите в лоток, — скомандовал милиционер и поднес к подозрительному кавказцу портативный металлоискатель. Прибор запищал где-то в районе пояса.

— Ремень, — пожал плечами Казбек.

— Снимите.

— Зачем? Брюки упадут. Я не толстый.

— Я сказал, снять ремень! — разозлился милиционер. В нем было килограммов десять лишнего веса, и намек Казбека ему не понравился.

— Э, зачем кричишь? — теперь Казбек разговаривал, как карикатурный кавказец с рынка. — В культурном учреждении работаешь, между прочим... Ладно, ладно, сниму.

Сняв ремень с тяжелой металлической пряжкой и положив его в лоток, он снова шагнул через рамку — на этот раз сигнализация не сработала.

— Проходим, — буркнул милиционер.

Казбек с видом оскорбленного достоинства забрал ремень, коммуникатор и брелок и направился в гардероб. Там уже находились Ваха и Султан — причесывались перед высокими, до потолка, зеркалами. Оба в костюмах и при галстуках, гладкие черные волосы блестят — сейчас они ничем не напоминали тех угрюмых работяг, которые несколько дней назад монтировали декорации к «Лебединому озеру».

Найти среди бойцов за веру пророка тех, кто хоть что-то смыслил в сборке театральных декораций, оказалось гораздо труднее, чем добыть всей группе Бараева паспорта с регистрацией в Москве

и области. В конце концов пришлось выписать двоих настоящих мастеров из Тбилисского драматического театра — они, по сути дела, все и собрали. Остальные десять человек, входившие в команду Казбека, главным образом исполняли роль подручных рабочих.

Сейчас мастера-грузины сидели в гараже в Красногорске под присмотром трех надежных московских чеченцев — убивать их резона не было, поскольку с Саакашвили Бараев нессорился, а выпускать до начала операции было рискованно. Зато все десять боевиков Казбека, получившие билеты по брони Петровского, без проблем прошли заслоны ФСО и милиции и прохаживались сейчас по фойе Большого театра.

Когда прозвенел второй звонок, Казбек, Ваха и Султан пошли в зал. Места у них были в бельэтаже, что для планируемой операции было очень удобно. Еще семеро боевиков после третьего звонка переоделись в кабинках туалета в привычные синие комбинезоны монтажников. На груди у каждого был бейджик с логотипом Большого театра и надписью «рабочий сцены» — их выдали людям Казбека, когда они монтировали декорации, и никто не подумал забрать их после окончания работ. Переодевшись, боевики стали по одному просачиваться за кулисы. Обычно там стояла бабушка-капельдинер, но сегодня, ввиду чрезвычайной важности мероприятия, дежурили также два сотрудника ФСО.

— Вы куда? — спросил старший фэсэошник у шедшего первым Руслана Завгаева по кличке Брюс. Руслан был чемпионом Чечни по кикбоксингу и мог убить человека одним ударом большого пальца. Но фэсэошник этого, разумеется, не знал. Перед ним стоял работяга-кавказец с бейджиком рабочего сцены.

— Борис Борисыч просил на всякий случай подстраховать, когда башни выезжать будут, — объяснил Руслан. — Там цепь иногда заедает.

— Какой Борис Борисыч? — нахмурился фэсэошник.

— Ну, Бордов. Мы же эти декорации сами собирали, мы их знаем, как свои пять пальцев.

Имя Бордова несколько успокоило фэсэошника. И пропуск, который протянул ему Руслан, тоже был в полном порядке. Определить, что в дате «11 ноября» вторая единица подрисована, мог бы только очень квалифицированный специалист.

— Сейчас проверим, — сказал тем не менее бдительный фэсэошник. Он достал маленькую карманную рацию и нажал несколько кнопок.

Руслан Завгаев приготовился убить фэсэошника. Ему очень не хотелось этого делать, потому что до начала операции оставалось еще пятнадцать минут, и за эти минуты не должно было случиться ничего экстраординарного. Но если сейчас охранник позвонит Бордову и тот скажет, что впервые слышит том, что просил кого-то подстраховать выезд башен, фэсэошника придется убить. И его напарника, разумеется, тоже.

Руслан напряг пальцы правой руки (в левой он держал пропуск). Он поймет, когда настанет нужный момент, по выражению глаз охранника. И в то же мгновение — ни секундой позже — его рука, метнувшись вперед, вырвет кадык фэсэошника, лишив его возможности закричать. И пока он будет хрипеть и заваливаться вперед, Руслан, резко отклонившись вбок, ногой пробьет грудную клетку второго охранника.

Фэсэошник ткнул пальцем в какую-то кнопку и убрал радио.

— Не отвечают, — с сожалением сказал он. — Ладно, проходите. Пропуска только показывайте.

Рука Руслана разжалась.

— Этого события мы ждали больше шести лет! — вдохновенно вешал со сцены генеральный директор Большого театра. — Культурный символ нашей страны, известный во всем мире *Bolshoy*, наконец-то снова открыт для всех, кто любит искусство балета и оперы. И я счастлив, что открытие обновленного Большого театра совпало с нашим новым праздником — Днем национального единства.

В зале вежливо захлопали. Руслан Завгаев сквозь щелку боковой кулисы рассматривал сидевших в первых рядах партера зрителей — вальяжных мужчин в дорогих костюмах со скучающими лицами и их жен и любовниц, сверкающих бриллиантовыми гарнитурами и бесстыдными декольте. Для Завгаева эти люди были не российской элитой, не крупными бизнесменами и влиятельными чиновниками, а просто толпой неверных русских свиней и их разряженных шлюх. Все они — враги ислама и его родной Ичкерии — несомненно, заслуживали смерти, и Руслан с удовольствием отправил бы их прямиком в ад, но план операции предусматривал иное. Поэтому он стоял в темноте и молча ждал сигнала.

Генеральный директор под аплодисменты ушел со сцены. В зале начал гаснуть свет. В оркестровой яме взмахнул палочкой дирижер,

и раздались первые неуверенные звуки бессмертной музыки Чайковского.

В кармане у Руслана завибрировал телефон. Это был новейший коммуникатор закрытой от прослушивания сети «Черника» — все бойцы группы получили такие за несколько дней до начала операции. Руслан поднес серебристый телефон к уху.

— Во имя Аллаха, милостивого и милосердного, — прошептал в трубке голос Казбека. — Начинайте!

Технология «Черники» позволяла создавать закрытые коммуникационные группы, подключиться к которым постороннему было невозможно. В то же время общение внутри групп могло осуществляться чрезвычайно быстро и эффективно.

Руслан нажал клавиши 1–0. Теперь вся его группа получила приказ начать операцию.

В течение нескольких секунд бойцы распределились между элементами декораций в соответствии с разработанной Казбеком схемой. Хруст отрываемых планок утонул в водовороте музыкальной прелюдии к «Лебединому озеру». В тайниках, спрятанных в вычурных декорациях Бориса Бордова, находилось оружие — штурмовые винтовки, израильские автоматы «Узи» и американские «Ингрэмы», гранаты и пластиковая взрывчатка, а также арбалеты и баллончики с усыпляющим газом. Там же находились и противогазы — планируя операцию, Казбек учел горький опыт «Норд-Оста».

Каждый из бойцов знал свою роль, как первую суру Корана.

Леча и Аслан синхронно полезли по лесенкам к сидевшим на вышках осветителям. Магомед и Дауд встали у дверей, ведущих в коридоры, где дежурили сотрудники ФСО. Сам Руслан и еще четверо бойцов, держа в руках автоматы, выскочили на сцену и дали несколько очередей над головами балерин, танцевавших по колено в облаке синеватого дыма.

— Спокойно! — рявкнул Руслан, отшвырнув в сторону завизжавшую от ужаса балерину. — Всем оставаться на местах! Кто побежит — стреляю!

В зале началась паника. Солидные мужчины, еще минуту назад ощущавшие себя хозяевами жизни, толкая друг друга локтями, бросились к дверям, забыв о своих женах и подругах. Но у дверей уже стояли, широко расставив ноги, Ваха и Султан, и в руках у них были пистолеты-пулеметы «Кипарис».

«Кипарисы» тоже были пронесены в Большой театр во время монтажа декораций, но спрятаны они были не на сцене, а в подсобном помещении рядом с гардеробом.

— Всем назад! — страшным голосом крикнул Ваха. Султан дал очередь поверх голов. Жалобно зазвенела люстра.

Где-то за спиной Руслана с грохотом вылетела дверь, потом сухо хлопнули один за другим два пистолетных выстрела. Он даже не стал оборачиваться — знал, что это Магомед и Дауд расправились с фэсэошниками.

— Театр заминирован! — заорал Руслан. — При попытке штурма наши люди взорвут заряды! Все погибнут на хрен! Поэтому! Спокойно возвращайтесь на свои места! Выполняйте мои приказы! И останетесь живы!

Это был блеф — заряды пластида еще только предстояло распределить по указанным Казбеком местам. Но Бараев хотел подстраховаться.

— Выпустите меня отсюда! — заголосила в четвертом ряду партера дамочка в мехах и изумрудах. — Я боюсь! Я не хочу умирать! Выпустите меня немедленно!

— Заткните ее, — велел Руслан. — Или я убью ее и всех, кто сидит рядом с ней.

Визг немедленно прекратился — соседи дамочки заткнули ей рот чьим-то шарфом. Но в зале по-прежнему стоял шум, к тому же Руслан с удивлением понял, что оркестр в яме, несмотря ни на что, продолжает играть. Тогда он выстрелил в люстру, на головы людей посыпались осколки, и крики постепенно затихли.

И в этой тишине люди увидели неторопливо идущего по проходу между креслами высокого кавказца в костюме от Версаче и туфлях из крокодиловой кожи.

У него не было никакого оружия, но те, мимо кого он проходил, ежились и втягивали голову в плечи.

Казбек легко взбежал по ступенькам на сцену и подошел к Руслану.

— Мой брат все правильно сказал, — негромко произнес он с сильным кавказским акцентом. — Мы не хотим вас убивать. Мы хотим восстановить справедливость. Мы требуем независимости Чечни и референдума на Северном Кавказе. Наш народ не хочет жить в Российской Федерации, и я уверен, многие народы Кавказа тоже не хотят этого. И еще мы требуем вывода русских войск с Кавказа. Оккупантам нечего делать на нашей земле.

Он помедлил, словно подыскивая слова.

— И если наши требования будут выполнены быстро и честно, ни один из вас не погибнет. Нам не нужны ваши жизни, хотя каждый из нас потерял брата, или сестру, или отца, погибших от рук русских солдат. Но мы не требуем возмездия. Мы требуем справедливости.

В зале царила мертвая тишина. Тысячи глаз смотрели на Казбека, и он чувствовал это.

— Но если ваше правительство не согласится выполнить наши требования... Если повторится история «Норд-Оста» и это здание пытаются взять штурмом... Тогда все, находящиеся в этом зале, умрут. Я клянусь Аллахом, ни один из вас не выживет. Ни один.

ГЛАВА 17

ЭНДШПИЛЬ

Подмосковье, 4 ноября 2011

Гумилев узнал о захвате Большого театра спустя час из экстренного выпуска новостей. Он возвращался домой после напряженного совещания с руководителями отделов перспективных исследований корпорации, листал подготовленные референтом материалы по клонированию (память услужливо подсказала, что именно этим направлением биологии занимался пресловутый Чен) и вполуха слушал радио.

«Сегодня в девятнадцать тридцать группа вооруженных людей захватила Большой театр в Москве», — услышал он вдруг. Андрей вздрогнул и отложил бумаги.

— По предварительным данным, в театре сейчас находится около двух тысяч человек — продолжал диктор. — Среди них — видные деятели культуры и искусства, крупные ученые, бизнесмены, высокопоставленные чиновники, дипломаты, в том числе иностранные. Как известно, именно сегодня состоялось торжественное открытие Большого театра, реконструкция которого продолжалась несколько лет. Премьера обновленного культового балета «Лебединое озеро» в новаторских декорациях знаменитого сценографа Бориса Бордова должна была стать культурным событием мирового масштаба...

«Вот оно, — понял Гумилев. — Началось. Раньше, чем я думал...»

То, о чем говорил Беленину Чен три месяца назад.

На очереди — уничтожение Эрмитажа и захват Линкольн-центра в Нью-Йорке.

А потом — взрывы атомных электростанций, дестабилизация политической жизни и приход к власти ставленников Четвертого Рейха.

«Даже если они отдадут мне Марусю и Марго, — подумал Андрей, — даже если те, кого я люблю, останутся живы, нам всем придется жить в мире, которым будут править такие, как Мария фон Белов. В мире, где нацизм одержал реванш. В мире, где права будут только у тех, кто соответствует жестким расовым канонам, а у остальных будут лишь обязанности. В мире, где детей будут пытать, чтобы добиться послушания от их родителей.

В таком мире и жить не стоит».

Сквозь прозрачную перегородку он видел мощный затылок шоferа Бори и его крепкую красную шею. Интересно, подумал он, знает ли Боря, на кого он работает? Или выполняет то, что ему велят, потому что Катарина держит его на крючке, как и меня? Или просто очень любит деньги?

Он опустил перегородку и спросил шоferа:

— Боря, хочешь заработать миллион?

Андрей не удивился бы, если бы после этих слов машина слегка вильнула. Но «Мерседес» продолжал двигаться ровно.

— Миллиона мне мало, Андрей Львович, — спокойно ответил Боря. — Я тут посчитал — чтобы жить нормально, нужно миллионов шесть-семь. Домик построить, чтоб на века, чтобы детям-внукам остался. Машину себе, машину жене, машину сыну. Квартиру там в Болгарии или Черногории — на всякий пожарный. Ну, и не работать чтобы, конечно.

«За десять миллионов я в свое время выкупил компанию у Краснова, — подумал Гумилев. — И едва не поплатился за это жизнью».

— Семь миллионов — большие деньги, Боря, — сказал он. — Что ты готов сделать, чтобы их заработать?

— Все, — не раздумывая, ответил шоfer. — За семь миллионов евро я готов абсолютно на все.

«Ловко, — усмехнулся про себя Андрей. — А я-то по наивности думал, что мы говорим о долларах».

— Сколько тебе платит Марго?

Боря вздохнул.

— Копейки, Андрей Львович. Двести тысяч в год.

— Евро? — на всякий случай уточнил Гумилев.

— Баксов. Ну, с той зарплатой, которую вы мне назначили, набегает чуть больше трехсот. Чтобы скопить семь миллионов, нужно двадцать три года пахать и при этом ни копейки на себя не тратить.

В голосе огромного борца-вольнича звучала детская обида.

— Сегодня я переведу на твой счет два миллиона евро, — сказал Андрей. — А если ты все сделаешь так, как я тебе скажу, то через неделю получишь еще пять.

— А налоги? — деловито спросил Боря.

«Он предполагал, что рано или поздно я попытаюсь переманить его на свою сторону, — подумал Андрей. — Поэтому так хорошо подготовился к этому разговору. Но самое главное — Катарина тоже должна была

предусмотреть такую возможность. И наверняка дала ему инструкции, как следует поступать в случае, если я начну его перекупать».

— Это моя забота, — небрежно сказал Гумилев. — Ты получишь семь миллионов евро чистыми. Ну, хочешь узнать, что ты должен будешь сделать для того, чтобы их получить?

— Аж не терпится, — ухмыльнулся Боря. — Я вас очень внимательно слушаю, Андрей Львович.

— Ты должен будешь привезти мне того, с кем встречается Марго. Желательно живым.

Боря глубоко задумался.

— Так это, Андрей Львович... она ж не при мне с ними встречается. Я ее просто отвожу, куда она говорит, и жду в машине.

— Боря, — проникновенно сказал Гумилев, — ты всерьез думаешь, что заработать семь миллионов евро можно, вообще не напрягая мозги? Это уж твое дело, как ты его добудешь. Может, проследишь за ними или еще что-нибудь придумаешь. Это меня не касается. Мне результат нужен, а тебе деньги. Как видишь, все очень просто.

— Ладно, Андрей Львович, — Боря пожал могучими плечами, — я подумаю, как это сделать. Вам когда нужно?

— В ближайшую их встречу. Полагаю, это произойдет или сегодня, или завтра.

«Интересно, доложит он Катарине о перевербовке? — подумал Андрей. — Она, конечно, предупреждала его... но семь миллионов — действительно хорошие деньги для такого, как Боря. Особенно после того, как он увидит на своем счету два миллиона... Соблазн получить еще пять должен пересилить. Но если все-таки он доложит... Тогда придется идти ва-банк».

— И вот что, Боря, — добавил он, — если у тебя возникнет желание рассказать об этом разговоре Марго, имей в виду: она никогда не сможет заплатить тебе таких денег. Даже если пообещает.

— Я вернусь к двенадцати, — сказала Катарина. — Не скучай, дорогой. Я рассчитываю привезти тебе хорошие новости.

Она поцеловала Андрея в щеку — очень быстро, твердыми холодными губами.

— Я буду ждать тебя, — сказал Гумилев. — Надеюсь, новости действительно будут хорошими.

Катарина улыбнулась ему и пошла к дверям — короткая, отороченная серебристым мехом курточка, синие, обтягивающие бедра

джинсы, кожаные сапожки с металлическими подковками. Цок-цок-цок. В дверях она обернулась и посмотрела на Гумилева.

— Скоро все закончится, дорогой, — произнесла она почти нежно. — Осталось совсем немного.

Он подошел к большому панорамному окну, выходившему в сад. Листья уже давно облетели, голые деревья тянули к пустому ноябрьскому небу черные ветви. Сквозь ажурное плетение живой изгороди было видно, как Катарина идет к машине, как Боря распахивает перед ней дверцу. У Катарины была своя машина, «БМВ»-семерка, но она научилась водить только год назад, ездила не совсем уверенно и на встречи с загадочным связником Четвертого Рейха отправлялась только в сопровождении Бори.

«Сегодня все решится, — подумал Андрей. — Либо шофер расскажет ей, что я пытался его купить, и тогда придется выкладывать карты на стол. Либо мой расчет окажется верным, и он сделает то, что я ему велел. Катарина, конечно, умная девушка, да и бабку ее дурой не назовешь, но вся моя надежда на то, что они плохо представляют себе психологию таких динозавров, как Боря. Предательство — тонкое искусство. Те, кто играл против меня последние годы, добились своего именно предательством. Предала меня Ева, убежав в свою тайгу. Предала кухарка Лариса, купленная Свиридовым. Предал Бунин. Предательство погубило мою арктическую экспедицию и отдало Марусю и Марго в руки нацистов... Ну что же, враги мои, вы добились своего. Вы научили меня сражаться вашим же оружием — теперь мы наконец-то с вами на равных».

Он отвернулся от окна. Подошел к бару, плеснул себе в бокал двадцатилетнего «Лафроэйга», кинул несколько кубиков льда. Выключил верхний свет. Сел в уютное кресло с высокой спинкой, вытянул длинные ноги.

Некстати вспомнился бессмертный Виктор Цой: «Мягкое кресло, клетчатый плед, не нажатый вовремя курок...» «Может быть, это был единственно правильный выход? — подумал Андрей. — Убить себя, выйти из этой грязной игры? Но что бы это дало? Марусю и Марго, скорее всего, тут же уничтожили бы. Деньги... ну что деньги, заговорщики нашли бы других богачей... Нет, пуля в висок ничего не решила бы. Не зря, ох, не зря христианство учит, что самоубийство есть смертный грех. Отказ от борьбы много хуже поражения. Тот, кого победили, по крайней мере, сражался, а тот, кто сдался и сложил руки, — предал в первую очередь самого себя».

Так он сидел, пока ноябрьский вечер не занавесил окно стылой чернотой. А потом за его спиной раздался едва слышный шорох, и Андрей понял — это пришли за ним.

Рука скользнула в карман халата, нашаривая рукоять маленького чешского пистолета WASP, который Гумилев с некоторых пор всюду носил с собой. Шесть патронов калибра 9мм — на небольшом расстоянии этого довольно, чтобы свалить любого. Хватило бы только времени развернуться — когда утопаешь в мягким кресле, это трудно сделать быстро.

— Не нужно шуметь, Андрей Львович, — тихо попросил незнакомый голос. — Я от Ильи Ильича.

Гумилев медленно поднялся с кресла, сжимая в кармане пистолет. Обернулся. Увидел в дверях чей-то темный силуэт — человек был ниже его на голову, но гораздо шире в плечах.

— Чтобы вы не сомневались, Андрей Львович, вам велено передать вот что: хватит сидеть, как мышь под веником.

— Что? — не понял Гумилев и вдруг осекся. Вспомнил.

«Когда дойдет дело до разработки конкретных контрмероприятий, тебе сообщат. А пока сиди тихо, как мышь под веником, понял?» — вот что сказал ему Свиридов в их последнюю встречу. Тогда еще его покоробил тон генерала — он решил, что старик хамит ему, припоминая старые обиды, и ему даже в голову не могло прийти, что Свиридов специально подбирал слова, которые надолго отпечатались бы в памяти оскорбленного Гумилева.

— Кто вы? — спросил он у незваного гостя. — Как вы прошли мимо охраны?

— Можете звать меня Иван. Иван Иванов. Товарищ генерал велел мне сопровождать вас, Андрей Львович. А охранники... они просто меня не увидели. Я это умею.

Гумилев насторожился. А что, если это ловушка? В конце концов, их беседу со Свиридовым могли и подслушать. Генерал бесследно исчез — кто знает куда? Возможно, его держат в каком-нибудь подвале, пытками заставляя играть роль приманки, на которую должен клюнуть Гумилев. Но зачем?

— Сопровождать куда? И что случилось с генералом? Он жив?

Вместо ответа Иванов достал из кармана мобильный телефон и протянул его Гумилеву.

— Наберите, пожалуйста, три семерки, — попросил он.

Гумилев пожал плечами и трижды нажал кнопку с цифрой «7». Экран телефона (по виду это была обычная старенькая «Моторола») загорелся зеленым.

— Здравствуй, Андрей Львович, — сказал в трубке голос генерала Свиридова. Судя по голосу, генерал был жив и здоров. — Встретился с Ваней? Он надежный человек, не сомневайся. Работал у меня по антиквариату, всех коллекционеров в Москве и Питере знает.

— Илья Ильич, — перебил его Гумилев, — вы в порядке? Где вы?

— Далековато, — хмыкнул Свиридов. — На другом конце света, Андрюша. Давай-ка и ты ко мне сюда перебирайся, и побыстрее. Эти гады нам времени совсем не оставили...

— Не понимаю, Илья Ильич, куда перебираться?

— Потом поймешь, Андрюша. Ваня тебя проводит, покажет, куда идти. Оружие с собой возьми, оно нам пригодится, когда будем осиное гнездо выжигать. Хорошо бы еще пару людей надежных, но это дело опасное. Не знаешь ведь, кто из твоих на врага работает.

— Илья Ильич, — медленно проговорил Андрей, — извините меня, конечно... но почему я должен вам верить?

Генерал тихо засмеялся.

— Молодец, Андрюша, мыслишь в правильном направлении. Верить тебе сейчас нельзя никому. Только себе, да и то с оглядкой. Но у тебя, извини, другого выхода нет. Можешь оставаться — и увидишь, как у этих гадов получится все, что они замыслили. А если хочешь попробовать их остановить — слушай меня. В конце концов, ты просил меня о помощи или нет?

— Просил, — признал Гумилев.

— Вот, считай, я придумал, как тебе помочь. И как дочку твою из этой ледовой ловушки вытащить, и Марго. Но если ты будешь ломаться, как девка, ничего у нас с тобой не выйдет.

— Ладно, — сказал Андрей после паузы. — Будем считать, вы меня убедили. Что я должен делать?

— Ты Ваню слушай, он тебе все расскажет. Главное — надзирательницу свою из игры выведи. Иначе она нам всю игру поломает.

— Что значит «выведи»? Мне убить ее, что ли?

— Это было бы лучше всего, — со вздохом ответил Свиридов. — Но я тебя, чистоплюя, знаю — у тебя на женщину рука не поднимется. Особенно на ту, с которой ты спишь.

— Генерал!..

— Пятнадцать лет уже генерал. В общем, придумай что-нибудь, чтобы она за тобой не увязалась. На все про все есть у тебя четыре часа, потом поздно будет.

— Это почему же?

— Сам увидишь. В общем, до встречи, Андрюша. Надеюсь, свидимся.

Свиридов отключился. Андрей протянул телефон Иванову.

— Убедились? — спросил тот. — Жив товарищ генерал, жив. Чтобы его убить, троих бандюков мало.

— Почему же он исчез? Почему не давал о себе знать?

Иванов усмехнулся.

— Потому и не давал — хотел, чтобы его все считали мертвым. А когда пришло время, прислал меня.

— И куда же вы меня отведете?

— К одному антиквару, — уклончиво ответил посланец Свиридова. — А уже оттуда — к генералу.

— Он сказал, что находится на другом конце света.

Иванов пожал широкими плечами.

— Возможно. Я не знаю, где он. Знаю только, как вам к нему попасть.

— И как же? Вообще-то вы могли бы привезти своего антиквара в Домодедово, там у меня стоит личный самолет.

— Зачем? — удивился Иванов. — Дело не в антикваре, а в его коллекции. В общем, собирайтесь, Андрей Львович, нам нужно незаметно выйти из дома. Моя машина стоит в пяти минутах ходьбы отсюда.

Гумилев посмотрел на часы — было без десяти десять. Катарина уехала в восемь и обещала вернуться к полуночи. Что ж, есть шанс, что она до сих пор на встрече со связником.

Он достал серебристый коммуникатор «Черника» и набрал номер Бори.

— Да, Андрей Львович, — откликнулся шофер после второго гудка. — Я тут это... на боевом посту... наблюдаю, в общем.

— Где Марго? — перебил его Гумилев.

— Они в ресторане встречаются, — доложил Боря. — В «Замке Люцифера», знаете, на Шмитовском. Я тут все продумал... ребят попросил, они помогут.

— Каких ребят? — удивился Андрей.

— Ну, своих спортсменов-вольников... Госпожа Марго выйдет, я ее домой повезу, а ребята этого козла скрутят и отвезут, куда скажете.

Конечно, ребятам тоже деньжат придется подкинуть, но там немного, по сто тыщ на рыло. Итого еще пятьсот.

Боря борзел не по дням, а по часам, но Гумилева это скорее забавляло. Чем больше жадничал шофер, тем меньше Андрей беспокоился за то, что он выдаст его Катарине.

— Что ж там за терминатор такой, что на него одного нужно пять борцов? — поинтересовался он.

— Да вроде ничего особого, — со вздохом признался Боря. — Китаэза, глаза раскосые... Но кто ж их, этих азиатов, знает? Как начнет руками-ногами махать... Вот я и решил подстраховаться.

— Правильно решил. Теперь вот что, слушай внимательно. Когда Марго сядет в машину, скажешь: звонил Андрей Львович, просил передать, что лег спать, чтобы его не беспокоили. Когда приедете домой, мигнешь дважды дальним светом. Потом, когда въедешь во двор, постараися поставить машину так, чтобы она стояла под самым фонарем у крыльца. Дальше можешь быть свободен до утра. Все понял?

— А китаезу-то куда отвезти?

— Вези в сторожку на Оку. Там спокойно, тихо, природа, воздух. Завтра поговорим с ним.

— Сделаем, Андрей Львович, — бодро отрапортовал Боря.

Гумилев убрал коммуникатор в карман. Посланец Свиридова испытующе поглядел на него.

— Ваш собеседник — надежный человек?

— Отнюдь, — усмехнулся Андрей. — Наоборот, он жадная и продажная скотина. Но в определенных обстоятельствах такие люди оказываются полезнее, чем благородные идеалисты. А теперь я попрошу вас десять минут подождать в холле — мне нужно собраться.

Начальник личной охраны Гумилева Сергей Ким стоял в густой чернильной тени, слившись со стеной дома. С другой стороны крыльца притаился еще один невидимка — Димка Белых, ученик знамени того Тадеуша Касьянова. В этом человеке Сергей был уверен на все сто процентов — они знали друг друга с детства, хотя Сергей родился в Ташкенте, а Димка был коренным москвичом и встречались они в основном на спортивных сборах. Потом оба попали на Северный Кавказ, прошли вторую чеченскую войну, и там Сергей дважды спасал Димке жизнь, а Белых однажды вытащил его, контуженного, из-под огня боевиков.

И когда Гумилев попросил Кима отобрать пару самых надежных людей из его личной охраны, Сергей, не задумываясь, назвал Димку. А потом задумался — и задумался крепко.

В «личке» Гумилева было восемь бойцов, но только трое работали с Кимом больше двух лет. Остальные пятеро были набраны позже и, как подозревал Ким, по настоянию подруги шефа, Марго.

Марго никогда не нравилась Киму, хотя он, как и подобает правильному телохранителю, никак не показывал своего отношения к ней. Хороша она или плоха — это дело шефа. Его, Кима, дело — охранять жизнь Гумилева, ну, и Марго, если так прикажет Андрей Львович. Хотя, положа руку на сердце, жертвовать собой ради Марго Ким бы не стал. Больше того: Ким был уверен, что женщина, которую шеф называет «Марго», и та Маргарита Сафина, что отправлялась с ним в Арктику два года назад, — совершенно разные люди. Но, опять-таки, это было не его делом.

Получив приказ Гумилева взять Марго, когда она будет выходить из машины, и запереть ее в комнате без окон, отобрав предварительно оружие и мобильный телефон, Ким с некоторым удивлением понял, что давно ожидал чего-то подобного. И, слегка устыдившись, признался самому себе, что ему будет приятно выполнить этот приказ.

Вот только двоих надежных людей он не нашел. Только Димку — но тот и один стоил троих. Поэтому Сергей не слишком беспокоился: хотя Марго была весьма спортивной девушкой, против двух профессионалов шансов у нее не было. К тому же Ким не собирался доводить дело до киношной драки, в которой Марго могла бы продемонстрировать свои познания в дзюдо. Когда девушка выйдет из машины, щурясь от яркого света фонаря (Ким специально вкрутил самую мощную лампочку), они с Димкой шагнут к ней с обеих сторон и синхронно возьмут за руки, фиксируя запястья и локти. Из такого положения крайне неудобно проводить контрприемы, а если дамочка все-таки начнет дрыгаться, придется применить электрошокер. Из бильярдной, куда они отведут (или оттащат) Марго, предусмотрительно уbraneы все кии, зато там приготовлены бутерброды и вода, так что голод и жажда не грозят девушке по крайней мере двое суток. В целом вся операция, по расчетам Кима, должна была занять три минуты, включая дорогу до бильярдной, и не стоила того, чтобы из-за нее волноваться.

Вдалеке послышался шум мотора, показались желтые точки фар. Метрах в трехстах от дома «БМВ» дважды мигнул дальним светом — это Боря давал сигнал, что все в порядке.

Компьютерная система «свой-чужой» автоматически открыла ворота. «БМВ» описал полукруг по подъездной дорожке и остановился прямо под фонарем. Из своего укрытия Ким хорошо различал грузную медвежью фигуру Бори на водительском сиденье и изящный силуэт Марго позади него.

Задняя правая дверца открылась. Вопреки обыкновению, Боря не выбрался из машины, чтобы помочь Марго выйти, — она вышла сама.

Девушка чуть замешкалась на ступеньках — после полуночи салона свет фонаря слепил ей глаза. Ким с легким неудовольствием отметил, что Боря, который уже должен был отъехать от крыльца, опустил боковое стекло и с любопытством смотрит на Марго.

Ким и Белых шагнули из темноты одновременно, их жесткие пальцы сомкнулись на тонких запястьях девушки, и в этот момент Сергей понял, что произошла катастрофа.

Девушка, которую они схватили, была очень похожа на Марго, так что в темноте их легко было перепутать. Более того, она была одета в ту же отороченную мехом курточку, те же джинсы и те же сапожки. Но в ярком свете мощной лампы Ким отчетливо увидел родинку на левой щеке, которой не было у Марго. И нос у девушки был не такой прямой, как у Сафиной, а с чуть заметной рязанской курносинкой.

Рука Кима метнулась к поясу, но, прежде чем телохранитель успел дотянуться до оружия, из открытого окна «БМВ» дважды полыхнуло пламя.

Звук, сопровождавший выстрелы, был негромким и совсем не зловещим — как будто хлопнули пробки двух бутылок шампанского. Девушка, стоявшая на крыльце, взвизгнула от страха — мужчины, неожиданно появившиеся из темноты и крепко схватившие ее за запястья, грузно оседали на ступеньки. Во лбу у одного из них чернело аккуратное пулевое отверстие — этот умер молча и сразу. Второму повезло меньше — пуля попала ему в шею, он хрюпал и кашлял, цепляясь за руку девушки, словно хотел забрать ее с собой. Девушка — в эскорте ее знали под именем Марта, хотя при рождении ее назвали Оксаной, — завизжала и попыталась вырвать руку, но умирающий держал ее крепко.

Сухо хлопнула дверца «БМВ». Марта услышала мягкие крадущиеся шаги. Это приближалась блондинистая стерва, заплатившая ей тысячу долларов за короткий спектакль с переодеванием. Марта думала,

что речь идет о розыгрыше — у богатых, как известно, свои причуды. Никто не предупредил ее о том, что она станет участницей двойного убийства.

Блондинка подошла вплотную к умирающему мужчине — теперь Марта видела, что это был азиат, то ли китаец, то ли японец, — и направила ему в голову уродливо толстый ствол пистолета.

— Су... ка... — Азиат выплюнул сгусток крови прямо на кроссовки блондинки и захрипел так отчаянно, что у Марты душа ушла в пятки.

— Не стану спорить, — сказала блондинка и улыбнулась. Пистолет в ее руке дернулся, раздался новый хлопок — погромче предыдущих. Голова азиата дернулась, пальцы его разжались. — А ты, — блондинка повернулась к Марте, — прекрати визжать.

— Мы... мы так не договаривались, — пролепетала Марта. — Я... я в таких делах неучаствую.

— Правильно. — Блондинка поглядела на нее едва ли не с сочувствием. — Уже неучаствуешь.

«Она меня убьет», — в ужасе подумала Марта и, громко крича, бросилась по ступенькам вниз, в темноту. Но там уже стоял, расставив медвежьи лапы, огромный страшный шофер Боря. Он схватил Марту и сжал так крепко, что у нее затрещали ребра. От страха она завизжала еще сильнее.

— Что с ней делать, госпожа? — спросил шофер.

— Сделай так, чтобы она замолчала, — приказала блондинка.

На мгновение у Марты вспыхнула безумная надежда, что ей просто заткнут рот какой-нибудь тряпкой. Но Боря понял приказ блондинки по-своему. Он сжал голову Марты своими лопатообразными ладонями и одним резким движением сломал ей шею.

Катарина фон Белов осторожно вошла в дом, держа наготове пистолет. Боря крался за ней, если только слово «крался» применимо к тушевесом в полтора центнера.

Дом был пуст — очевидно, Андрей отпустил прислугу и охрану.

— Обыщи второй этаж, — велела Катарина. Сама она направилась в спальню Гумилева.

Здесь, разумеется, никого не было. Бросив короткий взгляд на широкую, накрытую золотистым пледом кровать, Катарина повернулась и прошла в свою комнату.

Включила компьютер, вошла в архив системы видеонаблюдения, прокрутила записи на четыре часа назад, запустила ускоренную перемотку. Увидела себя, садящуюся в машину. Увидела Андрея,

неподвижно сидящего в кресле со стаканом виски в руках. Увидела стремительно скользящую по темным коридорам дома тень, приближающуюся к гостиной.

Катарина включила обычный режим воспроизведения. Тень замедлила движение, остановилась в дверях. Андрей медленно поднялся из кресла, обернулся к таинственному — лицо его почему-то не попадало в объективы камер — гостю.

У Гумилева беззвучно двигались губы. Ах, если бы она понимала, о чем он говорит! К сожалению, в совершенстве знавшая русский Катарина не умела читать по губам — в программу подготовки офицеров Четвертого Рейха эта наука не входила.

Она досмотрела запись до конца. Увидела, как Гумилев и его визитер вышли из комнаты и направились к задней двери дома, выводящей в парк. Потом, отмотав пленку вперед, Катарина понаблюдала за приготовлениями охранников, пытавшихся устроить ей засаду. Увидев, как они натягивают бронежилеты, она снисходительно усмехнулась: бабушка всегда учила ее, что стрелять нужно в голову. Правда, в случае с корейцем у нее чуть дрогнула рука, но шея ничем не хуже головы.

Катарина посмотрела на часы. На просмотр записи у нее ушло тридцать пять минут. Гумилев покинул дом два часа назад. Рыбка все-таки сорвалась с крючка, подумала она с легким сожалением. Неужели Андрей все-таки решился пожертвовать своей дочерью и ее няней? Значит, права была бабушка, когда говорила, что рано или поздно он взбрыкнет и к этому надо быть готовым? Что ж, она подготовилась основательно.

В каблуки всех туфель и ботинок Гумилева (а их у него было не меньше двадцати пар) были вмонтированы крошечные GPS-передатчики — их привез Катарине Чен. Таким образом, Катарина могла отслеживать все перемещения Андрея — правда, пользовалась она этим инструментом не слишком часто. Именно так она выяснила, что Андрей во время экономического форума в Питере нанес визит Свиридову, — и, предположив самое худшее, приказала Боре убрать генерала. На следующий день Боря доложил, что задание выполнено, но на вопрос, куда делось тело Свиридова, вразумительного ответа так и не дал. Бормотал что-то вроде «ребята вывезли за город и в болоте притопили», но, когда Катарина потребовала, чтобы ей рассказал об этом кто-то из «ребят», ушел в глухой отказ. По словам Бори выходило, что киллеры, избавившись от трупа генерала, испугались, что

за них теперь возьмется ФСБ, и в срочном порядке уехали из страны, благо деньги, полученные от Катарины, им это позволяли.

Немного успокаивала Катарину только шумиха, поднятая вокруг исчезновения Свиридова, — к делу подключился лично глава Следственного комитета РФ, так что инсценировкой это быть явно не могло. Но кредит доверия, выданный Боре, с этого момента значительно уменьшился.

Она достала из сумочки тот самый коммуникатор, с помощью которого когда-то искала «жучки» в салоне «Мерседеса» Андрея, — это тоже был подарок Чена, чрезвычайно многофункциональное устройство, настоящая мечта шпиона. Включила GPS-приемник и ввела личный код Гумилева. На экране коммуникатора появилась разноцветная карта Москвы. Почти в самом центре, где-то в пределах Садового кольца, пульсировала зеленая точка. Катарина укрупнила масштаб. Андрей находился в Староконюшенном переулке, рядом с Арбатом. От Жуковки по ночной Москве, без пробок, с Борей за рулем — полчаса езды. «Никуда ты не денешься», — с облегчением подумала Катарина. В глубине души она боялась, что Гумилев направился в Домодедово, где всегда стоял готовый к вылету его алый «Лирджет». В этом случае настичь Андрея было бы гораздо сложнее. А выпускать его из рук было никак нельзя — инструкции рейхсфюрера на этот счет были совершенно недвусмысленными.

«Гумилев нужен нам, — говорила бабушка, давая Катарине последние наставления перед тем, как отпустить ее в большой мир, — он владеет силой, пределов которой и сам не понимает. Ты должна укротить его, сделать так, чтобы его сила служила Четвертому Рейху. Он может быть очень полезен нашему делу. Но если он выйдет из-под контроля, если цепи, которыми мы приковали его, порвутся и он объявит нам войну — тогда убей его. Убей быстро и без сожаления. Я знаю, о чем говорю, Катарина. Когда-то давным-давно я столкнулась с его бабкой, и эта встреча едва не стоила мне жизни. Помни об этом, когда сомнения начнут одолевать тебя».

«Не волнуйся, бабушка, — сказала тогда Катарина. Они разговаривали в неофициальной обстановке, за ужином, и она могла не обращаться к бабушке «рейхсфюрер». — У меня не дрогнет рука. Он ведь всего лишь славянин».

Тогда ей было легко говорить. Она еще не знала, каким сильным и нежным может быть этот человек. Не знала, как хорошо будет просыпаться в его объятиях.

Но бабушка предусмотрела и это.

«Не обольщайся, — предупредила она Катарину. — Ты совсем не знаешь мужчин, а он вовсе не худший представитель этой породы. Возможно, ты влюбишься в него — да, да, не перебивай. Это будет даже кстати — эмоциональный контакт всегда хорош в такого рода делах. Но что бы ты ни чувствовала к нему, помни — если он сорвется с цепи, убей его, потому что иначе он убьет тебя, а если получится, то и всех нас. Ты ведь любила своего медведя Сурта, не так ли? Но, если бы он взбесился, ты без колебаний застрелила бы его, правда?»

Катарина вспыхнула — при мысли о погибшем Сурте у нее по-прежнему щемило сердце.

«Это не одно и то же, бабушка!»

«Но ты бы застрелила его?»

Помедлив, она кивнула.

«Этот человек опаснее, чем взбесившийся белый медведь, — сказала Мария фон Белов. — Я не могу объяснить тебе почему. Я просто знаю».

— Я остановлю тебя, — сказала Катарина, обращаясь к зеленой точке. — И моя совесть будет чиста — ты пытался убить меня первым.

Она прошла на кухню, достала из холодильника бутылку своей любимой минеральной воды «Перрье». Сильными пальцами открытила пробку, взяла хрустальный бокал и налила до краев.

Вода показалась ей чуточку мутноватой, но Катарина, поглощенная мыслями о предстоящей схватке с Андреем, не обратила на это внимания.

— Никого нет, госпожа, — доложил ввалившийся в кухню Боря. Он запыхался — видно, добросовестно проверил все комнаты в доме, включая «башенку» Евы. — Сбежал он.

— Я знаю, — спокойно сказала Катарина. — Сейчас мы поедем за ним. Приготовься, возможно, придется драться.

— Хо, — сказал Боря, — с вами и размахнуться-то не успеешь. Как вы их четко: раз, два и все! Прямо как в тире.

— Имей в виду, если Гумилев поймет, что ты его продал, первым он попытается убить тебя.

— Продал! — скривился Боря. — Это не я его продал, а он меня хотел купить. За вшивые семь миллионов евро.

Катарина допила воду и аккуратно поставила стакан в мойку.

— Ты хорошо умеешь считать, Борис, — сказала она. — Семь миллионов евро — ничто по сравнению с доходами гауляйтера Москвы,

которым ты станешь очень скоро. У тебя будут тысячи рабов, Борис, тысячи наложниц и почти безгранична власть — никакие деньги не смогут дать тебе такого. К тому же в Четвертом Рейхе единственной валютой будет золотая рейхсмарка.

Она повернулась, чтобы вытереть руки полотенцем, и вдруг почувствовала, как у нее закружилась голова.

— Что это? — удивленно спросила Катарина.

— Что, госпожа? — Голос Бориса долетал до нее как сквозь вату.

«Яд, — мелькнула в голове страшная мысль, — Андрей отправил воду...»

— Врача, — успела произнести Катарина, оседая на пол. Сознание упывало.

— На помощь! — зачем-то крикнул будущий гауляйтер Москвы. — Помогите!

«Болван, — подумала Катарина, — в доме же никого, кроме нас, нет...»

Это была ее последняя мысль.

ГЛАВА 18

ВРАТА ПУСТОТЫ

Москва, ночь с 4 на 5 ноября 2011

Иванов вел машину с расчетливой удастью профессионального гонщика. До Остоженки они добрались за двадцать пять минут, потом нырнули в лабиринт переулков, ведущих к Арбату, и, наконец, остановились в каком-то мрачном, скучно освещенном дворе.

Иванов молча вылез из машины, открыл багажник и извлек оттуда два объемистых вещмешка. Протянул один Гумилеву.

— За мной, пожалуйста. — Посланец Свиридова уверенно направился к угловому подъезду, под козырьком которого едва тлела желтая лампочка. Андрей, проверив, на месте ли пистолет, последовал за ним.

В подъезде было темно и пахло рыбой. Иванов, включив маленький фонарик, легко поднимался по ступенькам, его огромная тень прыгала по исписанным граффити стенам. На лестничной площадке третьего этажа он остановился и обернулся к Гумилеву.

— Андрей Львович, прошу вас, ничему не удивляйтесь и не задавайте лишних вопросов. У нас очень мало времени.

Луч фонарика уперся в медную табличку с надписью «Ю. С. Бонзо. Звонить два раза». Иванов дважды нажал на кнопку звонка.

— Кто там? — раздался из-за двери надтреснутый старческий голос.

— Юлий Соломонович, это я, Иван. Привел гостя, как и обещал.

— Поздновато вы, — сказал Ю. С. Бонзо недовольно. Защелкали засовы и замки, дверь открылась на ширину цепочки, которую правильнее было бы назвать цепью.

Хозяин квартиры был небольшого росточка, плотный, седой и во все не такой старый, как можно было бы подумать по голосу. На взгляд Гумилева, ему было не больше шестидесяти пяти.

— Здравствуйте, молодые люди. — Ю. С. Бонзо снял цепочку и величественным жестом указал куда-то в глубь коридора. — Проходите, не стесняйтесь, только снимайте обувь, у меня паркет...

— Юлий Соломонович... — укоризненно протянул Иванов.

Бонзо, видимо, вспомнив что-то, хлопнул себя ладонью по лбу.

— Ах да, вы же, так сказать, проездом... Тогда вытирайте ноги тщательнее, вон там половичок, а вот тряпочка.

Убедившись, что гости отряхнули со своих ног ноябрьскую слякоть, хозяин удовлетворенно кивнул.

— Пойдемте, пойдемте, все уже приготовлено. Переправим вас в лучшем виде.

Иван, на свету оказавшийся совсем молодым светловолосым парнем с простым круглым лицом, по-свойски подмигнул Андрею.

— Юлий Соломонович у нас, так сказать, хранитель ключей.

— От подземной железной дороги¹? — усмехнулся Гумилев.

— Я называю это Вратами Пустоты, — важно ответил Ю. С. Бонзо. — А граф Разумовский, впервые обнаруживший феномен, нарек его Зеркалом Исиды.

Он вел своих гостей длинным извилистым коридором, по обеим сторонам которого располагались высокие двери. Похоже, квартира была расселенной коммуналкой, в которой когда-то жило не меньше двадцати человек. Если сейчас Ю. С. Бонзо жил в ней один (а Гумилеву показалось, что это именно так), то в таком огромном жилище ему наверняка должно было быть неуютно и жутковато.

Наконец Бонзо толкнул одну из дверей, и они вошли в большую, обставленную старинной мебелью комнату. В могучих шкафах полированного дуба за толстыми стеклами голубовато светился благородный фарфор. В углу стояли большие напольные часы в виде золоченой китайской пагоды. На обтянутой выцветшим от времени атласом козетке спал большой пушистый кот. Со стен на гостей глядели веселые и румяные мужчины и женщины в напудренных париках.

— Юлий Соломонович — один из крупнейших в стране специалистов по екатерининской эпохе, — объяснил Иванов. — Коллекции вельмож того времени он знает наизусть, до последней ложечки.

— Ну, это преувеличение, — отмахнулся Бонзо. — Такого не может знать никто, коллекции слишком часто меняли владельцев. Но многие тайны той эпохи известны только мне, это правда.

Он остановился перед одним из портретов и с потешной почтительностью поклонился ему.

¹ «Подземная железная дорога» — тайная система переправки рабов из южных штатов США на Север, где рабовладение было отменено. Представляла собой цепь перевалочных пунктов с хорошо налаженной конспиративной связью. Никакой железной дороги, понятное дело, под землей на самом деле не было.

— Вот он, граф Разумовский, потомок знаменитого Кирилла Разумовского, последнего гетмана Запорожского войска. Меценат, покровитель наук, он сам был не лишен исследовательской жилки. Объездил полмира, привез массу интереснейших экспонатов для своей коллекции. В конце жизни он заинтересовался судьбой знаменитой библиотеки Ивана Грозного. Нанял большую артель рабочих, которые несколько лет искали для него пропавшую Либерею¹ в московских подземельях. Библиотеку они не нашли, однако наткнулись на нечто столь необычное, что граф даже выстроил над этим местом небольшой особняк.

Бонзо сделал паузу и вдруг остро, по-птичьи, взглянул на Гумилева.

— Вы, наверное, хотите спросить, что же обнаружили люди графа и почему Разумовский не вывез это в один из своих дворцов, которых у него было несколько — и в Москве, и в Санкт-Петербурге?

Иванов озабоченно посмотрел на часы.

— Юлий Соломонович, у нас очень мало времени, — извиняющимся тоном сказал он. — Может быть, расскажете по пути?

— Как угодно. — Старик, похоже, обиделся. Он подошел к массивному книжному шкафу, открыл дверцу и принялся что-то крутить и нажимать. Раздался мелодичный звон, будто из музыкальной шкатулки, и шкаф неожиданно легко повернулся на невидимых шарнирах, открыв узкий проход куда-то в темноту. — Идите за мной, да не споткнитесь — там крутые ступеньки.

Открывшееся пространство больше смахивало на широкую каминную трубу — тесное, без окон, со спирально уходившей вниз лестницей. В руке у Бонзо появился фонарик, и он светил им под ноги. Такой же фонарик был у Иванова, а Гумилев, шедший посередине, двигался почти на ощупь.

— То, что нашли рабочие, нанятые Разумовским, невозможно было унести с собой. — Антиквар, судя по всему, не умел долго обижаться. — Это не были сундуки с книгами, не были мешки с золотом, да золото вряд ли заинтересовало бы сказочно богатого графа. Нет, глубоко под землей, в каменном покое, замурованном еще при Иване Калите, обнаружился некий природный феномен, тайну которого граф так и не сумел раскрыть. С виду он напоминал висящее в воздухе

¹ Так называли современники библиотеку Ивана Грозного, большую часть которой составили книги, вывезенные из Константинополя Софьей Палеолог в качестве приданого.

зеркало без рамы, с переливающейся, похожей на ртуть поверхностью. Сдвинуть с места его было невозможно — просто не за что было ухватиться. Осторожно, здесь ступенька выщерблена. Как-то один из рабочих случайно оступился, упал на это зеркало — и исчез. Его товарищи ужасно перепугались и уже хотели бежать прочь, как вдруг он вернулся, появившись будто бы из пустоты. По его словам, он побывал в жутком месте, где в ночи ревели ужасные чудовища, а воздух был горячим, как в кузне. Подобное чудо, конечно же, заинтересовало пытливого графа, и он провел целый ряд экспериментов с этим зеркалом... Аккуратнее, здесь потолок понижается... В конечном итоге он понял, что феномен позволяет переноситься в иные уголки света, в том числе такие отдаленные, как Африка и Австралия. Тогда Разумовский принял все меры, чтобы слухи об удивительном зеркале не достигли чужих ушей, построил над местом, где оно было обнаружено, небольшой особнячок и устроил потайной ход, позволявший спускаться в подземелье прямо из спальни. После очередного московского пожара особняк уже не восстановили — старый граф к тому времени умер, и тайна, казалось, ушла вместе с ним. Спустя много лет на этом месте возвели большой доходный дом, а в начале девяностых я купил эту квартиру и, подобно графу, сделал себе индивидуальный ход в подвал, откуда можно попасть в покой Врат Пустоты.

— А откуда же вы узнали об этом зеркале, если Разумовский хранил тайну как зеницу ока?

— О, люди той эпохи были весьма умны и предусмотрительны. — Бонзо остановился перед небольшой, окованной металлом дверцей и начал греметь ключами. — Граф описывал все свои эксперименты с Зеркалом Исиды в зашифрованном дневнике. Долгое время этот дневник никто не мог прочитать — шифр был весьма мудреным. Пока в тысяча восемьсот... простите, тысяча девятьсот восемьдесят восьмом году мой пapa, Соломон Рувимович, не нашел ключ к шифру Разумовского. Он был большой книголюб и знаток тайнописи, мой пapa. Секрет шифра он доверил только мне. Я, конечно, был поражен, сначала не поверил ни одному слову... но потом, когда увидел Зеркало своими глазами, понял, что все, о чем писал граф, чистая правда.

Он повернул ключ в замке, и окованная дверь со скрипом отворилась. За ней начиналась другая лестница, немного более широкая и куда более старая. Кирпичная кладка свода была выщерблена, на стенах кое-где тускло светились пятна селитры.

— Мы уже под землей, — сообщил Бонзо. — Это ход, пробитый людьми графа.

На Гумилева пахнуло сыростью. Ему вдруг расхотелось спускаться вниз, какие бы чудеса ни ожидали его в конце пути. Почему-то мелькнула мысль о том, что некоторые московские диггеры, знавшие столичные подземелья как свои пять пальцев, пропадали в них бесследно.

— Долгое время я был единоличным хранителем старой тайны, — со вздохом сказал антиквар. — А потом появились люди, которые тоже знали о Вратах Пустоты...

— Что за люди? — спросил Андрей.

— Их называют Странники. — Бонзо снова вздохнул. — У них есть карты таких Врат — правда, сами они предпочитают термин «линзы», — и они путешествуют между мирами. Врат Разумовского на их картах не было, но когда один из них случайно вышел в подземелье под этим домом, сохранять тайну стало невозможно.

— А откуда о них узнал Илья Ильич?

— Ну как же, — Бонзо даже удивился вопросу, — ведь господин генерал тоже занимается аномальными предметами, а поиск предметов — главная цель Странников. Они не могут не знать друг о друге.

«Опять предметы! — с неожиданной злостью подумал Гумилев. — Неужели я не могу шагу ступить, чтобы не наткнуться на очередной предмет? Впрочем, Свиридов посвятил им всю свою жизнь, так что не приходится удивляться, что все, что связано с ним, так или иначе касается предметов».

Лестница сделала последний виток, и они оказались на небольшой, усыпанной песком площадке перед каменной стеной, в которой чернел полукруглый лаз.

— Нам туда. — Антиквар посветил в лаз фонариком. — Еще десять шагов, и мы на месте. Берегите головы, здесь низко.

Тайный покой времен Ивана Калиты был похож на обычную пещеру, стены которой кое-где были облицованы камнем. По бокам валялся какой-то старый строительный мусор, почерневшие от времени доски, допотопного вида кирка. А в центре покоя переливалась и мерцала парящая в воздухе волнистая мембрана — ртуть пополам с серебром.

— Ну, вот мы и пришли, — сказал Бонзо с гордостью. — Это и есть Врата Пустоты, великая тайна подземной Москвы.

— И куда же ведут они ведут? — Гумилев внимательно рассматривал мембррану. Сначала ему показалось, что это просто игра света спрятанных где-то под потолком пещеры фонарей, но, приглядевшись, он понял, что линза вполне материальна, хотя из чего она сделана, определить было решительно невозможно.

— О, в самые разные, неожиданные места. Может быть, вы попадете в южноамериканскую сельву (Бонзо произносил это слово как «сэльва») или в индийские джунгли. А может быть, в снега Гренландии или сибирскую тайгу.

— Но мы должны встретиться с генералом Свиридовым, — возразил Андрей.

— Андрей Львович, — Иванов дотронулся до его руки, — товарищ генерал все предусмотрел. Вот, взгляните.

Он протянул Гумилеву обычный лист тетради в клеточку с чрезвычайно профессионально вычерченным кроком. Под выделенными красным кружочками стояли подписи: «Наска», «Ангкор», «Урал», «Нарбада», «Айерс-Рок», «Сирт», «Рапа-Нуи». Последнее название было подчеркнуто трижды. Кружочки были соединены стрелочками, некоторые — по два раза.

— Это схема, которой мы должны придерживаться, чтобы найти генерала, — объяснил он. — Я не знаю, в каком из этих мест будет насаждать Илья Ильич, но в одном из них мы обязательно с ним встретимся.

— А как мы будем перемещаться между этими пунктами?

— Просто будем заходить в линзу и выходить из нее столько, сколько потребуется. Будьте осторожны: в некоторых случаях линзы висят довольно высоко над землей.

Иванов деловито огляделся и, положив свой вещмешок на груду черных досок, обернулся к Андрею.

— Нужно переодеться, Андрей Львович. Путь предстоит неблизкий.

Гумилев развязал свой вещмешок и обнаружил тугой сверток из темного материала, высокие армейские ботинки, теплые носки и перчатки. Иванов уже развернул свой сверток, оказавшийся комбинезоном, покрытым густо-фиолетовыми разводами.

— Водонепроницаемый негорючий материал, — объяснил он Андрею. — Очень прочный — порвать нереально, много раз пробовали.

Гумилев неохотно снял джинсы и свитер и натянул странный комбинезон. Материал был прохладным и приятным на ощупь. Он

облегал тело, как вторая кожа. Ботинки, как ни странно, тоже оказались Андрею впору.

— Сорок третий, правильно? — улыбнулся Иванов, увидев, как Гумилев рассматривает ботинки. — Товарищ генерал просил подобрать под ваш размер.

— Если хотите, я заберу ваши вещи наверх, — предложил Бонзо. — Здесь сырвато, к тому же грызуны...

— Оружие, — Иванов достал из своего вещмешка два короткоствольных автомата, один закинул на плечо, второй отдал Андрею. — Это «Вихрь», умеете с ним обращаться?

— Приходилось. — Гумилев мысленно поблагодарил Санича, который раз в неделю обязательно вытаскивал его на стрельбище, где обучал технике стрельбы из различных видов оружия. — Мощная штука вина.

— Ну и замечательно. — Иванов похлопал по изрядно похудевшему вещмешку. — Там еще спички, нож, аптечка, компас, топливные брикеты, а также сухпай и термос с кофе. Все, что нужно для небольшой прогулки.

Он подошел к Бонзо и сердечно потряс его руку.

— Дай вам Бог здоровья, Юлий Соломонович! Родина вас не забудет!

— Моя родина за Средиземным морем, — сварливо сказал антиквар. — Привезите мне лучше какую-нибудь милую безделушку из тех мест, куда вас закинут Врата!

— Непременно! — Иванов кивком указал Андрею на серебристую мембрану. — Я иду первым, вы — за мной.

— А что, если мы с вами попадем в разные места?

— Это почти невозможно. Но если все же такое произойдет, продолжайте заходить в линзу до тех пор, пока не обнаружите меня или товарища генерала. Ну, как говорится, поехали!

Он шагнул к переливающейся линзе и шагнул в нее. Гумилев увидел, как исчезла, словно отсеченная, нога Иванова. Потом рука. А потом линза странно выгнулась, как бы втягивая в себя Иванова, и он исчез — провалился в разверзшийся посреди помещения бездонный колодец.

«Мне тоже нужно туда», — подумал Гумилев. Но мышцы не слушались его, и он не мог сдвинуться с места.

— Молодой человек, — сказал Юлий Соломонович насмешливо, — чем дольше вы медлите, тем меньше вероятность, что вы окажетесь

в пункте назначения вместе с Ваней (он произносил — «Ванэй»). На вашем месте я бы поспешил.

— Что ж, — Андрей нашел в себе силы усмехнуться, — тогда до встречи.

Он повел плечом, поправляя лямку автомата, и шагнул в серебристо-ртутное сияние.

Катарина фон Белов лежала на полу сломанной куклой. Наклонившись над ней, Боря понял, что она жива — просто глубоко и крепко спит. Ресницы девушки слегка подрагивали, губы были нежно полуоткрыты, как будто ожидали поцелуя. Будущий гауляйтер Москвы преодолел настойчивое желание воспользоваться беспомощностью своей хозяйки, осторожно потормошил ее, пытаясь разбудить, и, потерпев фиаско, вытащил из кармана мобильный.

Трубку взяли не сразу — все-таки на дворе была уже глубокая ночь.

— Слушаю, — раздался наконец недовольный голос.

— Михаил Борисович, — зачастил гауляйтер, — это Боря, шофер Гумилева... извините, что беспокою в такой поздний час... тут с госпожой Марго беда...

Он сбивчиво объяснил, что произошло. Олигарх угрожающе засопел.

— Ты совсем тупой? — рявкнул он. — Не можешь сам разобраться, будешь теперь о каждом чихе со мной советоваться?

— Как же я разберусь? — проблеял Боря. — Меня ж этим делам не обучали. А госпожа Марго мне говорила — если, мол, что-то непредвиденное случится, звони Михаилу Борисовичу...

Беленин выругался.

— Ладно, — буркнул он наконец. — Жди там, сейчас я своего врача пришлю. Болван...

Он отключился. Боря скрчил гримасу и сделал неприличный жест, выразив тем самым свое отношение к олигарху. Потом осторожно перетащил Катарину на диван и накрыл ее пледом. Теперь оставалось только ждать, когда приедет обещанный Белениным врач.

Тот явился через час. За это время Боря догадался оттащить трупы охранников с крыльца в садовый домик, где засунул их в пластиковые мешки, предназначенные для сбора опавших листьев. Кровища все равно натекло много, и будущий гауляйтер кое-как оттер ее тряпкой.

Врач, молодой человек с ранней лысиной и бегающими глазами, приехал на новенькой «Ауди». Он осмотрел Катарину, понюхал остатки воды в бутылке и неопределенно хмыкнул.

— Что с ней? — спросил Боря. — Жить будет?

— А как же, — ответил доктор. — Выспится как следует — и обязательно будет.

— А разбудить ее можно?

Врач пожал плечами.

— Все можно. Но нужно ли? Снотворное сильное, но для жизни совершенно безопасное.

— Тогда буди. — К Боре вернулась его обычная хамоватость. — Тебя Михал Борисыч зачем прислал? Вот и работай.

— Будем ставить капельницу, — сказал доктор, покосившись на Борю. — Мне нужно что-нибудь высокое, на что можно повесить тубу с физраствором.

Боря приволок из прихожей вешалку и некоторое время с интересом наблюдал, как бесцветная жидкость струится по тонкому катетеру, проникая в тело безмятежно спящей Катарине. Он ожидал, что девушка быстро откроет глаза, но время шло, раствор в тубе кончился, и доктор спокойно повесил вторую.

— Э, — сказал Боря нетерпеливо, — когда ты будить-то ее будешь?

— Сначала надо очистить организм. Ты что, никогда не видел, как выводят из запоя алкоголиков?

— Я не пью, — мотнул головой гауляйтер. — Спортсмен.

— В общем, это процесс довольно длинный. Еще часик прокапаем, а потом...

— А потом она с тебя голову снимет, что ты так долго тянул! — разозлился Боря. — Давай буди ее скорей! Есть у тебя нашатырь там или что?

И он так посмотрел на доктора, что тому вдруг расхотелось спорить.

От поднесенной к носу ватки с нашатырем Катарина все-таки проснулась, хотя взгляд у нее был еще затуманен.

— Что со мной? — спросила она, пытаясь сесть на диване. — Борис, кто этот человек?

— Врач, от Михаила Борисовича, — торопливо объяснил гауляйтер. — Вы воду выпили, а там снотворное было — видно, Гумилев подмешал. Ну, я врача и вызвал...

Катарина оттолкнула его руку и села.

— Сколько сейчас времени? Как долго я спала?

— Сейчас половина четвертого утра. Вы спали... ну, часа три.

— Шайзе, — выругалась девушка по-немецки. — Он опережает нас на пять часов! Где моя сумочка?

Но, бросив взгляд на экран коммуникатора, Катарина слегка расслабилась.

— Он все еще в Староконюшенном. Черт его знает, что он там делает, но от нас, по крайней мере, он не уйдет.

Юлий Соломонович Бонзо еще долго следил за рябью, пробегающей по поверхности линзы. Рябь напоминала круги, образующиеся на воде, если бросить туда камень. Она постепенно затухала — словно мерцающее сияние залечивало раны, нанесенные ему людьми. Бонзо уже давно относился к линзе как к живому существу и был уверен, что каждый раз, когда кто-нибудь проходит сквозь нее, она — точнее, удивительная материя, из которой она была сделана, — испытывает боль. Может быть, именно поэтому он сам уже давно не пользовался линзой, хотя когда-то путешествовал с ее помощью по миру, как самый заправский Странник. Но Странники считали линзы просто чрезвычайно хитрым механизмом, артефактом той эпохи, когда развитая технология, по выражению Кларка, ничем не отличалась от магии. А для Юлия Соломоновича они были иной формой жизни — странной, непонятной, но способной переживать эмоции. Иногда ему даже казалось, что он может улавливать исходящие от линзы сигналы.

Сейчас ему почудилось, что линзы предупреждают его о какой-то смутной угрозе. Бонзо забеспокоился — несколько раз из линзы действительно появлялись неприятные и даже опасные личности. Лучше всего было поскорее вернуться наверх, закрыв предварительно дверь в подземелье на крепкий засов. Юлий Соломонович быстро собрал вещи, оставленные Иваном и его спутником (которого Бонзо не узнал, потому что не смотрел телевизор и почти не читал газет), поцокал языком, разглядывая шикарные ботинки из кожи буйвола, принадлежавшие Гумилеву, и, не задерживаясь больше в древнем подземном тайнике, поднялся по лестнице к себе в квартиру. Подъем дался ему с трудом — все-таки годы брали свое, несмотря на ежедневный мотион по улицам и переулкам старой Москвы. Добравшись наконец до верхней лестничной площадки и открыв по-тайную дверцу, замаскированную книжным шкафом, Бонзо так запыхался и устал, что не стал даже раздеваться — повалился как

куль на козетку, принадлежавшую некогда князю Куракину, и, сказав себе, что отдохнет всего лишь пять минут, внезапно уснул крепким здоровым сном выполнившего свой долг человека. Ботинки из буйволовой кожи, в каблук одного из которых был вмонтирован миниатюрный GPS-передатчик, остались стоять рядом с книжным шкафом.

Когда Юлий Соломонович проснулся, за окнами еле тускнел унылый ноябрьский рассвет. В его сером свете антиквар увидел, что в кресле напротив него сидит молодая светловолосая женщина в отороченной мехом курточке.

— Где Гумилев? — спросила она без всяких предисловий. — Отвечай, быстро!

Ошеломленный Бонзо захлопал глазами.

— В библиотеке, на третьей полке, — пробормотал он. — Но кто вы и что вы здесь делаете?

«Это, вероятно, кто-то из Странников, — подумал антиквар. — Неужели я забыл запереть дверь в подземелье?»

— Что ты несешь, Jude? — женщина брезгливо скривила рот. — В какой библиотеке? Я спрашиваю тебя — где Гумилев?

— Николай Степанович или Лев Николаевич? — Бонзо по-прежнему ничего не понимал. — И почему вы обращаетесь ко мне на «ты»?

Женщина потеряла терпение. Она протянула руку, взяла с пола ботинок и швырнула его в лицо Юлию Соломоновичу.

— Человек, который носил вот это! Где он?

«Я пропал, — сказал себе Бонзо. — Это те самые люди, о которых предупреждал меня генерал... Но как им удалось меня отыскать? Очевидно, они следили за Ваней. Ой-ой, что же теперь будет?»

— Я не знаю, о чем вы говорите, — ответил он, стараясь, чтобы голос его не слишком дрожал. — И вообще, по какому праву вы вломились в мой дом? Имейте в виду, моя квартира на сигнализации! Я нажму кнопку, и через минуту здесь будет охрана с пистолетами!

— Заткнись, — велела женщина. — Отвечай на мои вопросы быстро и правдиво, и останешься жив. Будешь упрямиться — умрешь мучительной смертью. Боря!

В комнату вразвалку вошел огромный мужик со сломанными ушами — такие бывают у профессиональных борцов. Он приблизился к кушетке и навис над Юлием Соломоновичем.

— Будешь говорить, гнида? — рявкнул он и ударил антиквара по лицу раскрытой ладонью. Бонзо почувствовал на губах вкус крови, и древнее еврейское упрямство проснулось в нем.

— Вы ничего не добьетесь, — сказал он, тяжело дыша. — Я вам ничего не скажу, проклятые антисемиты, фашисты...

Женщина коротко расхохоталась.

— Ты не знаешь, кто такие фашисты, бедный старый Jude. Мой дедушка сжигал таких, как ты, тысячами. Через полчаса ты будешь молить меня о легкой смерти, но не получишь ее. Тебе лучше рассказать мне все и избавить себя от страданий. Ну, давай, старик!

— Киш ми ин тухес¹, — проговорил Бонзо, шмыгая разбитым носом. — Крашеная стерва...

— Вот тут ты ошибаешься, старик, — непрошеная гостья провела рукой по своим волосам. — Это мой естественный цвет. Боря, сломай ему руку.

Катарина фон Белов оказалась права. Спустя полчаса окровавленный, лишившийся зубов и ногтей Бонзо рассказал им все.

¹ Поцелуй меня в задницу (идиш).

ГЛАВА 19

ERRARE HUMANUM EST¹

Остров Пасхи, 5 ноября 2011

Путешествовать с помощью загадочной линзы оказалось куда более утомительным занятием, чем предполагал Гумилев. Серебристое мерцание приводило их то в раскаленные пески пустыни, то на пронизанное ледяным ветром плоскогорье, то в непролазную чащу, где воздух был таким душным и влажным, что Андрей мгновенно вспотел. В некоторых местах линзы, как и предупреждал Иванов, висели на приличной высоте над землей — и, чтобы вернуться, приходилось сооружать насыпи из подручных материалов, что отнимало время и силы. Прошло несколько часов, прежде чем они увидели возвышавшуюся вдали одинокую розовую гору, позолоченную лучами рассветного солнца.

— Айерс-Рок, — уверенно сказал Иванов. — Мы сейчас в самом сердце Австралии. Это одно из тех мест, что указано на схеме.

— Всю жизнь мечтал побывать в Австралии, — пробурчал Гумилев.

Он огляделся, зачем-то посмотрел вверх. Местность вокруг казалась абсолютно безлюдной — унылая равнина, на которой там и тут были разбросаны огромные валуны, заросли низкого кустарника. Начинающее светлеть небо было перечеркнуто белым клином перелетных птиц.

— Отсюда линзы могут выбросить нас либо в Сирт, либо на Рапа-Нуи, — продолжал его спутник. — Илья Ильич должен быть где-то там.

Он повернулся и снова исчез в мембране. Гумилев с некоторым сожалением последовал за ним.

Они вышли в наполненную шумом океана ночь. Высоко над головой перемигивались крупные звезды, где-то неподалеку тяжело бил о скалы прибой. В этом месте линза оказалась спрятана в глубокой и узкой расщелине, откуда было весьма сложно выбраться. Когда путешественники, карабкаясь по скользким скалам, словно пауки,

¹ Человеку свойственно ошибаться (лат.)

все-таки вылезли на поверхность, оказалось, что они находятся на пологом склоне, усеянном гигантскими силуэтами, похожими на покосившиеся колонны. Луна шла на ущерб, и в ее неверном свете было сложно разглядеть, что это такое.

— Рискнем, — сказал Иванов и, включив фонарик, направил его на один из силуэтов. Гумилев увидел, что это колоссальная статуя, изображавшая человека с длинным носом и длинными же ушами, косо вкопанная в землю.

— Рапа-Нуи, — удовлетворенно констатировал Иванов. — Остров Пасхи по-нашему.

— На чертеже это место подчеркнуто трижды, — вспомнил Андрей. — Возможно, Свиридов где-то здесь.

Они подошли вплотную к статуям. Колоссы выселились над ними, не обращая внимания на нарушивших их покой людышек.

— Долго же мне пришлось вас ждать, — раздался откуда-то из чернильной тени хорошо знакомый Гумилеву голос. — Ну, как говорится, лучше поздно, чем никогда.

— Товарищ генерал! — радостно откликнулся Иванов. — Виноват, заплутали мы...

Он осторожно повел фонарем туда, откуда слышался голос. Там, у основания одной из статуй, стояла маленькая одноместная палатка, рядом с которой на раскладном брезентовом стуле сидел живой и здоровый генерал Свиридов. На коленях у генерала лежал черный автомат неизвестной Гумилеву модели, не такой короткий, как «Вихрь», и с утолщенным стволом.

— Ну, — сказал Свиридов, — милости прошу к нашему шалашу.

— А теперь объясните мне, что все это значит, — сказал Гумилев, останавливаясь в двух шагах от генерала. — Зачем нам понадобился остров Пасхи, если враги наши прячутся в Арктике?

— Климат здесь поприятней, — глухо усмехнулся Свиридов, — в Арктике я бы околел, пока вас ждал. А теперь можем и освежиться.

Генерал, не оборачиваясь, ткнул пальцем куда-то себе за спину.

— Там — вход в пещеру. В ней находится линза, через которую можно попасть в Арктику.

— А через ту, с помощью которой мы попали сюда, нельзя?

— Ни в коем случае, — ответил Свиридов. — Долго объяснять, Андрей Львович. Пока просто прими к сведению: линза, ведущая на базу «Туле», только одна. И она там.

— Черт знает что, — выругался Гумилев.

— А климат здесь и правда поприятней, — улыбнулся ему Иванов. — Пойдемте, Андрей Львович, следующая остановка — 85-я параллель.

Свиридов тяжело вздохнул.

— Не все так просто, Ваня. Линза здесь, я точно знаю. А вот добраться до нее не могу.

— Почему же? Так хорошо спрятана?

— Защита от дурака. — Генерал невесело усмехнулся. — Те, кто прокладывал маршрут отсюда в Арктику — или из Арктики сюда, этого я не знаю, — не хотели, чтобы им пользовались случайные люди. Островок этот — место, конечно, уединенное, но и здесь народу хватает. Поэтому линза спрятана так, что я за месяц ее так и не обнаружил.

Гумилев почувствовал, что у него опускаются руки.

— Тогда зачем все это? Зачем вы настаивали, чтобы я присоединился к вам? Да вы отдаете себе отчет, что, исчезнув из Москвы, я подставил под удар Марусю и Марго?

Он почти кричал. Свиридов глядел на него без всякого сочувствия, кривя тонкие губы.

— А ну-ка, прекратить истерику! Я ведь ясно сказал — я добраться до нее не могу. А *ты* — можешь.

Где-то в скалах пронзительно закричала птица.

— Объясните, — Андрей усилием воли заставил себя успокоиться, — почему вы так в этом уверены?

— Интуиция, Андрей Львович. Помнишь, я говорил тебе, что это твоя самая сильная черта? Я знаю, что ты сможешь найти дорогу. Поэтому что в конце пути тебя ждет твоя дочь.

Когда-то, много веков назад, здесь была древняя каменоломня. Тут вырубали из тела горы огромные каменные глыбы и на деревянных полозьях тянули их вниз, к берегу океана, где искусные мастера превращали их в статуи и ставили на постаменты. В самой глубине каменоломни прятался узкий и извилистый ход, ведущий в круглую пещеру, на стенах которой были высечены грубые изображения рыб и птиц.

— Это здесь, — сказал Свиридов. — В легендах это место называется «Храм небес и вод».

Гумилев пошел вдоль стены, трогая ладонями камень. Почекуму-то камень был теплым, словно где-то в глубине горы топилась

гигантская печка. Но ничего похожего на дверь или хотя бы лаз в пещере не было.

— Если вы так уверены, что я могу открыть вход, скажите мне, как это сделать.

— Увы, — покачал головой генерал. — Это мне неизвестно. Просто прислушайся к себе. Твоя интуиция подскажет верный ответ.

Лучше бы он этого не говорил. Гумилев глубоко задумался, пытаясь получить какую-нибудь подсказку от внутреннего голоса, но тот, как назло, молчал. Иванов, которому, видимо, надоело смотреть, как он мучается, начал простукивать стены прикладом автомата.

— Не майся дурью, — бросил ему Свиридов. — Я тут уже все десять раз обстучал.

— И потолок? — спросил Андрей рассеянно.

— Потолок? Нет... А смысл? Над нами же каменоломня.

— Храм небес и вод? — Гумилев попытался подпрыгнуть, но не дотянулся до потолка даже вытянутой рукой. — Ну-ка, Иван, помогите мне.

Иванов подошел и, обхватив его под коленями, легко, словно ребенка, поднял к потолку. Андрей коснулся пальцами бугристой поверхности камня. «Действительно, — подумал он, — как-то глупо, пещера не так глубоко под землей, что я, собственно, рассчитываю там найти?»

Под его рукой дрогнул и пополз в сторону выступ скалы. И немедленно из щелей в полу пещеры начала просачиваться вода.

— Храм неба и воды, — задумчиво проговорил генерал. — Вот вам небеса, и вот вам воды... Я же говорил, Андрей Львович, что интуиция тебя не подведет...

— Как бы нас тут не затопило, — озабоченно проговорил Иванов. — Может, лучше подняться наверх?

— Не затопит, — отмахнулся Свиридов. — Если я правильно понимаю, сейчас должна открыться дверь...

И она открылась. Когда воды на полу стало уже по щиколотку, раздался раздирающий уши скрип древнего механизма, и часть стены отъехала в сторону. Пол пещеры был слегка наклонным, и вода с шумом устремилась в открывшийся проем. Через минуту на полу остались лишь отдельные мелкие лужицы.

— Идите за мной, — сказал Андрей. Снял с плеча автомат и шагнул во тьму.

Они прошли по коридору, извивавшемуся в недрах горы, подобно гигантской змее. А потом пространство распахнулось, и они вышли

в зал, у которого не было ни стен, ни потолка — только клубящаяся тьма, в центре которой призрачным голубоватым сиянием светилась огромная линза.

— Ни хрена ж себе, — не удержался Свиридов. — Вот она, родимая!

Где-то за его спиной раздался громкий хлопок. Генерал крутанулся на месте и тяжело рухнул на камни. Прежде чем Гумилев успел поднять оружие, Иванов черной молнией метнулся в сторону, в прыжке посыпая очередь в клубящуюся темноту, скрывавшую вход в зал. От грохота выстрелов у Андрея заложило уши. Он бросился на пол, срывая с плеча «Вихрь».

— Что за черт? — услышал он голос генерала. Свиридов, живой, но с залитым кровью лицом, лежал рядом, пытаясь дотянуться до своего черного автомата. — Кого еще вы сюда привели, Гумилев?

— Я никого не приводил. — Андрей упер приклад «Кипариса» в плечо и повел стволом туда, откуда слышались выстрелы. — Куда вас拉нило, генерал?

— Ухо оторвало, — мрачно отозвался Свиридов. — Буду теперь как Ван Гог, жаль, рисовать не умею. Ну что, ребятки, давайте поиграем...

Его черный автомат рыгнул огнем, и в клубящемся тумане сразу же послышался сдавленный крик. Из колеблющейся пелены появился человек — огромный, страшный, с длинными, как у гориллы, руками. В одной руке у него был зажат пистолет, направленный стволом в пол. Человек сделал несколько неуверенных шагов, потом ноги его подкосились, и он ничком упал на пол. Гумилев увидел, что вся его спина черна от крови.

— Боря, — проговорил Андрей пораженно. — Это же мой шофер Боря...

— А говорил — никого за собой не привел, — усмехнулся Свиридов. — Вон какого мордоворота притащил. Но он там был не один...

В тумане произошло какое-то движение. Гумилев хотел выстрелить, но генерал быстро отвел его руку в сторону.

— Погоди, парень, не торопись. Пусть профессионалы поработают.

Через минуту Андрей увидел Катарину. Она была все в той же курточке и сапожках, в которых уезжала на встречу со связником в Москве, — здесь, в подземельях острова Пасхи, этот наряд смотрелся дико. За Катариной, осторожно ступая, шел Иванов, его автомат был нацелен ей в спину.

— Здравствуй, Андрюша, — сказала она, улыбаясь Гумилеву. — С водой ты меня перехитрил, должна признать. Не учла, что ловушек может быть много. Но у тебя все равно ничего не выйдет.

— Это мы еще посмотрим, фройляйн, — хмуро ответил Свиридов. — Или теперь вас правильнее называть фрау?

— Называйте меня оберлейтенант фон Белов. Это звание мне присвоили неделю назад.

— Вероятно, за успехи в приручении господина Гумилева?

— За вклад в операцию «Рагнарёк». Впрочем, вам это вряд ли о чем-то говорит.

— Ладно, хватит болтать. Вы знаете, куда ведет эта линза?

— А как вы думаете? — презрительно ответила девушка.

— Полагаю, знаете, — спокойно сказал Свиридов. — Ведь ваша колония должна была как-то поддерживать связь с внешним миром. Значит, вам известно, где именно на базе «Туле» имеется выход из этой линзы.

— Разумеется, — Катарина прикусила губу. — Но это не значит, что я поделюсь с вами этой информацией.

Свиридов посмотрел на часы.

— Если вы не сделаете этого, база «Туле» и все ее обитатели погибнут в течение ближайших суток.

— Блеск, — усмехнулась девушка. — Никто не осмелится отдать приказ об уничтожении «Туле» — в противном случае мы сотрем с лица земли Нью-Йорк, Лондон и Москву.

— У вас есть ядерное оружие?

— Нет, у нас есть кое-что получше. Мы владеем Небесным Огнем.

— У Гитлера тоже было Оружие Возмездия. Сильно оно ему помогло?

— Что вы знаете об Оружии Возмездия? — вздернула подбородок Катарина. — Мы выиграем эту войну в любом случае. Потому что нам нечего терять, мы уже все потеряли шестьдесят пять лет назад. А вы развернуты вашей гедонистической цивилизацией, ваши солдаты не хотят идти на войну, не оформив предварительно страховку, ваши вожди плюют на интересы своих народов и пускают на свои территории орды унтерменшей. Заплатить за уничтожение крошечной колонии во льдах всеми благами современного мира и самой своей властью никто из них не решится. Вы никогда не согласитесь на такой размен, и поэтому вы обречены на поражение.

Она торжествующе посмотрела на Свиридова.

— Рано обрадовались, генерал. Вы добрались до линзы, ведущей в Арктику, — прекрасно. Еще неделю назад эта находка обеспечила бы вам победу в войне с Четвертым Рейхом. Но сейчас она совершенно бесполезна, потому что операция «Рагнарёк» вступила в свою решающую фазу.

— Линкольн-центр уже захватили? — небрежно поинтересовался Свиридов. — Я как-то пропустил последние новости.

Улыбка сползла с лица Катарины.

— Откуда вы знаете? Вы... этого не может быть!

Она переводила взгляд с Гумилева на Свиридова. Андрей поймал себя на мысли, что впервые видит ее растерянной.

— Ваш друг Чен, — любезно ответил генерал. — Он, видите ли, работает не только на Четвертый Рейх.

Девушка угрюмо молчала. И тут Гумилев неожиданно для себя сказал:

— Катрин, я должен тебе кое в чем признаться.

— Надеюсь, не в любви? — фыркнула девушка. — После того как ты натравил на меня своих охранников, о чувствах говорить довольно странно.

— Нет, — покачал головой Гумилев. — Дело не в этом. Просто я довольно долго тебя обманывал.

— Знаю, — презрительно бросила Катарина. — Ты совсем дурак, если считаешь, что мне это неизвестно.

— Кое о чём — наверняка. Но есть вещи, о которых ты даже не догадываешься.

Катарина закусила губу.

— Что это за вещи?

— Например, ты еще не знаешь, что ваши люди в Большом театре обречены. Я получил информацию о готовившемся захвате заранее и принял меры. Я не мог предупредить ФСБ, но в зале полно людей Санича. То же касается и Линкольн-центра — я намекнул своему знакомому советнику посольства США о том, что его атакуют террористы, еще две недели назад.

— Ты лжешь, — решительно мотнула головой Катарина. — Ты придумал это прямо сейчас, на ходу...

— Если это так, тебе не о чём беспокоиться. Но уверяю тебя: я не блефую. Весь ваш пресловутый план «Рагнарёк» висит на волоске. И чем дольше мы здесь препираемся, тем меньше у вас шансов выиграть.

— Зачем же ты мне все это рассказываешь? — прищурилась Катарина. — Придумал какую-нибудь очередную подлость?

— Насчет подлостей — это к вам, — хмыкнул Андрей. — А мне нужны гарантии, что моя дочь и ее няня останутся живы. То же, впрочем, касается и остальных членов экспедиции. Прежде чем начнется обмен ударами, я должен их вытащить — хотя бы сюда. И если ты мне в этом поможешь, останешься жива — я тебе обещаю.

Оберлейтенант фон Белов раздумывала не больше минуты.

— Моя жизнь ничего не значит, — сказала она наконец. — То, чему суждено произойти, произойдет. И я не стану помогать врагам рейха и фюрера только потому, что тебе понадобилась твоя бывшая шлюха. А что касается твоей дочки... Что ж, я не хотела говорить тебе, но теперь уже все равно. Над ней все это время проводили эксперименты. Не болезненные, не беспокойся. И знаешь что? Она слишком ценный и редкий экземпляр, чтобы моя бабушка согласилась ее отпустить.

— Замолчи, — Андрей скрипнул зубами. Он взглянул на автомат, который держал в руках, и поставил его к стене — от греха. — Не заставляй меня...

— Твоя драгоценная Маруся умрет, — сказала она, мстительно чеканя каждое слово. — И шлюха Марго — тоже.

Гумилев ударил ее открытой ладонью по лицу.

Он вложил в этот удар всю ненависть, что копилась в нем эти два года. Странная штука — пока он просто ненавидел Катарину, ему удавалось держать себя в руках. Но как только он почувствовал к ней что-то похожее на любовь, ненависть выплеснулась наружу, как гейзер.

Катарина отлетела назад, ударившись головой о камень. Медленно сползла по стене на пол, глаза ее закатились.

— Круто вы с ней, — вздохнул Иванов. — Теперь на себе тащить придется...

— Больно ты быстрый, — недовольно скривился Свиридов, внимательно рассматривая переливающуюся линзу. — Не зная броду, не суйся в воду! Ну-ка, Ваня, сходи на разведку, погляди, что там да как. А мы тут пока барышню посторожим.

— Есть, товарищ генерал. — Иван взял на изготовку «Вихрь» и, мягкой кошачьей походкой приблизившись к линзе, скользнул в голубоватое мерцание.

Свиридов порылся в своем вещмешке и вытащил моток прочной бечевки.

— Давай-ка, красавица, спеленаем тебя для верности, — проговорил он, подходя к Катарине. Та сидела на камнях, прислонившись спиной к стене и закрыв глаза. Из уголка ее рта стекала тонкая струйка крови.

Гумилев почувствовал укол беспокойства.

— Осторожней! — крикнул он, увидев, как едва заметно дрогнули веки девушки. В ту же секунду Катарина резко рванула наклонившегося над ней генерала за руку и подсекла его ноги.

Она была на голову ниже Свиридова и на пятьдесят килограммов легче, но в дзюдо размеры противника не имеют принципиального значения. Генерал успел сгруппироваться в падении, но автомат, который висел у него за плечом, отлетел в сторону. Когда генерал тяжело поднялся на ноги, Катарина держала оружие так, чтобы в случае необходимости срезать одной очередью и его, и Гумилева.

— Руки на затылок, — скомандовала Катарина деловым тоном. — Оба, оба. Считать до трех не стану — как только вижу неподчинение, стреляю сразу.

Гумилев с тоской посмотрел на свой стоявший у стены автомат.

Свиридов выматерился и, кряхтя, спрятал руки за голову.

— Крутая она у тебя, — сказал он Гумилеву. — Ей бы на Колыме вертухаем работать... И я тоже идиот старый — совсем сноровку потерял...

— Это я виноват. — Андрей старался не смотреть в глаза генералу. — Нельзя было оружие оставлять...

— Все мы в ком-то ошибаемся. — Девушка повела стволом автомата. — Генерал, свяжите вашему приятелю руки. Той же веревкой, которую приготовили для меня. Да смотрите, без фокусов — я проверю узлы.

Пока Свиридов выполнял ее приказ, Гумилев огляделся по сторонам.

Единственный наш шанс, подумал он, это Иванов. Он не похож на человека, который позволит застать себя врасплох. Может быть, он успеет нас вытащить...

Но Иванов не успел.

Катарина неслышно подошла к Свиридову сзади и изо всех сил ударила его прикладом автомата в основание черепа.

— Вперед, — велела она Андрею, ткнув его стволом между лопаток. — Пришла пора играть по моим правилам.

ГЛАВА 20

ЧЕТВЕРТЫЙ РЕЙХ

База «Ultima Thule», Арктика

Мария фон Белов подняла свою тонкую бессильную руку, обтянутую пергаментной сухой кожей и покрытую темными пигментными пятнами. Слабую руку с хрупкими костями, из которых безжалостное время вымыло весь кальций, руку, больше похожую на птичью лапку. Руку беспомощной старухи.

И в большом зале, где собирались все оставшиеся на базе «Туле» граждане Четвертого Рейха, сразу стало очень тихо.

Здесь было человек двести — едва ли десятая часть некогда обширного поселения. Остальные трудились на благо Четвертого Рейха в немыслимой бездне времен — в стране, получившей название Пангея в честь праматерика, существование которого было доказано арийским гением Альфредом Вегенером.

Там, на Земле, еще не изуродованной цивилизацией, под небом, не отравленным дымом заводов и фабрик, среди девственных лесов расцветала новая колония Четвертого Рейха. И там, в отличие от базы «Туле», у женщин Рейха рождались сыновья. В перспективе именно на Пангея должны были набираться рекруты для элитных частей нового мирового порядка. Там, в оборудованных по последнему слову науки лабораториях, выращивали суперсолдат, чудовищ, противостоять которым не могли даже танки. Там лучшие умы Рейха работали над решением проблемы практического бессмертия. Там при помощи полученных от Чена и его друзей технологий создавали клонов людей и нелюдей.

Там был передний край, фронтон Четвертого Рейха, и именно туда Марии фон Белов хотелось убежать от опостылевших лавовых коридоров «Туле», от вечного холода Арктики, от высасывающей последние капли жизненной энергии паутины *Spinnengebe*.

Но ее место было здесь — по крайней мере, до наступления Рагнарёка. И она терпеливо ждала, когда придет время исполнить древнее пророчество.

— Камрады! — Голос Марии фон Белов, многократно усиленный аппаратурой, загудел под сводами большого зала. — Дочери и сыны

Великой Германии! Решающий час настал. Возмездие, которого ждали наши деды, отцы и матери, свершается в эти самые мгновения. Стремительными ударами захвачен Большой театр в Москве. Вот-вот в наших руках окажется Линкольн-центр в Нью-Йорке, и будут взорваны Эрмитаж и музей Метрополитен — малая плата за сожженный дотла Дрезден. Специальные команды смертников готовы взорвать две атомные электростанции — в США и в России. И самое главное, в наших руках — оружие, сопоставимое по мощи с молниями Индры. Час назад я получила подтверждение от наших командос на Аляске. То, чем кичилась еврейская plutokратия Америки, — хваленый конструктор погоды НААРР — захвачен бойцами Четвертого Рейха и готов служить целям национал-социализма. Теперь, если враг попытается напасть на нас, мы уничтожим несколько мировых столиц или выжжем дотла какой-нибудь американский штат.

Она сделала небольшую паузу, отпив глоток талой воды из бокала. Люди в зале слушали, затаив дыхание.

— И вот пришло время для великого свершения, которое превратит нашу северную цитадель в сердце мира, в место, где воскреснет величайший из людей. Настал час пробуждения великого фюрера!

На этот раз зал зашумел. Все обитатели базы «Туле» знали, что фюрер спит в ледяном саркофаге, спрятанном у самых корней вулкана. В его воскрешение верили, потому что людям вообще свойственно во что-нибудь верить, но никто не думал, что это событие произойдет при их жизни и — более того — у них на глазах.

— Много лет назад, — продолжала фон Белов, — в горах Кавказа одна... мудрая женщина, обладавшая способностью видеть будущее, предсказала мне, что великий воин Гипербореи восстанет от вечного сна во льдах Севера, получив назад свою реликвию, отнятую у него низким обманом. Эта реликвия вернулась ко мне после долгих лет поисков, и сегодня я торжественно преподнесу ее фюреру.

Она умолчала о том, что Орел был в ее распоряжении еще два года назад. Строго говоря, Гитлера можно было будить уже тогда — все ключевые условия пророчества были выполнены. Но Мария тянула с воскрешением, и у нее были на то очень веские причины — причины, которых не поняли бы ни Лотар Эйзентрегер, ни господин Мао, ни, возможно, даже Чен.

Мария фон Белов преклонялась перед фюрером, будучи еще юной СС-хельферин. А когда судьба преподнесла ей великолепный дар,

позволив быть рядом с великим человеком почти все время, это преклонение переросло в любовь. Разумеется, Мария прекрасно видела все недостатки фюрера — она была не слепая, и обожание не застило ей глаза. Можно даже сказать, что в фюрере она любила не столько мужчину, сколько ту силу, которая порой вселялась в бренную человеческую плоть и для которой Адольф Гитлер был тем же, чем бывает надевающаяся на пальцы марионетка для опытного кукольника. Но, будучи женщиной, она не отделяла одно от другого, и ее любовь к фюреру была безграничной.

При мысли о том, что разбуженный ей фюрер увидит у своего ложа не молодую и красивую Марию, какой он ее наверняка запомнил, а раздавленную временем старуху, фон Белов делалось нехорошо. И это обстоятельство, не имеющее никакого значения для остальных членов заговора, отравляло ей жизнь и отодвигало воскрешение фюрера все дальше в неопределенное будущее.

Когда-то глава Аненербе Вольфрам Зиверс рассказывал Марии о древнем китайском императоре Цинь Ши-хуане, который настолько уверовал в возможность создания эликсира бессмертия, что много лет подряд посыпал дорогостоящие исследовательские экспедиции на другой край света — добывать растения и минералы, из которых его мудрецы сварили бы такой эликсир. Она прекрасно понимала Цинь Ши-хуана, хотя он и показал себя впоследствии идиотом — умер, отравившись ртутью, которую какие-то доброхоты выдали ему за эликсир бессмертия. Мария, конечно, такую глупость совершать бы не стала. Но, так или иначе, время шло, а эликсир бессмертия по-прежнему оставался недостижимой мечтой.

Ее агенты рыскали по свету, отыскивая упоминания о средстве, способном продлить жизнь или вернуть молодость. Слабую зацепку удалось найти в парижских архивах — якобы алхимик Николя Фламель получил в своем тигле философский камень и благодаря ему прожил несколько столетий. Но дальнейшие поиски в этом направлении оказались безрезультатными.

А потом вернулась из Центральной Азии Гудрун, одна из ее самых удачливых ищек, и привезла Гусеницу. Сама Гудрун понятия не имела, какое сокровище обнаружила, и тем более не знала, как им пользоваться. Но Мария, зная о предметах почти все (потому что всего о предметах ни один человек знать не в состоянии), сразу поняла, что выиграла приз, который при определенном везении может обернуться джекпотом.

Ибо Гусеница относилась к числу редчайших предметов — раз в пятьдесят лет она могла омолодить своего хозяина на полвека. Счастливец, к которому Гусеница попадала накануне «разрядки», срывал банк, вот только узнать заветное время загадия людям удавалось далеко не всегда. Рейхсфюреру, пусть и ценой немалых усилий — удалось.

Марии фон Белов было девяносто шесть лет. Сбросить пятьдесят — останется сорок шесть — конечно, не юность, но в этом возрасте она все еще была красавицей. Если бы не шрам, напоминание о русской медсестре Кате Серебряковой... Но фюрер никогда не относился к эстетам, считающим, что шрамы необратимо уродуют женщину.

И Мария фон Белов терпеливо ждала, когда Гусеница будет готова вновь превратить ее пусть не в молодую, но в зрелую привлекательную женщину.

Когда этот день удивительным образом совпал с началом активной фазы операции «Рагнарёк», Мария посчитала это знамением — значит, фюрера нужно было воскрешать именно сегодня.

Он восстанет, великий воин Гипербореи, и Мария бросит к его ногам весь мир: шатающиеся под ударами террористов великие державы, сожженный Лондон (фюрер так мечтал о том, чтобы превратить этот город в пылающие руины!), воцарившийся на планете хаос. Хаос, требующий прихода сильной личности, способной укротить бунтарей и навести железной рукой новый порядок.

— Сейчас я спущусь в Зал Ледяного Сна, — провозгласила она торжественно, — а выйду оттуда уже с нашим великим фюрером!

Зал взорвался аплодисментами.

В подземной усыпальнице было нестерпимо холодно. Рейхсфюрер куталась в песцовую шубу, но холод все равно пробирал до костей — как и все старые люди, она была очень чувствительна к перепадам температур.

Внучка, напротив, словно бы не замечала мороза. Глаза лейтенанта фон Белов горели — ей не терпелось стать свидетельницей события, о котором будут рассказывать легенды еще многие века спустя.

— Сначала я займусь собой, — заявила Мария. — Фюрер не должен увидеть меня старой. Это ввергнет его в меланхолию.

Она извлекла из складок шубы серебристую Гусеницу и клюнула ее сухими губами.

— Говорят, испанские конкистадоры искали во Флориде источник вечной молодости. Они искали не там.

Катарина не поверила своим глазам — бабушка сбросила на пол роскошную шубу и принялась стягивать теплый свитер из шерсти альпаки.

— Не смотри, — строго прикрикнула она на внучку. — А лучше — отвернись!

Девушка подчинилась, хотя ей безумно хотелось подсмотреть за бабушкой хотя бы одним глазком. За спиной послышался надсадный кашель — впечатление было такое, что на рейхсфюрера напал приступ астмы. Потом что-то упало с глухим шумом, и тут уже Катарина не выдержала. Обернулась — а вдруг с бабушкой что-то не так? — и застыла с открытым ртом.

По брошенной на холодные плиты песцовой шубе каталось странное существо. Оно было почти голым, и у него была ярко-розовая, словно ошпаренная, кожа. Лицо у существа было бабушкино, старое, с едва различимым белым шрамом, а вот фигура и кожа — молодые, как у двадцатилетней. И оно кричало.

— Рейхсфюрер! — воскликнула пораженная Катарина.

Она опустилась на колени перед тем, что еще пять минут назад было ее бабушкой. Существо повернуло к ней разодранный в крике рот, и Катарина увидела, как лопается коричневая, похожая на печеное яблоко кожа на скулах Марии фон Белов. Лоскутья старой кожи съеживались, чернели, превращались в золу, в пыль, а из-под них проглядывала новая, тугая и розовая, как целлULOид. На глазах у Катарине исчезали морщины, разглаживался лоб, таяла, открывая роскошные белокурые волосы, седина. Процесс этот, видимо, был очень болезненным, потому что бабушка, от которой Катарина в жизни не слышала ни единой жалобы, не говоря уже о слезах, вопила так, что лейтенанту поневоле вспомнился извивавшийся под пытками антиквар Бонзо.

— Уйди! — взвизгнуло существо, когда Катарина попыталась дотронуться до ее руки. — Прочь... прочь...

Катарине не хотелось оставлять бабушку в таком состоянии в холодном склепе, но привычка повиноваться приказам рейхсфюрера взяла верх. Она вскинула руку в римском приветствии, развернулась и пошла к лифту.

Войдя в кабину, Катарина остановилась в нерешительности. Подниматься обратно в большой зал она не смела: собравшиеся там ожидали возвращения Марии фон Белов вместе с воскресшим Гитлером.

Уходить далеко от бабушки было страшно: а вдруг Гусеница подействует как-то не так и рейхсфюреру понадобится медицинская помощь? Поразмыслив, лейтенант нажала кнопку третьего уровня — там находился Зал глобального контроля *Spinngewebe*. В этом зале находились мониторы, позволявшие наблюдать за всем, что происходило в помещениях базы, — в том числе, разумеется, и в усыпальнице фюрера.

В дверях ее чуть не сбила с ног адъютант бабушки Шарлотта Фриз. Вид у нее был чрезвычайно взволнованный.

— Что случилось, оберлейтенант?

Шарлотта посмотрела на нее как на душевнобольную.

— Я не спрашиваю, где вы пропадали последние два года, Катарина. Но где вы были последние полтора часа?

— В усыпальнице, с рейхсфюрером, — растерялась девушка.

— Да, точно, вы же спустились туда вместе... В общем, события развиваются не лучшим образом. Операция пошла не так, как планировалось. Необходимо срочное вмешательство рейхсфюрера, а она сейчас занята совсем другими делами...

— Вы полагаете, эти дела неважны? — вступилась за бабушку Катарина.

— Что вы, лейтенант, как я могу давать оценку делам рейхсфюрера... Но сейчас под угрозой сам «Рагнарёк».

— Да что же случилось все-таки?

Шарлотта быстро оглянулась вокруг — не слышит ли их кто. Но в зале они были одни, если не считать любимой бабушкиной кошки, мирно дремлющей в кресле.

— Отряд, захвативший Линкольн-центр, уничтожен ФБР. Заряды, заложенные в музее Метрополитен, обезврежены. Взорвать ничего не удалось.

— А что в России? — спросила Катарина, холodeя от неприятного предчувствия.

— Информация оттуда запаздывает, но, судя по всему, с Эрмитажем тоже ничего не вышло. Чеченцы в Большом театре ликвидированы какой-то непонятной спецгруппой.

— Значит, — голос Катарины прервался, — значит, мы оказались беззащитны?

— Ну, нет. — Шарлотта усмехнулась, вложив в эту усмешку все превосходство опытного офицера над зеленым новичком. — У нас еще остается НААРР, а с таким козырем можно разыграть любую

комбинацию. И все же новости тревожные. Мне бы хотелось довести их до сведения рейхсфюрера.

— Я сейчас спущусь в усыпальницу и попробую с ней поговорить. Только... — Она запнулась.

— Только что? — прищурилась Фриз.

— Не удивляйтесь, когда увидите рейхсфюрера. Она... стала гораздо лучше выглядеть.

— Так, значит, ей все-таки удалось! — воскликнула Шарлотта. — Мы все так волновались, так хотели этого! Попспешите же к ней, Катарина!

Обнаженная Мария фон Белов, не отрываясь, смотрела на свое отражение в стеклянной крышке саркофага фюрера. Она не ощущала холода, она чувствовала себя невероятно счастливой и в то же время боялась, что все, что происходит с ней, — всего лишь сон, который может прерваться в любой момент.

— Молода, — шептала она своему отражению, — снова молода...

И это не было преувеличением.

Женщине, стоявшей над саркофагом Гитлера, никто не дал бы сорока шести лет. Может быть — тридцать. И она была вновь полна сил и энергии, дикой, бешеной энергии, которая в юности заставляла Марию пускаться в рискованные авантюры, не заботясь о последствиях. Энергии, которой ей так не хватало последние полвека.

— Что ж, — сказала себе Мария фон Белов, — вот теперь действительно пора.

Она подняла с пола песцовую шубу и накинула прямо на голое тело. Фюреру это понравится, мелькнула у нее озорная мысль. Фюрер любит меха, плетки и ошейники. И молодых красивых женщин он тоже любит...

Орел лежал там, куда она сама положила его два года назад, — в запирающемся на кодовый замок сейфе из сверхпрочного сплава, изобретенного ее покойным мужем лет сорок тому назад. Сейф был надежно вмурован в стену, а кодом был день их свадьбы — не то чтобы Мария фон Белов стала к старости сентиментальной, просто решила, что Гансу было бы приятно.

Она протянула руку (молодую, сильную руку!) к Орлу и дотронулась до него подушечками пальцев. В фигурке ощущалась какая-то внутренняя жизнь, какое-то напряжение, как в до предела заряженном конденсаторе. Мария осторожно взяла фигурку, и тут словно

молния пронзила ее мозг — она вспомнила лето 1942 года, ставку «Вервольф» под Винницей, голос Гитлера, когда он позвал своего телохранителя Раттенхубера, чтобы поручить ему отправиться вместе с нею на Кавказ, на поиски Черной башни...

— Пора, мой фюрер, — торжественно сказала Мария.

В торце саркофага под прозрачным пластиковым колпаком находилась одна-единственная большая черная кнопка. Мария разбила колпак рукояткой «парабеллума» и решительно вдавила кнопку длинным и сильным пальцем.

Зачавкала, втягиваясь в уходящие в пол трубы, смесь жидкого азота и гелия, окутывавшая тело Адольфа Гитлера. Автоматика, разработанная Гансом Каммлером, приподняла тело фюрера так, чтобы он не захлебнулся льющимся в саркофаг соляным раствором. Звякнули замки прозрачной крышки саркофага, и она медленно уползла в сторону. Мария приблизилась и торжественно положила Орла на грудь фюрера.

Ей показалось или его желтое, безжизненное лицо восковой куклы стало наливаться кровью? И шевельнулась жесткая щеточка усиков под приплюснутым носом? И чуть дрогнули лишенные ресниц веки?

— И Орел вернется к своему повелителю, и великий воин Гипербореи поднимется от вечных снегов, чтобы покорить мир, — процитировала Мария безумную жрицу. Откуда она взялась тогда в глубоко ушедшей под землю Черной башне? Когда-то Марии очень хотелось разгадать эту тайну, но с тех пор прошло слишком много времени.

Раздался странный звук, как будто кто-то тяжелый наступил на сухую палку. Мария непонимающе взглянула на тело фюрера — ребра Гитлера ходили ходуном под обтягивающей его, как барабан, кожей, как будто он тяжело и прерывисто дышал. Потом пергаментная кожа лопнула с громким треском, и Орел провалился внутрь грудной клетки.

— Шайзе, — пробормотала Мария фон Белов.

У Гитлера отвалилась рука. Из разлагающегося на глазах тела торчали зеленоватые, словно заплесневелые, кости. В глазницах плескался какой-то мутный студень.

«Этого не может быть, — подумала фон Белов. — Хирт клялся, что технология отработана до мелочей. Он при мне разморозил барабашку, и барабашек выскочил из чана живой и здоровый, мы потом ели вкусный шашлык... Но что, в таком случае, произошло с фюрером?»

Гитлер издал какой-то утробный звук. Мария подскочила на месте, похолодев от ужаса, — ей представилось, что сейчас этот разлагающийся труп вылезет из саркофага и возьмет ее за руку. Но фюрер, разумеется, был мертв — это просто лопнул у него внутри раздувшийся от тепла кишечник.

По залу распространился отвратительный запах. Фон Белов нерешительно сделала шаг к саркофагу, но тут же отпрянула назад. В саркофаге булькал, пузырясь, перемешанный с соляным раствором смердящий гной. Из него выглядывало каким-то чудом сохранившееся лицо фюрера с падающей на лоб челкой и знаменитыми уси-ками.

Это был конец. Мария шестьдесят пять лет ожидала этого дня, готовилась к нему, возлагала на него все надежды. Она могла железной рукой управлять базой «Туле» только потому, что верила: придет день, и фюрер воскреснет, чтобы стать властителем мира. А она, Мария фон Белов, будет при нем верным советником, серым кардиналом — кем угодно, но не публичной фигурой. Она привыкла жить в тени, она слишком долго играла в невидимого кукловода, чтобы выйти на сцену и во всеуслышание объявить себя режиссером.

Мария фон Белов готовила операцию «Рагнарёк» для своего фюрера. А теперь фюрер превратился в лужу зеленого гноя, и сложнейшая комбинация, продуманная ею за два года до самых мелких деталей, потеряла смысл.

Пятась к выходу из зала, Мария услышала, как загудел мотор лифта. В усыпальницу спускалась Катарина.

— Рейхсфюрер! — Катарина во все глаза глядела на чудесно помолодевшую бабушку. — Рейхсфюрер, вы... это невероятно!

— Зайди в лифт, — сухо приказала Мария.

— В лифт? Чем это здесь так пахнет?

— Выполняй! — рявкнула фон Белов. Она буквально затолкала внуучку в кабину и нажала кнопку третьего уровня. — Здесь больше нечего делать!

Катарина побледнела.

— У вас... не получилось? Фюрер... не проснулся?

Мария вспомнила булькающую жижу в саркофаге, и ее замутило.

— Фюрера больше нет, лейтенант. Нам придется завершать операцию без него.

Двери лифта открылись, и Мария с внучкой вышли в темную прохладу Зала глобального контроля.

Оберлейтенант Шарлотта Фриз, сидевшая перед большим зеленым экраном, вскочила и подняла руку в римском приветствии.

— Хайль Гитлер!

— Боюсь, в этом больше нет смысла, — отмахнулась Мария. — Гитлер мертв, и даже самому Одину не под силу оживить его. Но это ничего не меняет. Мы будем продолжать «Рагнарёк». Оберлейтенант, доложите ситуацию.

Шарлотта растерянно смотрела на рейхсфюрера.

— Я полагала, лейтенант уже рассказала вам... Наши первоначальные планы сорваны. Мы потерпели поражение в Нью-Йорке. Кто-то предупредил американцев...

— Это Чен! — воскликнула Катарина. — Значит, Свиридов не сорвал и китаец действительно работает на наших врагов!

— Вы верите Свиридову, лейтенант? — скептически усмехнулась Мария. — Это, скорее всего, дезинформация.

— Но кто-то же должен был раскрыть тайну заговора! Рейхсфюрер, необходимо, пока не поздно, отдать приказ об уничтожении Москвы, Нью-Йорка и Лондона. Иначе мы проиграем!

«Мы уже проиграли, — подумала Мария печально. — Все это время мы жили в мире иллюзий. И прежде всего я. Я верила в воскрешение Гитлера, верила в пророчества безумных старух. Я, как дура, больше половины жизни потратила на ожидание чуда, понадеявшись на отчеты Хирта об опытах над заключенными концлагерей. А там все было подтасовано — об этом догадывался еще Эрвин Гегель, но я предпочла поверить жулику Хирту. Я верила в то, что люди, спрятавшиеся от мира на шестьдесят пять лет, могут организовать заговор, который поставит на колени и Запад, и Восток. И вот результат — одного предателя достаточно, чтобы многолетняя кропотливая работа пошла прахом!»

— Этот приказ отадите вы, лейтенант, — сказала Мария фон Белов.

— Простите, я не понимаю вас. — Катарина встревоженно смотрела на бабушку. Казалось, что та не только помолодела внешне, но и сильно изменилась внутренне. — Я не имею права...

— Я назначаю вас исполняющим обязанности коменданта базы «Туле», лейтенант. И поручаю вам довести до конца операцию «Рагнарёк».

— Рейхсфюрер, — пробормотала ошарашенная Шарлотта Фриз, — но вы не можете...

— Моя миссия закончена, — перебила ее Мария. — Она заключалась в том, чтобы подготовить возвращение фюрера, но теперь, когда он умер, мне больше нечего здесь делать. Завершать начатое придется вам.

На мгновение Катарине показалось, что рейхсфюрер подалась к ней, чтобы поцеловать в щеку, но Мария вовремя спохватилась и отступила назад.

— Прощайте, лейтенант. И вы, Шарлотта, прощайте. Вы были хорошим адъютантом.

Мария фон Белов повернулась и медленно пошла обратно к лифту.

Минуту или две девушки стояли молча. Первой пришла в себя Катарина.

— Оберлейтенант, идите в большой зал и успокойте людей. Скажите, что воскрешение фюрера откладывается... придумайте что-нибудь. А я свяжусь с Эйзентрегером и прикажу ему привести в действие HAARP.

— Хорошо, лейтенант, — огонь, горевший в темных глазах Фриз, красноречиво свидетельствовал о том, что она подчиняется младшему по званию без всякой охоты. — Я что-нибудь придумаю.

— Плохо дело, Илья Ильич, — сказал Гумилев Свиридову. Тот уже пришел в себя после удара Катарины, сидел, прислонившись спиной к стене, и рассматривал свои наручники. — Осрамились мы с вами. У самого финиша споткнулись.

Генерал молчал. Выглядел он страшно. Повязка, закрывавшая оторванное ухо, пропиталась кровью насквозь.

— Теперь нам их уже не остановить, — продолжал Андрей. — Через час, максимум два поднимутся бомбардировщики...

Генерал молчал.

— Да что вы, в самом деле! — рассердился Гумилев. — Так и будете сидеть и ждать смерти?

Свиридов посмотрел на него, и его взгляд был красноречивее любых слов.

— Ну да, верно, что же еще нам остается... Но обидно, обидно, генерал... Вроде бы не самые глупые люди, а проиграли каким-то допотопным уродам...

От мысли о том, что где-то здесь, рядом, находятся Маруся и Марго, а он не в силах остановить неумолимо надвигающуюся на них гибель, Андрей заскрипел зубами.

— Вот что, — неожиданно сказал Свиридов, — возьми себя в руки и успокойся. Смерть еще то ли придет, то ли нет, а лица терять не стоит.

«Он прав, — подумал Андрей, — как-то это не по-мужски».

— Ладно, — хмуро сказал он, — будем невозмутимы, как самураи.

— Кстати, о самураях. — Генерал поднял палец. — Ты ничего не слышишь, Андрюша?

Гумилев прислушался. Ему показалось, что в замке их камеры осторожно проворачивается ключ.

— Хотите сказать, это ваш ниндзя?

— Кто же еще. — Свиридов сказал это так буднично, что Андрей даже решил, что он шутит. Но тут замок щелкнул и в приоткрывшуюся щель проскользнул Иван Иванов. Его темный в фиолетовых разводах комбинезон был выпачкан какой-то вонючей дрянью.

— Товарищ генерал, — шепотом сказал Иванов, — охранников я ликвидировал, но в любой момент может появиться патруль, так что лучше нам поторопиться.

Он наклонился над Свиридовым и каким-то металлическим крючком открыл замок его наручников. Потом проделал ту же операцию с Гумилевым — того едва не вывернуло наизнанку от мерзкого запаха.

— Прошу прощения за амбре, — Иванов виновато улыбнулся, — пришлось немного поработать говночистом. Но хотя бы не задаром.

Он протянул генералу открытую ладонь. На ладони лежала серебристая фигурка Орла.

Лотара Эйзентрегера вызов Катарины застал как раз в тот момент, когда полковник, измученный двумя сутками без сна, решил немного прикорнуть прямо у главного пульта HAARP. Ему показалось, что он успел только смежить веки, как в барабанные перепонки его ввинтился донельзя противный звонок спутникового телефона.

— Эйзентрегер, — проворчал полковник сердито.

— Лотар, — в трубке бился чей-то молодой и взволнованный голос, — Лотар, это лейтенант Катарина фон Белов, комендант базы «Туле».

— Хайль Гитлер, лейтенант, — отозвался Эйзентрегер. — Час назад я разговаривал с вашей Шарлоттой Фриз, с тех пор у нас никаких изменений. Наши рыболовы под командованием Юргена Хольта расправились с охраной HAARP за двадцать минут — конечно, не без помощи нового начальника службы безопасности Барри Стюарта. Военные спохватились слишком поздно. Национальная гвардия взяла под контроль взлетно-посадочную полосу в Гаконе, но это ничего не решает.

В Анкоридже высадился отряд «Дельта», но до нас они будут добираться еще часа три, так что время у нас пока есть. Вас интересует что-то еще?

— Полковник, — голос в трубке зазвенел, — рейхсфюрер фон Белов наделила меня полномочиями, достаточными для того, чтобы отдать приказ об уничтожении Нью-Йорка, Лондона и Москвы. Эти города должны быть сметены с лица земли не далее, как через час. Вам хватит времени на подготовку?

— И еще останется, — заверил ее Эйзентрегер. — Но мне требуется подтверждение ваших полномочий.

— Код «Валгалла». Руны Дагаз, Кауна, Хагалаз¹.

Полковник достал записную книжку и проверил, совпадает ли код.

— Отлично. Честно говоря, я давно ждал этого момента. Не пустить в ход этот чертов НААРР, после того как мы потратили на него столько времени, — это было бы обидно. Да и доктор Чен порадуется — у него давно руки чесались испробовать изобретение старины Тесла на практике...

— Чен? — насторожилась Катарина. — Он же сейчас должен быть в России.

— С чего вы взяли? — желчно усмехнулся полковник. — Чен здесь, с нами, на объекте НААРР.

На несколько секунд Катарина потеряла дар речи.

— Полковник... я приказываю вам арестовать этого человека.

— Арестовать? — Эйзентрегер, казалось, развеселился. — Но за что?

— Есть подозрение, что он выдал наши планы американцам и русским. Пока что ничем не подтвержденное, и все же я прошу вас...

— У вас просто разыгралось воображение, — попытался успокоить ее полковник. — Без доктора Чена мы вряд ли сумеем запустить эту машину, так что арестовывать я его не стану. Но если вы так волнуетесь, то обещаю, что пригляжу за ним.

— За кем это вы собираетесь приглядывать? — спросил, входя в зал, Чен. Китаец был, как всегда, идеально выбрит и благоухал дорогим одеколоном. Его черные волосы влажно блестели после душа.

— За вами, мой друг. — Эйзентрегер отложил телефон и потер глаза. — Вашей знакомой Катарине пришло в голову, что вы работаете на американцев.

¹ Соответственно День, Факел, Град.

— Интересно, — медленно проговорил Чен, — что — или кто — навело ее на такую мысль?

— Ерунда, — махнул рукой Эйзентрегер. — Просто нервы. Весь этот блеф с захватом заложников не дал результатов, и они наконец приняли решение нанести удар по столицам.

Чен внимательно посмотрел на полковника.

— Вы получили код подтверждения?

— Да, все нормально. Странно только, что на связь выходила эта девчонка, Катарина. Я ожидал, что приказ отдаст сама рейхсфюрер.

— Действительно, — задумчиво проговорил Чен, — это довольно странно...

Преодолевая отвращение, Катарина снова спустилась в ледяную усыпальницу Гитлера. На этот раз ей не удалось войти в зал — двери были заперты изнутри.

— Рейхсфюрер! — она была убеждена, что бабушка должна быть там, рядом с саркофагом человека, которому она посвятила всю свою жизнь. — Рейхсфюрер, я отдала приказ об уничтожении Москвы, Лондона и Нью-Йорка! Рагнарёк состоится! Я совершила ошибку, рейхсфюрер, поверив этому азиату, но я искуплю свою вину!

В усыпальнице было тихо. Катарина забарабанила по стальным дверям кулаками.

— Рейхсфюрер! Мы победим! Мы обязательно победим! Я клянусь...

И осеклась. За стальными дверями усыпальницы сухо треснул выстрел.

Оберлейтенант Шарлотта Фриз пыталась успокоить собравшуюся в большом зале толпу. Это было нелегко: люди, два часа ожидавшие появления божественного фюрера, не хотели слушать никаких объяснений. Если бы на месте оберлейтенанта была сама Мария фон Белов, ей удалось бы совладать со стихией. Но Мария исчезла в самый неподходящий момент, и теперь ее адъютанту приходилось расхлебывать заваренную рейхсфюрером кашу.

— Рейхсфюрер приняла решение отложить пробуждение Адольфа Гитлера до нашей окончательной победы! — кричала она, пытаясь перекрыть гул толпы.

— С фюрером мы победили бы в три раза быстрее! — крикнул кто-то из стариков. Кажется, Хоссбах. Его поддержала группа молодых

девчонок-техников. Вот уж кто разбирается в стратегии победы, так это они, со злостью подумала Шарлотта.

— Где рейхсфюрер? — завопила известная своей склонностью Бригитта Талер. — Почему она не выйдет сама?

— Рейхсфюрер занята, — орала в ответ Шарлотта. — Если вы не в курсе, мы ведем войну!

«Еще год назад это были цивилизованные люди, для которых Порядок был не пустым звуком, — думала она. — Но с тех пор, как лучших граждан Рейха отправили на Пангею, оставшиеся превратились в сброд...»

— Говорят, мы ее проигрываем! — крикнул кто-то в задних рядах. — Что скажете,oberлейтенант?

«Как же быстро расходятся слухи, — подумала Шарлотта. — Если бы нас не было так мало, за распространение слухов следовало бы расстреливать».

— Это правда, — раздался чей-то громкий и звучный голос, говоривший по-немецки с сильным восточноевропейским акцентом. — Вы снова проиграли войну.

Шарлотта резко обернулась. По галерее, опоясывавшей зал на высоте трех метров от пола, шел русский миллиардер, дочь которого держали в заложниках. Лицо его было в крови, он шел, пошатываясь, но голос его звучал так убедительно, что Шарлотта не решилась его перебить.

— Вас обманывали, — продолжал русский. — Вам внушали, что вы властители мира, а вы были кучкой изгнанников, дрожавших среди вечных льдов. Ваши лидеры обрекли вас на жизнь, недостойную даже рабов, обещая, что когда-нибудь вы станете господами. Но это была ложь. Заговор, который они готовили, провалился. Они не рассчитали свои силы.

Шарлотта слушала его как зачарованная. Краем глаза она заметила, что за миллиардером по галерее идут еще двое — русский генерал с перевинтованной головой и незнакомый ей человек в темном, с фиолетовыми разводами, комбинезоне. У обоих в руках были автоматы. Шарлотта понимала, что это неправильно, что их необходимо остановить, но голос Гумилева лишил ее воли. Хотелось только стоять и слушать, тем более что сейчас ей казалось — она и сама догадывалась о том, что говорил русский.

— Вас обманывали, обещая воскресить Адольфа Гитлера, — продолжал Гумилев. — Да, его разморозили, но он не воскрес, а превратился

в кучу деръма. Вы можете спуститься в зал с его саркофагом и убедиться в этом сами.

В толпе поднялся ропот, но русский властным жестом поднял руку, и люди постепенно замолчали.

— Вы спрашивали, где рейхсфюрер. — Гумилев обвел собравшихся внизу людей тяжелым взглядом. — Она покончила с собой. Застрелилась, бросив вас на произвол судьбы, когда поняла, что ее игра проиграна.

— Старая стерва! — крикнула Бригитта Талер. — Пусть горит в аду!

— Сгорит, — успокоил ее русский. — Но ее внучка все еще жива и может вас всех погубить! Арестуйте Катарину фон Белов. Арестуйте других офицеров, которые толкают вас в пропасть. Когда вы это сделаете, мы примем капитуляцию базы «Туле» и убедим правительства мировых держав отказаться от атомной бомбардировки.

— От чего? — ахнул старик Хоссбах.

— В ответ на попытки захвата заложников в Москве и Нью-Йорке президенты США и России решили стереть вашу колонию с лица земли. Но если вы поможете остановить своих преступных вождей, ядерного удара удастся избежать.

В зале началась паника. После гибели «Новой Швабии» призрак атомной атаки висел над головами граждан Четвертого Рейха, подобно дамоклову мечу. Несколько человек перелезли через ограждения и схватили оторопевшую Шарлотту Фриз за руки.

— Вот она, — завизжала Бригитта Талер, — адъютант рейхсфюрера! Бейте ее, убивайте!

— Нет! — Шарлотта тщетно пыталась вырваться — ее держали крепко. — Я не виновата! Я только выполняла приказы, как и все вы!

— Ты была правой рукой Марии фон Белов! — выкрикнула офицер охраны ближнего периметра Марта Коль. Она всегда недолюбливала оберлейтенанта. — А теперь говоришь, что ни при чем! Из-за тебя и таких, как ты, мы все сгорим в атомном огне! — Она вытащила из ножен кинжал, доставшийся ей от дедушки — офицера Кригсмарине.

Шарлотту обуял ужас.

— Не надо! — завизжала она. — Я могу помочь! Я знаю, где сейчас Катарина фон Белов! Она в зале Spinngewebe. Она собирается отдать приказ об уничтожении мировых столиц!

Что-то горячее ударило ее под лопатку, и изо рта Шарлотты хлынула кровь. Руки, державшие ее, разжались, люди в испуге отпрянули в стороны. Несколько секунд она стояла, покачиваясь на нетвердых

ногах, потом упала лицом вниз на стальные плиты пола. На спине у оберлейтенанта расплывалось кровавое пятно.

— Она уже отдала этот приказ, — спокойно сказала Катарина фон Белов, переводя ствол своего оружия на Гумилева. В руках у нее был портативный Metallstrahl¹, выстрел из которого прошивал насквозь четырехдюймовую стальную плиту. Сейчас он был установлен на минимальную поражающую силу, иначе металлические частицы, пройдя сквозь тело Шарлотты Фриз, убили бы всех, стоявших неподалеку. — Москва, Нью-Йорк и Лондон погибнут в течение часа. Тогда-то мы и посмотрим, кто проиграл эту войну.

— Ты... — начал было Гумилев, но Катарина немедленно нажала на спусковой крючок. Пол галереи у ног Андрея прошили крошечные отверстия, словно след от фантастической швейной машинки, способной пробивать сталь.

— Молчать! Орел тебе не поможет — еще одно слово, и я убью тебя. А потом убью твою doch.

Она щелкнула пальцами, и двое унтер-офицеров из личной охраны рейхсфюрера втащили в центр зала девочку с длинными светлыми волосами.

Чен вводил в компьютер программу, необходимую для создания плазмоида. Точнее, программа была создана уже до него, а он лишь корректировал ее, вводя необходимые уточнения. Расчет погоды в заданном квадрате: облачность, ветер, влажность, грозовой фронт. Определение мощности заряда, необходимого для уничтожения цели. Площадь сектора ионизации. Проверка справочных величин (их вычисывала отдельная программа).

Еще никогда за историю существования комплекса HAARP оперативный план «Гоморра» не приводился в действие — до этого дня он тестировался лишь в рамках компьютерных моделей. Но сегодня все должно было быть иначе. Сегодня сила, сравнимая с гневом древних богов, обрушится с небес на возомнивших о себе людышек. И судьба Хиросимы и Нагасаки покажется благом тем, кто увидит

¹ «Металлический луч». Электромагнитная пушка, выпускавшая крошечные металлические частицы с огромной скоростью, что-то вроде гиперскоростного дробовика. Разрабатывалась нацистами в последние годы существования Третьего Рейха, по некоторым данным, использовалась против авиации союзников. В портативных версиях выпускалась только в колониях в Антарктиде («Новая Швабия») и Арктике («Туле»).

нисхождение Небесного Огня и останется после этого жив. А таких, уверен был Чен, будет совсем немного.

Лотар Эйзентрегер сидел в кресле у пульта, готовый нажать кнопку, запускающую излучатели HAARP на полную мощность. Его напряженная поза наводила на мысль о том, что немец чувствует себя великим полководцем, который вот-вот бросит в бой свои элитные части, чтобы стереть неприятеля в порошок.

— Готовность? — хрипло спросил он.

— Еще минуту, — совсем не по-военному попросил Чен. Он вносил в расчеты последние корректизы. — Так, вроде бы все готово...

— Вроде бы? — нахмурился Эйзентрегер. — Беда с вами, штатскими. Готово или нет?

Чен внимательно смотрел, как меняются на экране колонки цифр.

— Да, — сказал он наконец, — можно запускать первый плазмоид.

— И что же мы поджарим на закуску? — усмехнулся полковник. — Москву или Нью-Йорк?

— Я решил начать с Лондона. — Чен не отрывал взгляда от монитора. — Вам, как патриоту, это должно быть приятно. Это будет месть за Дрезден и Берлин.

— Хорошо. — Полковник встал с кресла, подошел к нему и некоторое время изучал цифры на экране. Затем поправил у себя за ухом гарнитуру hands-free и скомандовал в микрофон: — Говорит Эйзентрегер. Запустить излучатели 11 и 11-В... Надо будет понаблюдать, — в его голосе появилась несвойственная ему мечтательность. — Давно хотел увидеть, как горит Букингемский дворец.

«Мне жаль тебя обманывать, друг мой, — подумал Чен, — но сегодня Букингемский дворец останется цел. Ты еще этого не понимаешь, но наша почтенная подруга с Северного полюса уже проиграла. Никогда не стоит недооценивать противника, а в нашем случае произошло именно это. Не стоило отпускать Гумилева на волю, не стоило полагаться на эту девочку Катарину... Это же надо до такого додуматься: решить, что это я выдал американцам и русским все пружины заговора! Нет, мне совсем не нужно, чтобы в провале операции «Рагнарёк» винили бедного маленького китайца Чена...»

Он быстро ввел в компьютер комбинацию цифр, которую помнил наизусть. Колонки на экране вновь принялись быстро сменять друг друга, но Эйзентрегер этого уже не видел — он вернулся к своей черной кнопке.

— Излучатели готовы, — сказал у него в наушниках голос Юргена Хольта. — Готовность ноль.

— Отойдите, парни, — буркнул Эйзентрегер. — Я запускаю эту адскую машинку.

Он нажал на кнопку. Где-то тихо загудели генераторы. Чен удовлетворенно откинулся на спинку своего кресла.

Далеко от Гаконы — но все же гораздо ближе Лондона — над снежными пустынями Арктики начал формироваться гигантский плазмоид.

— Папа, — сказала Маруся, — папа, это правда ты? Ты пришел за мной?

Она говорила очень тихо, но Гумилев услышал. Он смотрел на вытянувшуюся, повзрослевшую дочь, на ее похудевшее лицо, огромные, удивленно распахнутые глаза, и его сердце разрывалось от нежности. Это была Маруся, его единственная, любимая девочка, которую он не видел два года, за которой он вернулся в логово страшного врага, за которую он был готов убивать и умирать.

— На всякий случай напоминаю, — сказала Катарина, — если ты, Андрей, попробуешь открыть рот, я выстрелю. Я знаю, что Орел у тебя. Можешь отдать его мне добровольно. Если согласен, кивни.

Андрей кивком показал на Марусю. Стоявший за его спиной Свиридов сказал:

— В обмен на девочку. Только так.

— Хорошо, — неожиданно легко согласилась Катарина. — Я отдаю тебе ребенка, ты отдаешь мне Орла. Совершенно добровольно, без принуждения.

«Это ловушка, — подумал Гумилев. — Стоит ей получить Орла, вся эта толпа начнет на нее молиться. И тогда ей ничего не стоит снова забрать Маруську... или убить ее и меня. Только поэтому я до сих пор жив — ведь, если она убьет меня, Орел будет взят силой, а значит, потеряет свои волшебные свойства».

Но выхода у него не было. Он молча подошел к лестнице, ведущей вниз, и начал спускаться по ступенькам.

— Отпустите ребенка, — скомандовала Катарина, когда Гумилев спустился с галереи. — Андрей, отдай мне Орла.

Гумилев протянул руку с фигуркой. Катарина потянулась к ней, не сводя с Андрея ствола своей электромагнитной пушки, и в этот момент сзади в нее врезалась Маруся.

Шестилетний ребенок вряд ли может сбить с ног тренированную спортсменку вроде Катарины. Но удар был достаточно силен, чтобы

Катарина пошатнулась и опустила свое оружие — всего лишь на мгновение.

И в это мгновение Гумилев прыгнул на нее, свалил на пол и навалился сверху. И тут же с галереи ударили выстрелы — это Свиридов и Иванов двумя короткими очередями срезали сопровождавших Катарину унтер-офицеров.

— Сволочь, — шипела Катарина в ухо Гумилеву, — проклятая русская свинья... я убью тебя, тварь... ненавижу... ненавижу...

Он был гораздо тяжелее ее, но опыт занятий дзюдо давал себя знать. Андрей с тревогой понял, что ему не совладать с этой девчонкой, гибкой и сильной, как анаконда. И вдруг Катарина завопила так, что у него едва не лопнули барабанные перепонки.

— Отстань от папы! — крикнула Маруся, вцепившись Катарине в волосы. — Отстань сейчас же, дура, а то я тебе так всыплю!

— А я добавлю, — произнес хорошо знакомый Андрею голос. — Вставай, ты, нацистка недоделанная...

И в шею Катарине уткнулся ствол ее же электромагнитной пушки.

— Марго, — ошарашенно пробормотал Гумилев, поднимаясь на ноги. — Как ты... здесь... оказалась?

Андрей смотрел на тонкое, словно высушенное тело в сером платье, измученное лицо с ввалившимися щеками, спутанные грязные волосы, короткие, словно их недавно отстригли, и не мог поверить в то, что перед ним — его любимая женщина. Женщина, которая заменила Марусе мать.

— Это я ее выпустил, — высунулся откуда-то из-за его плеча старичик с длинными седыми волосами, — я выпустил ее и других заложников, господин русский! Запомните старого Ганса Хоссбаха, прошу вас!

Но Андрей не слушал его. Он не мог оторвать глаз от Марго.

— Не смотри на меня, — попросила она.

Гумилев забрал у нее электромагнитную пушку и направил ее на Катарину.

— Кончай с ней, Андрей Львович, — крикнул сверху Свиридов.

Андрей медлил.

— Что же ты? — спросила с издевкой Катарина. — Стреляй, герой!

— Не делай глупостей, и я оставлю тебе жизнь, — устало выдохнул он.

— Я бы тебе не оставила!

— Не сомневаюсь. — Андрей обернулся к Хоссбаху: — Возьмите трех-четырех надежных людей, свяжите оберлейтенанта фон Белов и заприте ее в карцере.

— Слушаюсь, господин русский! — бодро отозвался Хоссбах.

Катарина отвернулась, словно пыталась спрятать от него глаза. И хотя это было невероятным, Андрею показалось, что в глазах девушки блестели слезы.

Катарину поволокли прочь. Только сейчас Гумилев заметил, что кроме Марго к их команде присоединились и другие пленники. Боря Гордеев поддерживал шатающегося от слабости Арсения Ковалева.

— Узнаю Андрея Львовича! — с восторгом воскликнул Боря Гордеев. Если Марго очень похудела, то он был вообще похож на узника Освенцима, но держался бодро. — Я же говорил тебе, Сеня, что Андрей Львович вернется и всех нас спасет!

Покачивающийся от слабости Арсений Ковалев молча щурился на свет, как человек, которого долго держали в темном погребе.

— Благодарить будете потом, — сказал Гумилев, чувствуя себя не в своей тарелке. — А сейчас пора выбираться отсюда.

Высоко в небе над 85-й параллелью пульсировал фиолетовым грозным светом набирающий силу плазмоид.

Лотар Эйзентрегер внимательно следил за картинкой с веб-камеры, установленной напротив Букингемского дворца.

— Долго еще ждать? — спросил он Чена.

Китаец бросил быстрый взгляд на монитор.

— Восемьдесят процентов от расчетной мощности заряда. Еще минут пятнадцать.

— Что ж, живите пока, — усмехнулся Эйзентрегер, постучав пальцем по своему экрану. — А ведь здорово чувствовать себя богом, верно?

— Полагаю, да, — ответил Чен, занятый какими-то своими мыслями. — Но и боги, в конце концов, лишь слепые исполнители воли Рока. Так, по крайней мере, считали древние греки.

— Классическая философия, — фыркнул Эйзентрегер. — Никогда ее не любил.

Он подошел к кофеварке и налил себе очередную чашку кофе — двадцатую за последние сутки.

— Девяносто девять процентов от расчетной мощности, — сказал Чен через некоторое время. — Готовьтесь стать богом, полковник.

Палец Эйзентрегера навис над кнопкой.

— Сто процентов. Сожгите их, Лотар.

— Отправляйтесь в ад! — прорычал полковник, вжимая кнопку в пульт. Его взгляд был прикован к картинке на экране. — Ну, сейчас...

давай же, чертов плазмоид, спали этот проклятый город вместе со старухой-королевой!

Но на экране не происходило ничего особенного. Кружились над крышами Букингемского дворца голуби, стояли у ворот уэльские гвардейцы в высоких медвежьих шапках, медленно проехал двухэтажный лондонский автобус.

— Что-то не сработало? — забеспокоился Эйзентрегер.

Чен подошел к нему со спины, заглянул через плечо, полюбовался на картинку осеннего Лондона.

— Да нет, все нормально, полковник. Вы только что уничтожили базу «Туле».

— Папа, — Маруся сидела на руках Андрея, обняв его за шею, — папочка... папулечка...

— Маруська... Девочка моя.

— Папочка, я так по тебе скучала. Во-о-от так!

Маруся широко раскинула руки и Андрей еще крепче прижал ее к себе, чтобы не упала.

— Осторожно! — Марго бросилась к Марусе, пытаясь тоже придержать ее за спину. Ее ладони легли поверх ладоней Андрея.

— Не уроню... — Андрей с нежностью посмотрел в глаза Марго, — буду держать вас крепко...

Марго смущенно улыбнулась и уткнулась лбом в Марусино плечо.

— А ты слышал, как я с тобой разговаривала? — громким шепотом спросила Маруся, наклоняясь к папиному уху.

— Конечно, слышал, — уверенно кивнул Андрей.

— А слышал, как я тебе спокойной ночи желала? Помнишь, ты говорил, что, когда идешь спать, надо желать спокойной ночи...

Андрей еще раз кивнул.

— Обязательно надо.

— Пап, ты что плачешь? Тебе больно?

— Я не плачу.

— А это что? — Маруся провела пальчиком под глазом Андрея и посмотрела на каплю. — Ты что, плакса?

— Наверное... — У Андрея перехватило дыхание.

Марго тихонько засмеялась. Андрей не видел ее лица, но тоже глупо улыбнулся.

— Разве мальчики могут плакать?

— Это от радости, — подала голос Марго, все так же прячась за спину Маруси, словно не решаясь встретиться с Андреем взглядом.

— Разве от радости плачут?

— Еще как плачут. От радости можно даже умереть! — серьезно нахмурив брови, сказал Андрей.

— Умереть? — удивилась Маруся. — Папочка, но ты же не умрешь от радости?

— Нет, конечно. Я только поплачу чуть-чуть... — Андрей рассмеялся. — Господи, как же я по тебе соскучился... Идем домой... Идем домой, и дома я тебе все расскажу. — Андрей подкинул Марусю повыше, перехватив правой рукой, а левой провел по волосам Марго. — Поехали домой, девчонки... — Он повернулся к Свиридову. — Илья Ильич, нам действительно нужно торопиться. Надо срочно предупредить Москву, что на нее может обрушиться удар этого самого НААРР. Здесь же где-то наверняка есть узел связи...

— Есть, конечно, — как всегда, невозмутимо сказал Иванов. — Я там был. Это на третьем уровне, отсюда на лифте можно доехать.

— Ну так что ж мы стоим? — Андрей прижал к себе Марго и Марусю. — Давайте, девочки, бегом на третий уровень, а потом будем выбираться отсюда. Иван, дорогу отсюда к порталу найдешь?

— Не вопрос, Андрей Львович, — улыбнулся Иванов.

— Вот через него и отправимся. Сначала на остров Пасхи, а потом уж домой. Маруська, помнишь, я рассказывал тебе сказку про каменных великанов?

— Помню, конечно! Я все твои сказки помню!

— Скоро увидишь их своими глазами...

Договорить он не успел. Каменный свод огромной пещеры треснул, как яйцо, по которому ударили молотком. По всему подземному залу прокатился грозный, нарастающий, словно цунами, гул. А потом огромный кусок свода рухнул вниз, похоронив под собой дюжину вопяющих от ужаса граждан Четвертого Рейха, и в образовавшуюся дыру ударил столб ослепительно-белого света.

К счастью, он успел зажмуриться — вспышка отпечаталась на внутренней поверхности век огненным трезубцем. В лицо Андрею плеснула волна нестерпимого жара. Он повернулся, прижав к себе Марусю, чтобы защитить ее от раскаленного воздуха, и почувствовал, как горит на спине комбинезон.

Кто-то — кажется, Свиридов — схватил его за руку и с силой потащил в сторону. Везде метались и кричали люди, ослепшие от вспышки,

люди с горящими волосами и обожженными лицами. Старик Хоссбах лежал на спине и мелко дрыгал ногами — половина его черепа была снесена осколком скалы.

В глубине горы что-то тяжело заворочалось, как будто проснулось спавшее там крепким сном чудовище. Под ногами Гумилева затрясся пол, стальные плиты начали медленно расползаться в стороны, открывая пронизанную багровыми прожилками бездну.

— К порталу! — крикнул Иванов, подхватывая под руку ошеломленную Марго. — Андрей Львович, за мной!

Гумилев с Марусей бросился за ним. Сверху с оглушительным грохотом свалилась часть металлической галереи, по которой они пришли в большой зал. Но Иванов, как видно, успел хорошо изучить топографию базы. Он нырнул в какой-то неприметный ход в стене, таща за собой Марго. Гумилев без колебаний последовал за ним. Позади, тяжело топая, бежал Свиридов. Гордеев тащил совершенно ничего не соображавшего Ковалева.

Вулкан, в недрах которого располагалась база «Туле», сотрясло еще два мощных удара. Где-то за стеной коридора, по которому они пробирались, ревела извергающаяся из подземного источника вода. По-прежнему было очень жарко. Сначала Андрею казалось, что волна жара следует за ними по пятам из большого зала, но вскоре он понял, что накаляются сами каменные стены коридора.

«Что же это такое? — думал он растерянно. — Неужели наши все-таки решились применить ядерное оружие? Или это американцы? А не все ли равно? Если они пошли на такое, значит, там, в большом мире, случилось что-то по-настоящему страшное. Небесный Огонь... то, о чем говорил проклятый Чен... сожженные дотла города...»

— Тут коридор раздваивается, — крикнул идущий впереди Иванов. — Нам в правый!

Беглецы едва успели повернуть в нужный коридор, как новый, чудовищной силы удар швырнул их на землю. Гумилеву показалось, что его придавило к полу сорвавшейся сверху глыбой, но это оказалось не так — просто на него упал шедший сзади Свиридов. В следующее мгновение пол под ногами встал дыбом и швырнул их куда-то в темноту. В глазах у Андрея завертелись разноцветные искры, и он потерял сознание.

Лотар Эйзентрегер медленно повернулся к Чену.

— Вы сошли с ума? Или... девчонка фон Белов была права и вы сдали нас американцам? — Он схватил Чена за горло своими

костлявыми лапами. — Признавайся, узкоглазая сволочь... на кого ты работаешь?

Китаец ткнул его твердым, как отвертка, пальцем под ребро, и полковник, хватая ртом воздух, словно вытащенная из воды рыба, тяжело осел на пол.

— С этого момента я работаю только на себя, — ответил ему Чен. — Не люблю, когда из меня делают дурака.

Эйзентрегер непослушными пальцами пытался вытащить из кобуры пистолет. Чен подошел к нему и без особых усилий отобрал оружие.

— Пожалуй, я покину это место, — доверительно сказал он полковнику. В его руке появилась блестящая серебряная змейка. — Сейчас здесь слишком холодно, но скоро, боюсь, станет слишком жарко. Я предпочел бы оставить вас в живых, Лотар, но когда спецслужбы возьмутся за вас вплотную, вы все им расскажете. А я не терплю, когда обо мне говорят за моей спиной.

Тогда полковник закричал, но его крик оборвал раскатившийся под потолком зала грохот выстрела.

Сознание вернулось к Гумилеву вместе с порывом холодного ветра, швырнувшего ему в лицо горсть снежной пыли. Он открыл глаза и огляделся. Слева тянулась бесконечная ледяная пустыня, усеянная темными проплешинаами растаявшего снега. А справа разверзся ад.

Вулкан, в котором находилась база «Туле», разрезал пополам, словно гигантским ножом. Нож этот был, как видно, раскаленным, потому что обнажившиеся подземные пустоты выглядели оплавленными страшным космическим жаром. Там, в этих огромных сотах, лежали десятки, сотни людей — сожженных заживо, почерневших и скорченных, раздавленных рухнувшими сводами. База «Туле» перестала существовать, превратившись в огромный открытый могильник. Может быть, кто-то из ее обитателей и остался жив, но с того места, где лежал Андрей, этого было не видно.

— Очухался? — спросил наклонившийся над ним Свиридов. — Ну, слава богу. Повезло нам, Андрей Львович, выкинуло нас прямиком на снежный склон. А если бы там остались — он махнул рукой в сторону разверзшейся бездны, — сгорели бы, как мотыльки.

Андрей сел в снегу, и ему в грудь тут же уткнулась Маруся.

— Папа! — Девочка плакала, закрывая ладонью голову. — Меня как ударило, как ударило... Больно так!

— Дай посмотрю. — Андрей отнял ее ладонь и осторожно пощупал. — Шишка, только и всего.

— Шишка — это не страшно, — через силу улыбнулась Марго. Она опустилась рядом на корточки и погладила Марусю по голове. — Сейчас лед приложим — и все пройдет.

— Что это было? — задыхаясь от всхлипываний, спросила Маруся.

— Это было... Это была молния. Она ушла. Все хорошо... Теперь уже все хорошо. Скоро мы вернемся в Москву.

— Только вот где теперь портал искать, — озабоченно проговорил Иванов. — Пока мы коридором шли, я хорошо себе представлял, куда идти. А теперь... поменялось все.

— А вон туда, — сказал Андрей, неожиданно для себя махнув рукой куда-то вбок. — В том направлении.

— Это почему еще? — спросил Свиридов. — Заметил там что-то?

— Интуиция, — пожал плечами Гумилев. — Вы же сами говорили — это моя самая сильная черта.

— Ну, пошли, — согласился генерал. — Куда-нибудь да придем.

И они двинулись через снежную пустыню, оставляя за спиной выжженную адским пламенем столицу Четвертого Рейха.

ГЛАВА 21

ПАМЯТЬ

Арктика, 85-й градус северной широты

Катарина фон Белов пришла в себя среди мертвых и умирающих. Одна из ее конвоиров, рыжая, похожая на лису Хельга Мюллер, которую Катарина обошла на последних Скачках Одина, невольно спасла ей жизнь, закрыв своим телом от страшного Небесного Огня. Сама Хельга была еще жива, хотя вся спина ее была покрыта обугленной окровавленной коркой. Когда Катарина выбралась из-под нее, Хельга стонала так, что слышно было, наверное, даже в Гренландии.

— Спасибо, Хельга, — сказала ей Катарина. На боку у Хельги обнаружилась кобура с большим флотским «парабеллумом». Катарина вытащила пистолет и приставила Хельге к виску. — Все, что могу для тебя сделать.

Ее пошатывало и тошнило, но серьезных повреждений на теле вроде бы не было. «Вот она, справедливость», — подумала Катарина, глядя на лежащие вокруг трупы. Те, кто хотел отдать ее в руки врагов, мертвые все до единого, а она жива и даже невредима.

Остается только найти линзу и уйти на Пангею. Пусть здесь они проиграли — там, на юной, девственной земле, никто не сможет помешать им создать свой Тысячелетний Рейх.

Остукаясь и скользя в крови мертвецов, она побрела вдоль срезанной гигантским лезвием стены вулкана. Только тут ей пришло в голову, что пустоты, открывшиеся в недрах горы, должно было уже давным-давно затопить холодными водами Северного Ледовитого океана. Однако этого почему-то не произошло. Может быть, страшный жар, падавший с небес, превратил воду в пар? Но не мог же он выпарить весь океан!

Размышляя таким образом, Катарина добралась до лестницы, ведущей на верхний уровень. Там, в укрытом в скальной толще ангаре, хранились быстроходные электрические сани, на которых можно было добраться до подземелья, где находилась линза, не боясь увязнуть в снегу.

Кратчайший путь к линзе вел через тюремные казематы третьего подземного уровня, но сейчас он был недоступен, поскольку весь этот

сектор базы был уничтожен рухнувшим скальным сводом. К счастью, к линзе можно было попасть и через туннель, начинавшийся в расщелине на западном склоне горы — вход туда находился немного выше уровня моря. До расщелины было километра три — электросани должны были покрыть это расстояние за двадцать минут.

На поверхности бушевала метель, и Катарина снова спустилась вниз, чтобы запастись едой и брикетами сухого спирта для маленькой переносной печки — она по опыту знала, что в такую погоду очень легко заблудиться даже на небольшом расстоянии от дома.

Уничтоживший базу «Туле» огонь, к счастью, почти не задел ангар. Оплывилась только одна створка ворот, намертво застрявшая в пазах, но электросани были не слишком широкими, и Катарина легко вытащила их наружу.

Мотор весело заурчал, клубящуюся снежную темноту прорезал желтый луч фонаря. Катарина надавила на педаль и медленно, стараясь не наткнуться на выброшенные из недр вулкана каменные глыбы, поехала вниз по склону, все больше забирая к западу.

Ей снова повезло — она не сбилась с пути и не запутала в метели. Западный склон мало пострадал от удара Небесного Огня, сохранился даже ориентир, указывающий на то место, где можно было спуститься в расселину, — огромный, похожий на белого медведя торос. Катарина направила электросани к его подножию.

Снегоход выскочил из снежных вихрей, как чертик из табакерки. Гумилев, уже всерьез задумывавшийся о том, в правильном ли направлении он всех ведет, увидел в белесой мгле расплывчатый желтый свет фар и предостерегающе поднял руку.

— А ну-ка, тихо!

Все замерли. Снегоход пролетел совсем близко от них, но его водитель не заметил беглецов. Машина остановилась у огромной ледяной глыбы, водитель соскочил с седла и начал шарить вокруг лучом фонаря. Лицо водителя скрывали большие темные очки, без которых в Арктике можно ослепнуть за несколько дней.

— По-моему, он ищет то же, что и мы, — прошептал Гумилев.

— Значит, мы на верном пути, — тоже шепотом ответил ему Свиридов.

— И вообще, это не он, а она, — добавила Марго. — Фигура женская.

В этот момент водитель неожиданно повернулся, и луч его фонаря скользнул по беглецам.

— Кто здесь? — раздался приглушенный завываниями метели голос. — Назовите себя!

— Что делать будем? — спросил Гумилев генерала. — По-хорошему, надо бы его — или ее — брать за шкирку и трясти на предмет того, где у них тут линза.

— Не бойтесь, — крикнул генерал по-немецки. — Мы — друзья. Мы не причиним вам вреда...

Он сделал шаг вперед и остановился. Клубящаяся тьма перед ним расцвела алым огнем выстрела.

— Черт, — сказал генерал Свиридов. — Черт, как больно...

Пошатнулся и упал лицом в снег.

Гумилев не помнил, как сорвал с плеча автомат, как бросился на убийцу, стреляя на бегу длинными очередями. Метель била по глазам, и пули почему-то уходили вверх. Водитель с обезьяньей ловкостью прыгнул в седло снегохода и, пригнувшись к рулю, ударил по газам. Вслед ему сухо хлопнул последний выстрел — на этот раз стрелял Иванов.

Снегоход закрутило на месте, он подскочил и тяжело завалился набок, придавив водителя.

Андрей, проваливаясь в снег, подбежал к машине. Водитель барабатился под массивным снегоходом, пытаясь дотянуться до лежавшего в полуметре «парабеллума». Гумилев ударом ноги отшвырнул оружие в сторону.

— Встать, тварь!

Водитель, цепляясь за раму машины и скрипя зубами от боли, вы свободил зажатые широкой лыжей снегохода ноги и выпрямился во весь рост. Темные очки свалились при падении, открыв хорошо знакомое Гумилеву лицо.

— Жаль, что я попала не в тебя, — сказала Катарина.

Андрей опустил нацеленный ей в голову ствол автомата. Он не мог выстрелить в нее. Не мог.

«Если бы я убил ее час назад, генерал был бы жив. — подумал он, чувствуя странную опустошенность внутри. — Я пожалел ее, потому что не захотел брать на душу еще один грех, но смерть Свиридова все равно на моей совести».

— Ты, — сказал он и понял, что не может найти слов, — ты...

— Ну, — презрительно усмехнулась она, — стреляй, Андрей. Что же ты не стреляешь?

Не поворачивая головы, Андрей крикнул:

— Иван!

— Здесь я, Андрей Львович.

Иванов подошел совсем неслышно — а может быть, Гумилев просто перестал слышать звуки окружающего мира.

— Заставь ее показать дорогу к линзе.

— Я ее грохну, Андрей Львович. За генерала...

— Нет, — на лице Гумилева заиграли желваки. — Это было бы слишком просто. Ее будут судить. Как в Нюрнберге.

Он резко повернулся и подошел к Свиридову, лежавшему в рыхлом, красном от крови снегу. За его спиной вскрикнула от боли Катарина. Но он не обернулся.

Он стоял над телом генерала и глядел в снежную тьму, сжимая в руках автомат.

Он стоял так, даже когда Иванов и Марго нашли вход в расщелину.

Ход, словно прогрызенный в скалах гигантским червем, вел глубоко к самым корням горы. Здесь, к счастью, было не так холодно, как на поверхности, — из глубины поднимался воздух, нагретый сердцем древнего вулкана. Беглецы, промерзшие до костей, потихоньку согревались. Ковалев громко стучал зубами, Гордеев ожесточенно растирал окоченевшие руки. Андрей, который нес Марусю на руках, дышал ей на красные замерзшие ушки. Девочка прижалась к нему, уткнувшись лицом в меховой воротник парки. Дыхание ее было прерывистым и жарким, и Гумилев никак не мог понять, уснула она или провалилась в болезненное беспамятство.

«Два года, — думал он с ненавистью, — два года они держали в этой ледяной дыре мою дочь... То, что случилось с этой проклятой базой, — ничтожная плата за то, что они сделали с Маруськой и Марго...»

Иванов, шедший впереди с фонарем, вдруг остановился.

— Андрей Львович, впереди завал.

Удар, стерший с лица земли базу «Туле», задел и западный склон вулкана. Коридор не замуровало наглухо, но идти вперед было невозможно — груда камней и песка поднималась почти до уровня глаз.

— Разбираем, — велел Гумилев. — Быстро! Марго, возьми у Ивана оружие и держи на прицеле Катарину. Боря, Арсений — помогайте!

Четвером они принялись растаскивать завал.

Степан Бунин пришел в себя после страшного удара, уничтожившего базу «Туле», и с удивлением обнаружил, что все еще жив. Стена карцера, в котором он провел два года после своей бесславной вылазки к Черной башне, была срезана словно огромной бритвой. Профессор, держась за стену, поднялся и на дрожащих ногах вышел в коридор.

В конце коридора лежала одна из надзирательниц, которую он про себя называл Безобразной Эльзой. Толстые ноги Эльзы придавило упавшим сверху куском скалы, но она была еще жива.

— На помошь! — хрипло взывала надзирательница. — Кто-нибудь, на помошь!

Бунин присел рядом с ней на корточки.

— Что, больно? — сочувственно спросил он. — Я, пожалуй, позову в службу спасения.

Ему хотелось хохотать. Он наконец был свободен, а все его мучители были мертвы или обречены на скорую смерть. То, что он и сам может погибнуть на руинах уничтоженной базы, как-то не приходило Бунину в голову.

— Нужно довести дело до конца, — сказал он сам себе. Привычку разговаривать сам с собой он приобрел за два года одиночного заключения в пропахшем рыбой карцере. — Где-то здесь хранятся предметы. Много, много предметов. И все они ждут меня. В конце концов, мне же обещали!

Он побрел по разрушенному туннелю, не обращая внимания на стоны Безобразной Эльзы.

За завалом была пещера — та самая, в которую вела линза с острова Пасхи.

Из пещеры был еще один выход — широкий коридор, по которому Катарина под конвоем отвела их со Свиридовым на базу «Туле». Тогда этот коридор был ярко освещен. Теперь лампы были разбиты, и вход в него казался черной дырой.

В самой пещере было не так темно из-за слабого голубоватого мерцания, которое, как уже знал Гумилев, было характерно для линзы. Но источников этого мерцания было два.

Гумилев, откровенно говоря, не мог вспомнить, видел ли он вторую линзу в пещере, когда, подгоняемый автоматом Катарина, вышел из пространственно-временного портала. Но сейчас сомнений не было: линз было две. И какая из них вела на остров Пасхи, Андрей не знал.

— Что делать будем, Андрей Львович? — тихо спросил Иванов. Луч его фонаря перепрыгивал с одной линзы на другую. — У фашистки спросим?

— Разбирайтесь сами, — презрительно бросила Катарина. — Можете поэкспериментировать. А я посмотрю.

Иван замахнулся, но Гумилев остановил его руку.

— Куда ведет вторая линза?

— Сходи, и узнаешь, — губы девушки искривила злая улыбка.

— А я знаю это место, — пробормотала полусонная Маруся. — Я сейчас видела сон, и там были такие светящиеся облачка...

Лоб ее был горячим, как печка.

— Да? — попытался улыбнуться Андрей. — И что еще там было, в этом сне?

Маруся закашлялась.

— Еще там была тетя. Я стояла вот здесь, — она неуверенно показала рукой куда-то вбок, — и громко звала: «Мама! Мамочка!» А пришла хорошая тетя...

Гумилев посмотрел туда, куда указывали тоненькие пальцы Маруси, и увидел Еву.

Он не видел жену три года и уже смылся с мыслью, что не увидит ее никогда. Но сейчас она стояла в десяти шагах от него, живая, ничуть не изменившаяся, все такая же красивая, как в их последний вечер в Москве. Ева смотрела в его сторону, но Андрей почувствовал, что она смотрит не на него, а на Марусю.

— Это еще кто? — Иванов навел на Еву автомат.

— Моя жена, — ответил Гумилев хрипло. — Ева... как ты тут оказалась?

— Здравствуй, Андрей, — она подошла к нему и протянула руки. — Дай мне Муську.

Поколебавшись, он протянул ей дочь. Ева осторожно взяла Марусю на руки и поцеловала в лобик.

— Тетя... — неуверенно проговорила девочка. — Какие у тебя холодные губы, тетя...

— Просто у тебя жар, — Ева подула Марусе на волосы, взметнув русую челку. — Сейчас тебе станет лучше, моя родная.

— Что ты здесь делаешь? — снова спросил Гумилев. — Я думал, ты умерла...

— Неправда, — губы Евы тронула легкая улыбка. — Если бы ты так думал, не искал бы меня повсюду.

— И все-таки!

— Андрей, ты думаешь не о том. Тебе нужно спасать свою дочь, спасти людей. А ты занимаешься выяснением отношений...

Ему хотелось броситься к ней, сжать в объятиях и не отпускать никогда. Хотелось крикнуть ей в лицо все, что он думал об ее исчезновении, о том, что она бросила его и Марусю. Хотелось целовать это милое родное лицо. Хотелось ударить.

Но Ева держала на руках их ребенка. А за его спиной стояли люди, за жизнь которых он был в ответе.

И Гумилев заставил себя успокоиться. Сжал челюсти так, что хрустнули мышцы. Сосчитал до десяти. А потом спросил:

— Ты поможешь нам вернуться домой?

— Да, — сказала она просто. — За этим я и пришла. Одна из этих линз ведет на остров Пасхи. Другая — далеко в прошлое. Эта линза односторонняя. Если вы пройдете через нее, обратной дороги уже не будет.

— Какая осведомленность, — фыркнула Катарина.

— Заткнись, — бросил ей Гумилев. — И в какую же линзу мы должны уйти?

Ева не успела ответить. В темном отверстии коридора, ведущего к базе, послышался какой-то шум. Повернувшись туда, Андрей увидел, что из темноты, неуверенно переставляя ноги, вышел грязный, оборванный, заросший неопрятной седой бородой человек. Выглядел он так, будто блуждал в подземных туннелях не один день.

— А, — проговорил он бесцветным голосом, — ты уже здесь, Гумилев. А ты, Ева, конечно, сразу же вышла к своему обожаемому муженьку. Когда я звал тебя, ты не соизволила меня впустить, хотя знала, что за мной гонятся эти звери... А к нему выскочила сразу.

Он быстро сунул руку за пазуху и вытащил маленький никелированный пистолет.

— Что, Андрюша, не ожидал? Здесь полно оружия, они тут помешались на оружии, эти бешеные бабы в эсэсовской форме... И я вот тоже выбрал себе хорошеный пистолетик, красивый и блестящий. Мне будет приятно застрелить тебя из такого красивого пистолетика...

«Он сошел с ума, — подумал Гумилев. — Это хуже всего. Будь он в здравом рассудке, я сумел бы убедить его положить пистолет. А так... придется стрелять первым».

Но «Вихрь» висел у него за плечом, и Андрей понимал, что не успеет даже снять его с предохранителя. Те же мысли, видно, пришли в голову Иванову — тот поймал взгляд Андрея и тихонько покачал головой.

Палец профессора задрожал на спусковом крючке. Андрей отчетливо понял, что еще секунда — и пуля, выпущенная из пистолета Бунина, разорвет его брюшные мышцы, превратит внутренности в кровавое месиво...

Но Бунин медлил. По лицу его катились крупные капли пота, глаза широко раскрылись. Видно было, что он из последних сил борется сам с собой.

— Не могу! — взвизгнул он тонким заячим голосом. — Будь ты проклят, Гумилев, я не могу!..

Конвульсивным движением он отшвырнул пистолет.

Дальше все произошло очень быстро.

Пистолет ударился о каменный пол у ног Катарины фон Белов.

Иванов развернулся к ней — луч фонаря выхватил из темноты голубоватую поверхность линзы, молниеносно мелькнувшую на ее фоне руку, блеск никелированной поверхности.

Грохнул выстрел. Но за долю секунды до того, как Катарина нажала на спусковой крючок, на нее одновременно бросились Иванов и Марго.

Иванов врезался в оберлейтенанта, и они оба, мертвый хваткой вцепившись друг в друга, исчезли в мерцании линзы. А Марго замерла, как статуя, почему-то прижимая руки к груди.

— Андрей, — сказала она хриплым голосом, — Андрюша...

Он успел подхватить ее на руки. Под левой грудью Марго алело маленькое пятнышко крови.

— Мамочка, — заплакала Маруся, — мамочка, не умирай...

Гумилев перевел взгляд на Еву. Та по-прежнему держала Марусю на руках, лицо ее было каменным.

— Твоя мама не умрет, — сказала она дочери. — Не плачь, милая. Андрей, дай мне Орла.

— Зачем?

— Я хочу, чтобы вы забыли весь этот ужас. И прежде всего, конечно, Маруся. Два года в заложниках, эта катастрофа, гибель Марго... Орел поможет ей забыть обо всем этом. И вам всем тоже.

— А ты уверена, что получится? На меня Орел не действует.

— Не действует, если ты сопротивляешься ему. Подумай, хочешь ли ты жить с таким грузом.

Гумилев смотрел на Еву, с каждой секундой все больше понимая, что она права. Что сохранив память о последних двух годах своей жизни, он уже никогда не сможет оставаться прежним Андреем Гумилевым.

— Решение за тобой, — мягко сказала она.

Гумилев посмотрел на жену.

— Хорошо, — ответил он медленно. — Я согласен.

И протянул ей фигурку Орла.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

КИРИЛЛ БЕНЕДИКТОВ

Закончил исторический факультет МГУ, College of Europe в Брюгге. Работал в ОБСЕ и ряде других международных организаций. Принимал участие в деятельности миротворческих миссий в Боснии и Албании. Автор романов «Завещание ночи», «Война за «Асгард», «Путь Шута». Лауреат многочисленных жанровых премий, в том числе «Бронзовой улитки», EuroCon (ESFS Awards), «Странник» и «Чаша Бастиона». Лауреат Чеховской премии Союза писателей России.

АВТОР О СЕБЕ

По опроснику Марселя Пруста

1. Какие добродетели вы цените больше всего?

Верность, щедрость, благородство.

2. Качества, которые вы больше всего цените в мужчине?

Лучше всего об этом сказал Николай Гумилев в стихотворении «Мои читатели»:

... когда вокруг свищут пули,
Когда волны ломают борта,
Я учу их, как не бояться,
Не бояться и делать, что надо.
И когда женщина с прекрасным лицом,
Единственно дорогим во вселенной,
Скажет: Я не люблю вас,
Я учу их, как улыбнуться,
И уйти, и не возвращаться больше.
А когда придет их последний час,
Ровный, красный туман застелет взоры,
Я научу их сразу припомнить
Всю жестокую, милую жизнь,
Всю родную, странную землю

И, представ перед лицом Бога
С простыми и мудрыми словами,
Ждать спокойно Его суда.

3. Качества, которые вы больше всего цените в женщинах?

Настоящая женщина — всегда немножко инопланетное существо. Перефразируя Черчилля, загадка, одетая в тайну. Распутывать этот квест можно всю жизнь, но так и не разгадать. Вот это и ценю.

4. Ваше любимое занятие?

Путешествовать. Когда подумаешь, сколько на свете стран, где я еще не был (а был в 38), хочется жить вечно.

5. Ваша главная черта?

Любознательность.

6. Ваша идея о счастье?

Счастье — это что-то вроде долгожданного привала в трудном походе.

7. Ваша идея о несчастье?

Эту идею я позаимствовал у суфийского мудреца Инаят Хана, и она на долгое время стала моим девизом:

«Неудачи в жизни значения не имеют: самое большое несчастье — оставаться неподвижным».

8. Ваш любимый цвет и цветок?

Цвет — насыщенно-синий, цвет летнего неба и южных морей. Цветок — гиацинт.

9. Если не собой, то кем вам бы хотелось бы быть?

Индианой Джонсом.

10. Где вам хотелось бы жить?

В мире много мест, где мне хотелось бы жить: рядом с площадью Цветов в Риме, на берегу Индийского океана на Шри-Ланке, в древней столице инков Куско в Перу (это один из красивейших городов в мире, хотя горная болезнь — он расположен на высоте 3400 метров над уровнем моря — делает жизнь там серьезным испытанием), деревня под Минском, где прошло мое детство. Но у меня чересчур непоседливый характер. Поэтому я все время чувствую себя в дороге.

11. Ваши любимые писатели?

Русская классика: Гончаров, Достоевский.

Мировая классика: Ремарк, Джером К. Джером.

Современная литература: Лем, Дж. Мартин.

12. Ваши любимые поэты

Лермонтов, Гумилев, Эдгар По.

13. Ваши любимые художники и композиторы?

Старые голландцы, особенно Брейгель-старший.

Очень люблю Вагнера.

14. К каким порокам вы чувствуете наибольшее снисхождение?

К чревоугодию.

15. Каковы ваши любимые литературные персонажи?

Филипп Марлоу из книг Раймонда Чандлера; принц Оберин Мартелл из «Песни Льда и Пламени» Дж. Мартина; Атос из «Трех мушкетеров».

16. Ваши любимые герои в реальной жизни?

Николай Степанович Гумилев, Хайрем Бингхем (человек, который в 1911 году открыл потерянный город инков Мачу-Пикчу), Тур Хейердал.

17. Ваши любимые героини в реальной жизни?

Моя жена Катя.

18. Ваши любимые литературные женские персонажи?

Арья Старк из «Песни Льда и Пламени».

19. Ваше любимое блюдо, напиток?

Окрошка: это и блюдо, и напиток.

20. Ваши любимые имена?

Имена моих детей.

21. К чему вы испытываете отвращение?

К жадности и глупости.

22. Какие исторические личности вызывают Вашу наибольшую антипатию?

Человек, который убил Кеннеди.

23. Ваше состояние духа в настоящий момент?

Как писал Миямото Мусаси в «Книге Воды», «в бою твое состояние духа не должно отличаться от повседневного».

24. Ваше любимое изречение?

Делай, что должен, и будь что будет.

25. Ваше любимое слово?

Кошка.

26. Ваше нелюбимое слово?

Отнюдь.

27. Если бы дьявол предложил вам бессмертие, Вы бы согласились?

Восточная мудрость гласит — «Чтобы есть вместе с дьяволом, нужна длинная ложка».

28. Что вы скажете, когда после смерти встретитесь с Богом?

Без комментариев.

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	3
Глава 1	
Тerrorист номер один	14
Глава 2	
Тени из прошлого	26
Глава 3	
Восемьдесят пятая параллель	37
Глава 4	
Объект HAARP	47
Глава 5	
Ледяная тюрьма	59
Глава 6	
Светские львы	70
Глава 7	
Sovet нечестивых	88
Глава 8	
Место, где рождаются молнии	98
Глава 9	
Лайза Арчер	109
Глава 10	
It's a Sin	122

Глава 11	
Капкан для босса	134
Глава 12	
Области тьмы	142
Глава 13	
Полоса отчуждения	160
Глава 14	
Звенья большой цепи	178
Глава 15	
Последние приготовления	191
Глава 16	
Реванш	200
Глава 17	
Эндшпиль	206
Глава 18	
Врата Пустоты	221
Глава 19	
Errare humanum est	233
Глава 20	
Четвертый Рейх.....	242
Глава 21	
Память.....	268

Имя

Фамилия

Время действия

Возраст

Локация

Предмет

Дар

Сайт

Хель

Неизвестно

18 тыс. лет до н.э.

35 лет

Пангея-8

Морж

Фростация

www.ethogenez.ru

Э Т Н О Г Е Н Е З

А чем, собственно, лучшие врачи отличаются от прочих? Тем, что знают больше? Тем, что умнее? Тем, что не станут во вред больному деньги зарабатывать на назначении бесполезных процедур, анализов и препаратов? Да, безусловно... Но есть в медицине еще одна великая тайна: «Умного врача можно попросить сделать очень необычные вещи. Ведь многое, чем ценен человек – это всего лишь особенности работы его организма». Например, к особенностям работы организма относятся:

- **Талант и организаторские способности;**
- **Мышление и умение всегда оказываться в выигрыше;**
- **Радость и счастье;**
- **Красота и обаяние...**

А медицина, как это ни банально, занимается именно ИЗМЕНЕНИЕМ ОСОБЕННОСТЕЙ (и способностей) ОРГАНИЗМА ЧЕЛОВЕКА!!!

Как правило, врачи «устраняют физиологические недостатки». Но могут врачи и больше. Например, как Вы думаете: «Могут ли медицинские приборы измерять настроение или меру таланта? Или меру обаяния и красоты, трудоспособности и интеллекта, меру скрытых способностей и потенциал развития?...» Как ни странно, современные приборы могут все это измерять. Более того, современные приборы могут даже выявлять и лечить заболевания, которые мешают человеку быть, например, счастливым и удачливым. Или талантливым. Или обаятельным. Или трудолюбивым и усердным... Так почему же всех нас не лечат умные врачи??? Что, умных врачей не хватает? Так может, можно стать самому умным врачом? Например, просто купить современный медицинский прибор и лечиться самому? Так можно?

Можно-то можно, но приборы эти дороги. Кроме того, если есть соответствующее образование, владельцу прибора врачи (может быть) и не нужны. Но это образование еще надо иметь!!!

И приборами надо уметь пользоваться... И иметь умных консультантов на случай, если что-то пойдет не так... И клинику, куда можно прийти в случае чего... И главное – свободное время!!!

Этому всему (современной медицине в режиме свободного времени) лучше всего учиться (а часто и лечиться) в дистантном режиме:

- **Когда лекции читают академики и профессора (те самые умные врачи, которые и знают много, и рассказывают так, что слушать их интересно);**
- **Когда лабораторки ведут очень хорошие практики (которые умеют и любят решать умные медицинские вопросы в дистантном режиме);**
- **Когда человеку не надо бросать работу или учебу, чтобы освоить еще и медицину. Ведь не каждый захочет пойти работать медиком, даже если получит медицинский диплом гособразца;**
- **Когда можно учиться дома в дистантном режиме. А приезжать только на экзамены и лабораторки, на которых дают пользоваться современными медицинскими приборами!!!**

И как это все бывает?

На этот вопрос отвечать долго. Лучше всего зайти на сайт Московского Медико-технического института «ФВД» WWW.MEDFVD.RU и там найти ответы на свои вопросы.

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **Буква**

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр.1, т. (495) 323-19-05
- м. «Алексеевская», пр-т Мира, д. 114, стр. 2 (My-My), т. (495) 687-57-56
- м. «Алтуфьево», ТРЦ «РИО», Дмитровское ш., вл. 163, 3 этаж, т. (495) 988-51-28
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, стр. 1, т. (499) 267-72-15
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, д. 22, ТЦ «Александр», 0 этаж, т. (499) 206-92-65
- м. «ВДНХ», ТЦ «Золотой Вавилон - Ростокино», пр-т Мира, д. 211, т. (495) 665-13-64
- м. «ВДНХ», г. Мытиши, ул. Коммунистическая, д. 1, ТРК «XL-2», 3 этаж, т. (495) 641-22-89
- м. «Домодедовская», Ореховый б-р, вл. 14, стр. 3, ТЦ «Домодедовский», 3 этаж, т. (495) 983-03-54
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18а, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул. Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (499) 616-20-48
- м. «Коньково», ул. Профсоюзная, д. 109, к. 2, т. (495) 429-72-55
- м. «Крылатское», Рублевское ш., д. 62, ТРК «Евро Парк», 2 этаж, т. (495) 258-36-14
- м. «Марксистская/Таганская», Большой Факельный пер., д. 3, стр. 2, т. (495) 911-21-07
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4 этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, к. 2, т. (499) 306-18-98
- м. «Петровско-Разумовская», ТРК «XL», Дмитровское ш., д. 89, 2 этаж, т. (495) 783-97-08
- м. «Пражская», ул. Красного Маяка, д. 26, ТЦ «Пражский Пассаж», 2 этаж, т. (495) 721-82-34
- м. «Преображенская площадь», ул. Большая Черкизовская, д. 2, к. 1, т. (499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д.76, к.1, 3 этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Теплый Стан», Новоясеневский пр-т, вл.1, ТРЦ «Принц Плаза», 4 этаж, т. (495) 987-14-73
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15/1, т. (499) 977-74-44
- м. «Третьяковская», ул. Большая Ордынка, вл.23, пав. 17, т. (495) 959-40-00
- м. «Тульская», ул. Большая Тульская, д.13, ТЦ «Ереван Плаза», 3 этаж, т. (495) 542-55-38
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к.1, т. (495) 322-28-22
- м. «Шукинская», ТЦ «Шука», ул. Шукинская, вл. 42, 3 этаж, т. (495) 229-97-40
- м. «Юго-Западная», Солнцевский пр-т, д. 21, ТЦ «Столица», 3 этаж, т. (495) 787-04-25
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д.5, к.1, т. (495) 423-27-00
- М.О., г. Железнодорожный, ул. Советская, д.9, ТЦ «Эдельвейс», 1 этаж, т. (498) 664-46-35
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Зеленоград», Крюковская пл., д. 1, стр. 1, 3 этаж, т. (499) 940-02-90
- М.О., г. Клин, ул. Карла Маркса, д. 4, ТЦ «Дарья», 2 этаж, т. (496) (24) 6-55-57
- М.О., г. Коломна, Советская пл., д. 3, ТД «Дом торговли», 1 этаж, т. (496) (61) 50-3-22
- М.О., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 151/9, т. (495) 554-61-10
- М.О., г. Сергиев Посад, ул. Вознесенская, д. 32а, ТРЦ «Счастливая семья», 2 этаж
- М.О., г. Лобня, Краснополянский пр-д, д. 2, ТРЦ «Поворот»

Регионы:

- г. Архангельск, ул. Садовая, д. 18, т. (8182) 64-00-95
- г. Астрахань, ул. Чернышевского, д. 5а, т. (8512) 44-04-08
- г. Белгород, Народный б-р, д. 82, ТЦ «Пассаж», 1 этаж, т. (4722) 32-53-26
- г. Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- г. Волгоград, ул. Мира, д. 11, т. (8442) 33-13-19
- г. Воронеж, пр-т Революции, д. 58, ТЦ «Утюжок», т. (4732) 51-28-94
- г. Иваново, ул. 8 Марта, д. 32, ТРЦ «Серебряный городок», 3 этаж, т. (4932) 93-11-11 доб. 20-03
- г. Ижевск, ул. Автозаводская, д. За, ТРЦ «Столица», 2 этаж, т. (3412) 90-38-31
- г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 46, ТРЦ «ГРИНВИЧ», 3 этаж, т. (343) 253-64-10
- г. Калининград, ул. Карла Маркса, д. 18, т. (4012) 66-24-64
- г. Краснодар, ул. Головатого, д. 313, ТЦ «Галерея», 2 этаж, т. (861) 278-80-62
- г. Красноярск, пр-т Мира, д. 91, ТЦ «Атлас», 1, 2 этаж, т. (391) 211-39-37
- г. Курск, ул. Ленина, д. 31, ТРЦ «Пушкинский», 4 этаж, т. (4712) 73-45-30
- г. Курск, ул. Ленина, д. 11, т. (4712) 70-18-42
- г. Липецк, угол Коммунальная пл., д. 3 и ул. Первомайская, д. 57, т. (4742) 22-27-16
- г. Орел, ул. Ленина, д. 37, т. (4862) 76-47-20
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 31, т. (3532) 31-48-06
- г. Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», 2 этаж, т. (8412) 20-80-35
- г. Пермь, ул. Революции, д. 13, 3 этаж, ТЦ «Семья», т. (342) 238-69-72
- г. Ростов-на-Дону, г. Аксай, Новочеркасское ш., д. 33, ТЦ «Мега», 1 этаж, т. (863) 265-83-34
- г. Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, к. 1, ТЦ «Виктория Плаза», 4 этаж, т. (4912) 95-72-11
- г. С.-Петербург, ул. 1-я Красноармейская, д. 15, ТК «Измайловский», 1 этаж, т. (812) 325-09-30
- г. Ставрополь, пр-т Карла Маркса, д. 98, т. (8652) 26-16-87
- г. Тверь, ул. Советская, д. 7, т. (4822) 34-37-48
- г. Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- г. Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- г. Тула, пр-т Ленина, д. 18, т. (4872) 36-29-22
- г. Тюмень, ул. М. Горького, д. 44, ТРЦ «Гудвин», 2 этаж, т. (3452) 79-05-13
- г. Уфа, пр-т Октября, д. 34, ТРК «Семья», 2 этаж, т. (347) 293-62-88
- г. Чебоксары, ул. Калинина, д. 105а, ТЦ «Мега Молл», 0 этаж, т. (8352) 28-12-59
- г. Челябинск, пр-т Ленина, д. 68, т. (351) 263-22-55
- г. Череповец, Советский пр-т, д. 88, т. (8202) 20-21-22
- г. Ярославль, ул. Первомайская, д. 29/18, т. (4852) 30-47-51
- г. Ярославль, ул. Свободы, д. 12, т. (4852) 72-86-61

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»
или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковью:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, 232-17-06
факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

www.etnogenez.ru

Литературно-художественное произведение

Кирилл Бенедиктов

МИЛЛИАРДЕР 3

Книга третья

Конец игры

Автор идеи Константин Рыков

Главный редактор Кирилл Бенедиктов

Редактор Вадим Нестеров

Корректоры: Наталья Витъко, Майяна Аркадова

Выпускающий редактор Дмитрий Гусев

Арт-концепт Алексей Маслов

Арт-директор Алексей Гонтов

Аудиоверсия: Андрей Градобоев, Роман Галушкин

Хранители идеи: Елена Кондратьева, Александр Шмелев,

Сергей Пименов

Правовое сопровождение Алексей Наказной-Хоменко

ООО Издательско-торговый дом «Этногенез»

Россия, 107031, г. Москва, Звонарский пер., д. 4, стр. 1,

тел./факс: +7 (495) 668-37-40 (41)

www.etnogenez.ru

Подписано в печать 07.09.11 г. Формат 164x215

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура CharterC 11,2 pt

Условных печатных листов — 18

Заказывайте книги почтой в любом уголке России:

123022, Москва, а/я 71 «Книги-почтой»

или на сайте www.shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковью:

тел./факс: +7 (495) 259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в интернете на сайте www.ozon.ru

Издательская группа АСТ

www.ast.ru

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Информация по оптовым закупкам: +7 (495) 615-01-01, факс: +7 (495) 615-51-10

zakaz@ast.ru

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного электронного оригинал-макета

в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»

432980 Россия, г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14

тел: (8422) 41-11-07

факс: (8422) 41-11-32